

ВИКТИМОЛОГИЯ

VICTIMOLOGY

2021. Т. 8, № 4

Журнал ВИКТИМОЛОГИЯ включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Цель журнала — создание единой научной площадки для исследований в области виктимологии, развитие данного научного направления.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВА В. Канд. юрид. наук,
Челябинский государственный
университет (ЧелГУ), г. Челябинск

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

ВОРОНИН С. В.
редакция журнала, г. Челябинск

ПЕРЕВОД:

МАРТЫНОВА М. А.
редакция журнала, г. Челябинск

УЧРЕДИТЕЛИ

ООО «Эскуэла»
ООО «Южно-Уральский
юридический вестник»

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «Эскуэла»
454080, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

РЕДАКЦИЯ

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
Издательский центр,
тел.: +7 (908) 570-73-15.
E-mail: victimology@mail.ru

Журнал индексируется:
Европейский реферативный индекс
ERIN PLUS
Российский индекс
научного цитирования **РИНЦ**

Полнотекстовые версии размещены:
eLIBRARY.RU — www.elibrary.ru
КиберЛенинка — www.cyberleninka.ru
READera — www.readera.org

Сайт журнала: www.victimolog.ru

Журнал основан в 2014 г.
выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство ПИ № ФС 77-57507
от 27.03.2014)

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

5. Социальные и гуманитарные науки
5.1. Право; 5.1.4. Уголовно-правовые науки (Юридические науки)

КВАШИС В.Е. (науч. редактор). Д-р юрид. наук, проф., ВНИИ МВД России (Россия, г. Москва)

ВИШНЕВЕЦКИЙ К.В. Д-р юрид. наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (Россия, г. Краснодар)

ВОРОНИН Ю.А. Д-р юрид. наук, профессор, ЮУрГУ (Россия, г. Челябинск)

ГЕНРИХ Н.В. Д-р юрид. наук, проф., РГУП (Россия, г. Москва)

ГИЛИНСКИЙ Я.И. Д-р юрид. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

КАБАНОВ П.А. (председатель). Д-р юрид. наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева (Россия, г. Казань)

САБИТОВ Р.А. Д-р юрид. наук, профессор, ЧелГУ (Россия, г. Челябинск)

ФЕЩЕНКО П.Н. Канд. юрид. наук, МГЮА им. О.Е. Кутафина (Россия, г. Киров)

ЮЗИХАНОВА Э.Г. Д-р юрид. наук, проф., Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Россия, г. Тюмень)

5.3. Психология; 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (Психологические науки)

АНДРИЕНКО Е.В. Д-р пед. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет (Россия, г. Новосибирск)

БАЗЕЛЮК В.В. Д-р пед. наук, проф., ЮУрГУ (Россия г. Челябинск)

ИЮГОЛЕВИЧ Н.И. Д-р психол. наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Россия г. Тюмень).

КОСТЕНОК П.И. Д-р пед. наук, профессор, Уральский государственный университет физической культуры (Россия, г. Челябинск)

СИНЯКОВА М.Г. Д-р психолог. наук, доцент, Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России (Россия, г. Екатеринбург)

ТАНАЕВА З.Р. Д-р пед. наук, доцент, ЮУрГУ (Россия, г. Челябинск)

ЦИРИНГ Д.А. Д-р психол. наук, проф., ЧелГУ (Россия, г. Челябинск)

ЯЩЕНКО Е.Ф. Д-р психолог. наук, доцент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (Россия, г. Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКСПЕРТЫ

ВАРИ В. PhD, доцент, Национальный университет государственной службы, факультет Правоохранительной деятельности (Венгрия, г. Будапешт)

КАРОВИЧ С. PhD — уголовное право, доцент Университет в Травнике, Юридический факультет (Босния и Герцеговина)

МАТЬЯШ С. PhD, доцент Национальный университет государственной службы, факультет Правоохранительной деятельности (Венгрия, г. Будапешт)

РАЙЕДЖИАН АСЛИ М. PhD — уголовное право и криминология, доцент Институт исследований и развития гуманитарных наук (SAMT), факультет Права и юриспруденции, декан (Иран)

VICTIMOLOGY

VIKTIMOLOGIYA

2021. Vol. 8, no 4

The journal VICTIMOLOGY is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published. The purpose of the journal is to create a unified scientific platform for research in the field of victimology, the development of this scientific direction.

EDITOR IN CHIEF

A. V. MAYOROV. Cand. Sci. (Law),
Chelyabinsk State University (CSU),
Chelyabinsk, Russian Federation

DESKTOP PUBLISHING

S. V. VORONIN
editorial staff, Chelyabinsk

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA.
editorial staff, Chelyabinsk

THE FOUNDERS

Escuela LLC
South Ural Legal Bulletin LLC

PUBLISHER

Escuela LLC
139 Kommuny st., of. 39
Chelyabinsk 454080,
Russian Federation.

EDITORIAL OFFICE

Publishing Center
76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080,
Russian Federation.

Phone: +7 (908) 570-73-15
E-mail: victimology@mail.ru.

Indexed by:

European Reference Index (**ERIH PLUS**)
Russian Science Citation Index (**RSCI**)

Full-text versions of articles published:
eLIBRARY.RU — www.elibrary.ru
CyberLeninka — www.cyberleninka.ru
READera — www.readera.org

Journal site: www.victimolog.ru

The journal was founded in 2014
and is published 4 times a year.

The journal is registered with the Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
(certificate PI #FS 77-57507 from 27.03.2014)

The authors of the published materials
are responsible for the authenticity and
accuracy of citations, names, titles and other
information, as well as for compliance with
the intellectual property law.

EDITORIAL BOARD*(Legal Sciences)*

V. Ye. KVASHIS, scientific editor. Dr. Sci. (Law), Prof., All-Russian Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

K. V. VISHNEVETSKIY. Dr. Sci. (Law), Prof., Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Yu. A. VORONIN. Dr. Sci. (Law), Prof., South Ural State University (SUSU),
Chelyabinsk, Russian Federation

N. V. GENRIKH. Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State University of Justice,
Moscow, Russian Federation

Ya. I. GILINSKIY. Dr. Sci. (Law), Prof., Herzen State Pedagogical University
of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

P. A. KABANOV, chairman. Dr. Sci. (Law), Prof., V. G. Timiryasov
Kazan Innovative University (IEML), Kazan, Russian Federation

R. A. SABITOV. Dr. Sci. (Law), Prof., Chelyabinsk State University (CSU),
Chelyabinsk, Russian Federation

P. N. FESHCHENKO. Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., O. E. Kutafin Moscow
State Law University (MSLA), Kirov, Russian Federation

E. G. YUZHKHANOVA. Dr. Sci. (Law), Prof., Tyumen Institute of Advanced
Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russian
Federation

(Psychological Sciences)

Ye. V. ANDRIENKO. Dr. Sci. (Ped.), Prof., Novosibirsk State Pedagogical
University, Novosibirsk, Russian Federation

V. V. BAZELYUK. Dr. Sci. (Ped.), Prof., South Ural State University, (SUSU)
Chelyabinsk, Russian Federation

N. I. IOGOLEVICH. Dr. Sci. (Psy.), Prof., Tyumen Industrial University,
Tyumen, Russian Federation

P. I. KOSTENOK. Dr. Sci. (Ped.), Prof., Ural State University of Physical
Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

M. G. SINYAKOVA. Dr. Sci. (Psy.), Assoc. Prof., Ural Institute of the State
Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg,
Russian Federation

Z. R. TANAEVA. Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., South Ural State University,
(SUSU) Chelyabinsk, Russian Federation

D. A. TSIRING. Dr. Sci. (Psy.), Prof., Chelyabinsk State University (CSU),
Chelyabinsk, Russian Federation

Ye. F. YASHCHENKO. Dr. Sci. (Psy.), Assoc. Prof., Emperor Alexander I
St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

INTERNATIONAL EXPERTS

V. Vari. PhD, Assoc. Prof., Faculty of Law Enforcement, National University
of Public Service in Budapest, Hungary

S. Karovic. PhD in Criminal Law, Assoc. Prof., Faculty of Law, University
in Travnik, Bosnia and Herzegovina

S. Matyas. PhD, Assoc. Prof., Faculty of Law Enforcement, National University
of Public Service in Budapest, Hungary

M. Rayejian Asli. PhD in Criminal Law & Criminology, Assoc. Prof., Dean of
Department of Law & Jurisprudence, Institute for Research & Development
in Humanities (SAMT), Iran

© Editorial Board of VICTIMOLOGY, 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

АНТОНЯН Ю. М., ТИМОШИНА Е. М.

Виктимологические общественно опасные проблемы
коммерческого суррогатного материнства в России. 273

БОЕВА М. А.

О значении нравственности в предупреждении женской преступности 284

МАКАШОВА Т. П., БАЧАНОВА В. В.

Семейно-бытовое насилие в отношении женщин в России: постановка проблемы. 290

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

ВИНОКУРОВА М. А.

Почему женщины становятся жертвами домашнего насилия
или как распространение новой коронавирусной инфекции
повлияло на увеличение случаев применения насилия в семье?
Зарубежный опыт борьбы с домашним насилием. 297

ДУНАЕВА О. Н.

Преодоление насилия в семье в современном Китае.
Закон «О борьбе с насилием в семье» (2016 г.):
подготовка законопроекта и первые итоги применения (2016–2021 гг.) (часть 2) 303

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА

ГЛЯНЦ Е. М., КРИВЕНЦОВА Ю. В.

Виктимологические аспекты реабилитации детей-сирот и детей,
оставшихся без попечения родителей, в детском доме
(по материалам Нижнекамского детского дома) 318

ПЕРКОВ А. А.

Применения технологии профайлинга в деятельности
сотрудников Госавтоинспекции МВД России 329

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

БАРАНЧИКОВА М. В.

Социальный риск и его взаимосвязь с возрастом и уровнем образования
субъекта дорожно-транспортного преступления
(анализ криминальных показателей
дорожно-транспортных происшествий в России) 336

СОДЕРЖАНИЕ

КУЗНЕЦОВ Д. Ю.

Особенности установления признаков и свойств потерпевшего
в процессе квалификации краж по российскому законодательству 344

КОЗАЧЕНКО И. Я., СЕРГЕЕВ Д. Н.

Фетальные преступления 351

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

ГАРМАНОВ В. М.

Значение режима содержания под стражей в изоляторах временного содержания
подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел для обеспечения
защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений 362

МАЙОРОВ А. В.

Виктимологическая экспертиза системы уголовного правосудия
(обзор рекомендаций ООН) 370

ПУЧКОВ Д. В.

Кибертерроризм как новая угроза 382

РЕЦЕНЗИИ

КАРОВИЧ С.

Рецензия на книгу Муртезич А., Диздаревич А. «Борьба с киберпреступностью:
международные правовые и институциональные основы и Босния и Герцеговина»
Сараево, 2021 г. 392

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

БЕГИШЕВ И. Р.

Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений:
монография. Москва: Проспект, 2022. 160 с. 395

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Информационное письмо о проведении V Международной научной конференции
«Защита жертв преступлений в современном обществе»
(PVCMS 2022), 22 февраля 2022 года 397

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления рукописей статей
в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 400

CONTENTS

VICTIMOLOGY OF CRIME

ANTONYAN Yu. M., TIMOSHINA Ye. M.

Victimological Public Dangerous Problems
of Commercial Surrogacy in Russia 274

BOEVA M. A.

About the Meaning of Morality in the Prevention of Women's Crime 284

MAKASHOVA T. P., BACHANOVA V. V.

Domestic Violence against Women in Russia: Problem Statement 290

FOREIGN EXPERIENCE

VINOKUROVA M. A.

Why Women Become Victims of Domestic Violence
or how has the Spread of the New Coronavirus Infection
Affected the Increase in Cases of Domestic Violence?
Foreign Experience in Combating Domestic Violence 298

DUNAEVA O. N.

Overcoming Domestic Violence in Contemporary China.
The Law against Domestic Violence (2016):
Preparation of the bill and the first results of application (2016-2021). (Part 2) 304

VICTIMOLOGICAL PREVENTION

GLYANTS Ye. M., KRIVENCOVA Yu. V.

Victimological Aspects of the Rehabilitation of Orphans
and Children Left Without Parental Care in an Orphanage
(Based on Materials of the Nizhnekamsk Orphanage) 319

PERKOV A. A.

Application of Profiling Technology
in the Activities of Traffic Police Officers Russia 329

VICTIM OF CRIME

BARANCHIKOVA M. V.

Social Risk and its Relationship with the Age and Level of Education
of the Subject of a Traffic Crime
(Analysis of Criminal Indicators of Road Accidents in Russia) 337

CONTENTS

KUZNETSOV D. Yu.

Peculiarities of Establishing the Features and Properties of the Victim
in the Process of Qualification of theft under Russian Law 345

KOZACHENKO I. Ya., SERGEEV D. N.

Fetal Crimes 352

CRIME PREVENTION

GARMANOV V. M.

The Significance of the Detention Regime
in Temporary Detention Facilities for Suspects
and Accused Persons of Internal Affairs Bodies
to Protect the Rights and Legitimate Interests of Crime Victims 363

MAYOROV A. V.

Victimological Expertise of the Criminal Justice System
(Review of UN Recommendations) 371

PUCHKOV D. V.

Cyberterrorism as a New Threat 382

REVIEWS

KAROVIĆ S.

Review of the book “Fighting Cybercrime: International Legal
and Institutional Framework and Bosnia and Herzegovina”
by A. Murtezic, A. Dizdarevich MSc. Sarajevo, 2021 391

Science Library

BEGISHEV I. R.

Begishev I. R. Autonomous robotics
in the system of criminal law relations: monograph.
Moscow: Prospekt, 2022. 160 p. (in Russ.) 395

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts of articles
in the scientific journal VICTIMOLOGY 400

Научная статья
УДК 343.97

Виктимологические общественно опасные проблемы коммерческого суррогатного материнства в России

Юрий Миранович Антонян¹, Елена Михайловна Тимошина²

^{1,2}ВНИИ МВД России, Москва, Россия

¹antonyan33@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

²emtimoshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5903-6014>

Аннотация. Поднимается вопрос о необходимости изучения и обеспечения виктимологической безопасности коммерческого суррогатного материнства. Анализируется проблема виктимологической безопасности эмбриона и плода человека в криминологическом и виктимологическом аспектах. Исследуются проблемы виктимизации детей, рождённых с помощью коммерческого суррогатного материнства.

Расследование обстоятельств продажи младенцев, рождённых суррогатными матерями для иностранных граждан, установило многочисленные нарушения законодательства Российской Федерации частными клиниками, которые заключали договоры с одинокими мужчинами нетрадиционной сексуальной ориентации, в том числе, не являвшимися биологическими родителями приобретаемых детей. Приводятся доказательства виктимогенности предоставления услуг суррогатного материнства лицам нетрадиционной сексуальной ориентации на основе материалов зарубежной судебной практики. Отмечается, что отсутствие государственного контроля за оборотом эмбрионов и генетического материала, и в целом за данной вспомогательной репродуктивной технологией; отношение к ребёнку как к вещи, которую можно приобрести или отказаться от неё, если она не устраивает заказчика своими параметрами, способствуют виктимизации детей, рождённых на основании договора коммерческого суррогатного материнства. Анализ международного научного обсуждения данной проблемы также подтверждает существование высокого риска для таких детей стать жертвой сексуальной эксплуатации и торговли, в том числе, в целях трансплантологии.

Вносятся конкретные предложения по обеспечению виктимологической безопасности детей.

Ключевые слова: преступления в отношении детей, торговля детьми, сексуальная эксплуатация детей, потенциальная виктимность детей, обеспечение виктимологической безопасности, защита безопасности эмбриона и плода человека, коммерческое суррогатное материнство, виктимологические проблемы

Для цитирования: Антонян Ю. М., Тимошина Е. М. Виктимологические общественно опасные проблемы коммерческого суррогатного материнства в России // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 273–283.

Scientific article

Victimological Public Dangerous Problems of Commercial Surrogacy in Russia

Yuriy M. Antonyan¹, Yelena M. Timoshina²

^{1,2}All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russian Federation, Moscow

¹antonyan33@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

²emtimoshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5903-6014>

Abstract. The question is raised about the need to study and ensure the victimological safety of commercial surrogacy. The problem of victimological safety of the human embryo and fetus is analyzed in criminological and victimological aspects. The problems of victimization of children born with the help of commercial surrogacy are investigated.

Investigation into the circumstances of the sale of infants born to surrogate mothers to foreign citizens established numerous violations of the legislation of the Russian Federation by private clinics that entered into agreements with single men of non-traditional sexual orientation, including those who were not biological parents of the acquired children. Proofs of the victimization of the provision of surrogacy services to persons of non-traditional sexual orientation are presented on the basis of materials from foreign judicial practice.

It is noted that the lack of state control over the circulation of embryos and genetic material, and in general over this assisted reproductive technology; treating a child as a thing that can be purchased or abandoned if it does not suit the customer with its parameters, contributes to the victimization of children born on the basis of a commercial surrogacy contract. An analysis of the international scientific discussion of this problem also confirms the existence of a high risk for such children to become a victim of sexual exploitation and trafficking, including for the purpose of transplantation. Concrete proposals are being made to ensure the victimological safety of children.

Keywords: crimes against children, trafficking in children, sexual exploitation of children, potential victimization of children, ensuring victimological safety, protecting the safety of the embryo and human fetus, commercial surrogacy, victimological problems

For citation: Antonyan Yu. M., Timoshina Ye. M. Victimological Public Dangerous Problems of Commercial Surrogacy in Russia. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 273-283. (In Russ.)

Введение

Меры ограничения, введённые в 2020 году в Российской Федерации в связи с эпидемией коронавирусной инфекции, позволили выявить криминальный бизнес суррогатного материнства, работающий в интересах иностранных граждан, которые с помощью вспомогательных репродуктивных технологий¹ (далее — ВРТ) за деньги заказывали «производство» детей, не имевших с ними никакой

генетической связи². В октябре 2021 г. были возобновлены следственные действия в рамках уголовного дела в отношении московских врачей-репродуктологов о продаже 24 младенцев, рождённых от суррогатных матерей для граждан других государств³.

Это событие получило широкий общественный резонанс и повлекло официальные и неофициальные расследования. Первый заместитель председателя комиссии

¹ Вспомогательные репродуктивные технологии регламентируются ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 07.10.2021).

² Что не так в деле о торговле младенцами // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200724/1574823442.html> (дата обращения: 01.11.2021).

³ К делу московских врачей-репродуктологов добавили шесть эпизодов продажи младенцев // ИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/12707975> (дата обращения: 20.10.2021).

Общественной Палаты Российской Федерации П. А. Пожигайло привёл данные, полученные им по запросу от одной ведущей авиакомпании, согласно которым в 2019 г. среди иностранцев, въехавших в Россию без детей, около 7 тысяч выехало из России с младенцами в возрасте до 1 года, что, по его мнению, связано именно с услугами суррогатного материнства, поскольку львиная их доля приходится на удовлетворение интересов представителей нетрадиционной ориентации¹. Некоторые эксперты приводят данные о том, что из числа младенцев (примерно 22 000 человек в год)², ежегодно рождаемых с помощью суррогатных матерей, большинство предназначались для иностранных заказчиков.

Член комитета Госдумы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Н. Г. Земцов сделал заявление о том, что в возбуждённых уголовных делах по факту продажи детей суррогатных матерей иностранным гражданам имеются «...следы черных трансплантологов, которые ведут за рубеж», и некоторых детей специально заказывают через клиники, оказывающие услуги суррогатного материнства, для «разделки на органы»³. Эти заявления небезосновательны, учитывая, что, к примеру, в Америке очередь на одну детскую почку составляет 250 тысяч человек, а в Китае с недавнего времени подобные операции стали проводиться для всех желающих почти каждые две недели при чрезвычайной сложности нахождения органа, который подходил бы по всем показателям у донора и реципиента⁴.

¹ Более 7 тысяч детей вывезено иностранцами из России за год // ИА Накануне.RU. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2021/01/03/22592126/> (дата обращения: 20.10.2021).

² Остановить торговлю детьми! Общественники требуют посадить организаторов «суррогатного туризма», депутаты готовы затыкать «дырки» в законе 28.10.2020 // РИА Катюша. URL: katyusha.org/view?id=15413 (дата обращения: 19.09.2021).

³ В истории с суррогатными младенцами есть следы черных трансплантологов // ИА Накануне.RU. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2020/12/08/22590179/> (дата обращения: 21.10.2021).

⁴ В России зацвела торговля суррогатными младенцами: ненужных отдают на органы // Новостной портал МК.RU. URL: <https://www.mk.ru/social/2021/08/05/>

Всё это свидетельствует о необходимости исследования виктимологических проблем суррогатного материнства в криминологическом и уголовно-правовом аспектах. В первую очередь, это касается проблемы виктимизации детей, рождённых с помощью данного вида ВРТ. При этом виктимизация понимается как «процесс превращения лица в жертву преступления и результат этого процесса, как на единичном, так и на массовом уровне» [1, с. 107]. Сложившаяся ситуация наиболее очевидно обосновывает актуальность выработки и реализации специальных методов и подходов при организации прокурорского надзора за соблюдением прав, свобод и законных интересов детей, обусловленных их особым социальным, правовым и процессуальным статусом [2, с. 344].

Описание исследования и постановка проблем

Сегодня в России не существует точной статистики числа рождённых от суррогатных матерей детей; не ведётся учёт количества аборт суррогатных матерей на поздних сроках (для использования фетальных тканей в производстве лекарств и медикаментов); младенцев, погибших в «квартирах-передержках» и переданных иностранным гражданам с начала применения в нашей стране ВРТ, никто не знает какова дальнейшая судьба этих детей. На этом основании нельзя исключать возможности, что они стали жертвами торговли, попали в рабство, сексуальную эксплуатацию, были использованы для изъятия органов в целях трансплантологии и погибли. Всё это усугубляется отсутствием правового механизма отслеживания судьбы детей, рождённых от суррогатных матерей для иностранцев в случае вывоза их за границу.

Обнаруживается первая виктимологическая проблема коммерческого суррогатного материнства, которая заключается в том, что дети, рождённые для иностранных граждан с помощью данного вида ВРТ, становятся потенциально виктимными с момента своего рождения.

v-rossii-zacvela-torgovlya-surrogatnymi-mladencami-nenuzhnykh-otdayut-na-organy.html (дата обращения: 28.10.2021).

В ходе расследования возбуждённых по данным фактам уголовных дел¹ было установлено, что многие частные клиники нарушали законодательство Российской Федерации и заключали договоры коммерческого суррогатного материнства с одинокими мужчинами, часть из которых вообще не предоставляла генетического материала для производства эмбриона, то есть, по сути, заказчики покупали чужой генетический материал, а затем и детей, произведённых для них на заказ по «нужным параметрам»².

Подтверждением этому служат и результаты проверки Территориального органа Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по г. Москве и Московской области, в связи с получением сведений из Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации после возбуждения первого в России уголовного дела о торговле детьми в связи с использованием коммерческого суррогатного материнства. В ходе проверки было установлено, что в медицинских организациях частной формы собственности, представляющих услуги суррогатного материнства, соответствующие услуги предоставлялись одиноким мужчинам иностранным гражданам *при использовании донорской спермы, донорских ооцитов³ и суррогатной матери*, а некоторые мужчины заказывали детей, вообще не посещая клиник⁴. При этом медицинскими организациями специально для таких случаев было разработано и применялось на практике «добровольное информированное

согласие на участие в ВРТ одинокого мужчины», что указывает на системный характер подобной противозаконной практики.

Эта виктимологическая проблема усугубляется тем, что услуги суррогатного материнства предоставлялись не только одиноким иностранным гражданам, но и лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Например, умерший в Санкт-Петербурге ребёнок был рождён не для семейной пары, как утверждают защитники суррогатного материнства, а для одинокого мужчины при содействии международного агентства «Голубой ребенок», которое предоставляет посреднические услуги исключительно лицам нетрадиционной сексуальной ориентации⁵.

И это не единичный случай, принимая во внимание, что сегодня существует множество организаций, специализирующихся на подобных посреднических услугах⁶, что подтверждается и на практике. В результате внеплановых проверок Территориальным органом Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по г. Москве и Московской области только трёх медицинских организаций частной формы собственности, осуществляющих деятельность с использованием суррогатного материнства, было выявлено 48 случаев предоставления услуг суррогатного материнства одиноким мужчинам — гражданам других стран, некоторые из которых даже не посещали клиники, а заказывали детей дистанционно⁷.

Виктимогенность предоставления услуг суррогатного материнства лицам нетрадиционной сексуальной ориентации подтверждается зарубежной судебной практикой. В 2011 г. суд США установил виновность гомосексуальной супружеской пары в сексуальном насилии и сексуальной эксплуатации

¹ По делу о торговле младенцами планируются аресты отцов детей от суррогатных матерей // ИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/9596727> (дата обращения: 18.10.2021).

² Сведения получены в ходе опроса лица, участвующего в уголовном деле по факту торговли детьми в связи с использованием коммерческого суррогатного материнства, возбуждённым Следственным комитетом Российской Федерации.

³ Ооциты — это половые клетки, которые зреют в фолликулах женских яичников, забор которых проводят врачи в клиниках репродуктологии. Термин «ооцит» является синонимом яйцеклетки.

⁴ Данные из ответа на запрос депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Н.Г. Земцова, приведённые в статье «Репродуктивное рабство...» // РИА Катюша. URL: <http://katyusha.org/view?id=15706> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ В Петербурге снова госпитализирован ребенок, рожденный для продажи за границу // ИА Накануне.RU. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2020/10/20/22586298/> (дата обращения: 19.09.2021).

⁶ Суррогатное материнство для ЛГБТ // Future Parents : [сайт]. URL: <https://future-parents.com/surrogatnoe-materinstvo/dlya-lgbt/> (дата обращения: 28.10.2021).

⁷ Данные из ответа на запрос депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Н.Г. Земцова, приведённые в статье «Репродуктивное рабство...».

ребёнка с младенческого возраста, который был приобретён ими от суррогатной матери из России в 2005 г. В этой связи возникает ещё одна виктимологическая проблема, требующая серьёзного научного исследования — формирование вторичной виктимизации у жертв, перенесших сексуальное насилие в детском возрасте [3, с. 135].

Высокий риск попасть к лицу нетрадиционной сексуальной ориентации для ребёнка, рождённого на основании договора коммерческого суррогатного материнства, отсутствием государственного контроля за оборотом эмбрионов и генетического материала, отношение к ребёнку как к вещи, которую можно приобрести, на наш взгляд, не только способствует виктимизации таких детей, но и создаёт острую проблему нравственного характера, которая требует отдельного научного осмысления.

Отсутствие фиксации данных обо всех перенесённых в тело женщины эмбрионах и их дальнейшей судьбе порождает такую виктимологическую проблему коммерческого суррогатного материнства, как высокая латентность её виктимности. Здесь речь идёт не только о незаконно заключённых договорах о суррогатном материнстве, в результате чего рождённые дети, получая иностранное гражданство сразу после рождения, вывозятся за рубеж, но и об использовании данного вида ВРТ для получения фетальных тканей с целью последующего их использования для изготовления косметических препаратов и лекарственных средств. По данным проведённых опросов женщин¹, участвующих в программах суррогатного материнства, некоторые из них свидетельствовали, что примерно на 30-й неделе беременности сотрудником клиники суррогатного материнства в их организм вводился неустановленный препарат, после которого у них (при нормально развивающейся беременности) случались преждевременные роды. При этом тело ребёнка не разрешалось забрать для захоронения ни суррогатной матери, ни его биологическим родителям.

¹ В период с декабря 2020 по март 2021 года Е. М. Тимошиной и группой юристов, оказывавших юридическую консультацию, на условиях анонимности были опрошены 16 женщин, участвовавших в программах суррогатного материнства.

Ещё одна виктимологическая проблема коммерческого суррогатного материнства связана с тем, что оно, по своей сути, стало легальным способом преодоления запрета на иностранное усыновление детей, рождённых на территории Российской Федерации, установленного² после обнаружения преступной деятельности, сопряжённой с насилием и торговлей детьми, вывезенными из Российской Федерации после усыновления иностранными гражданами.

В отличие от России, виктимологические проблемы суррогатного материнства активно обсуждаются на международном уровне, о чём свидетельствуют множество научных исследований [4, с. 9–16; 5, с. 193–211] и научно-практических мероприятий, специальных докладов³, международных документов, касающихся защиты детей от похищения, торговли и контрабанды⁴.

² Запрет установлен Федеральным законом от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ (дата обращения: 15.09.2021).

³ Например, на пятнадцатой сессии Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Вена, 24–28 апреля 2006 г.) был рассмотрен вопрос «Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него» (доклад Генерального секретаря ООН «Предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V06/513/19/PDF/V0651319.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

⁴ Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. принята Резолюцией 44/25 ГА ООН от 20.11.1989 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 25.08.2021); Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. принята Резолюцией 55/25 ГА ООН // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 25.08.2021); Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 15.09.2021).

Впервые на высоком уровне виктимологические проблемы суррогатного материнства были подняты в 2012 г. на 2-й ежегодной международной конференции по семейному праву в Камбодже, где отмечалось, что «продажа младенцев в различных формах является огромным и высокодоходным предприятием». По оценкам экспертов «эта форма торговли людьми может достигать 10 миллиардов долларов». В качестве доказательств приводились примеры раскрытых преступлений, связанных с перевозкой детей и их органов для трансплантологии, существенную роль в которых играло международное суррогатное материнство¹.

Во Всемирном докладе о торговле людьми за 2016 г., опубликованном Управлением ООН по наркотикам и преступности говорится о том, что дети составляют 28 процентов выявленных жертв торговли людьми во всём мире².

В 2017 г. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Антониу Гутерриш, выступая на заседании Совета Безопасности ООН, подчеркнул, что торговля людьми и современные формы рабства являются глобальными преступлениями и касаются многих стран мира, однако точных данных о масштабах этого явления нет. Жертв торговли людьми можно найти в 106 странах мира, только принудительному труду подвергаются 21 миллион человек, из которых 5,5 миллионов — дети. Такая эксплуатация, по убеждению Генерального секретаря ООН ежегодно приносит преступникам доход в размере 150 млрд долларов США³.

¹ Presented by Chief Federal Magistrate Pascoe AO CVO at The 2nd LegalWise Annual International Family Law Conference, Siem Reap Cambodia on 19 September 2012 // Federal Circuit Court of Australia. URL: <http://www.federalcircuitcourt.gov.au/wps/wcm/connect/fccweb/reports-and-publications/speeches-conference-papers/2012/speech-pascoe-legalwise-2012> (дата обращения: 10.08.2021).

² Global Report on Trafficking in Persons 2016. New York : United Nations, 2016. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2016_Global_Report_on_Trafficking_in_Persons.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

³ Рынки рабов, сексуальная эксплуатация женщин и детей — реальность современных конфликтов // Центр новостей ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2017/03/1301631> (дата обращения: 10.09.2021).

В 2020 г. на сорок третьей сессии Совета по правам человека было подчёркнуто, что широкое использование ВРТ ещё больше облегчают условия, в которых может процветать сексуальная эксплуатация детей⁴. В докладе была дана ссылка на материалы уголовного дела о незаконном усыновлении с целью эксплуатации ребёнка⁵, и специальный докладчик прямо высказал «озабоченность по поводу современной практики суррогатного материнства и торговли детьми на фоне процветающего медицинского туризма, международного и национального регуляторного вакуума... суррогатного материнства»⁶.

Это не только актуализирует данную проблему, но и заставляет искать ответы на острые вопросы: откуда взялось такое огромное количество детей в рабстве и как они туда попали, а также свидетельствует о необходимости обеспечения виктимологической безопасности суррогатного материнства и принятия дополнительных изменений национального законодательства в направлении защиты несовершеннолетних от подобных преступлений. Полагаем, что на фоне запрета коммерческого суррогатного материнства в большинстве стран Европы, в Китае, Канаде, Индии и некоторых штатах США, из-за отсутствия внимания к данной проблеме, Россия, как крупнейшая страна, стала обеспечивать потребности криминального рынка торговли детьми.

С помощью ВРТ получена уникальная возможность создания зародыша человека вне организма матери и последующая подсадка его в тело любой женщины. Однако виктимологическая безопасность эмбриона человека до сих пор научно не осмыслена и практически не обеспечена. В ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны

⁴ Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле детьми и сексуальной эксплуатации детей, включая детскую проституцию, детскую порнографию и изготовление прочих материалов о сексуальных надругательствах над детьми (п. 18) // Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. Сорок третья сессия (24 февраля — 20 марта 2020 г.). URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/43/40> (дата обращения: 09.09.2021).

⁵ Там же, п. 54.

⁶ Там же, п. 57.

здоровья граждан»¹ перечислены разнообразные права пользователей услуг ВРТ, в том числе суррогатного материнства, однако нигде не регламентируется защита эмбриона человека, рассматриваемого исключительно в контексте предмета сделки, а не субъекта права.

Как объект сделки рассматривается и сам ребёнок, рождённый в результате коммерческого суррогатного материнства. По мнению учёных экспертов в этой области, «в основе коммерческого «суррогатного материнства» лежит презюмирование и позиционирование ребёнка не как личности, а как объекта права, некоего объекта сделки, по существу — как неодушевлённого объекта, которому атрибутируются признаки товара и потребительские товарные свойства» [6, с. 6].

Исследователями отмечается, что коммерческое суррогатное материнство является собой пример коммодификации уникальных объектов, «где материнство из «социального призвания женщины» превращается в услугу, конечный продукт которой — человеческая жизнь, оцениваемая в денежном эквиваленте» [7, с. 62]. Коммодификация которая становится характерной чертой современного общества [7, с. 63], что, на наш взгляд, является аморальным и недопустимым явлением.

В мировой судебной практике хорошо известна возможность эксплуатации в области коммерческого суррогатного материнства. В 2009 г. Австралийский постоянный совет генеральных прокуроров отметил, что коммерческое суррогатное материнство «коммерциализирует ребенка» и создаёт «риски эксплуатации бедных семей в интересах богатых»².

Возможно, именно по этой причине иностранные заказчики суррогатных детей зачастую отказывались от них, если те не соответствовали определенным

параметрам (например, не обладали абсолютным здоровьем или нужным полом). Этому в немалой степени способствует отсутствие генетической связи между заказчиком суррогатных услуг и ребёнком, что прямо допускается в рекламе медицинских центров суррогатного материнства.

Коммерческое суррогатное материнство влечёт за собой и множество иных проблем. Из-за пробелов правовой регламентации этой сферы репродуктивные клиники стали прибыльным бизнесом, а количество агентств по вербовке женщин на роль суррогатных матерей выросло многократно. Вместе с тем игнорируется то обстоятельство, что женщины используются как инкубатор для вынашивания детей, невзирая на колоссальный риск и негативные последствия для их здоровья.

По нашему мнению, коммерческое суррогатное материнство представляет собой форму эксплуатации женщин из-за их бедности, низкого уровня материальной обеспеченности, в результате которой здоровью женщины может быть нанесён огромный урон. При всей видимой добровольности решения женщины «дать в аренду» свой организм для вынашивания чужого ребёнка, нельзя игнорировать тот факт, что на это соглашаются социально и экономически необеспеченные женщины, имеющие крайне низкий уровень жизни в целом. То есть именно тяжёлые условия жизни или материальные проблемы вынуждают их прибегнуть к предоставлению своего тела для целей суррогатного материнства. Такого же мнения придерживаются и иностранные учёные, утверждающие, что «коммерческое суррогатное материнство ставит под угрозу женщин, принадлежащих к обездоленной части общества», «оказывает несправедливое социальное давление на и без того уязвимых женщин», является собой «ужасный механизм, который заманивает женщин в ловушку экономическими стимулами» [8].

В этой ситуации страдают не только женщины, страдают их семьи и дети, а бремя последующего лечения суррогатных матерей ложится на государство. Эксплуатация женщин наносит непоправимый вред их здоровью и противоречит национальным

¹ Об основах охраны здоровья граждан : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 07.10.2021).

² Presented by Chief Federal Magistrate Pascoe AO CVO at The 2nd LegalWise Annual International Family Law Conference, Siem Reap Cambodia on 19 September 2012 (p. IV).

целям развития Российской Федерации, направленным на сохранение населения и их здоровья¹.

Пути решения проблем

По нашему мнению, необходимо осознать, что современные научные достижения, связанные с возможностями ВРТ, давно опередили существующие нормативные правовые акты в области защиты прав человека. Состояние незащищённости ребёнка, рождённого в результате суррогатного материнства, противоречит, в том числе, принятым в 2020 году поправкам в Конституцию Российской Федерации, согласно которым «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России»². Суррогатное материнство сегодня можно рассматривать как виктимогенный фактор, порождающий виктимность рождённых от них детей. Это обстоятельство даёт право обществу и государству по-новому взглянуть не только на защиту, но и на статус эмбриона и плода человека.

В первую очередь необходимо изменить отношение к эмбриону и плоду человека, на законодательном уровне признав их неотъемлемым этапом развития человека таким же, например, как старость. Так же как старость не является обстоятельством, оправдывающим пренебрежение пожилым человеком, также зачатие с помощью ВРТ, период пренатального (внутриутробного) развития человека, являясь частью его биологической жизни, не может быть обстоятельством, оправдывающим отсутствие защищённости эмбриона и развивающегося плода. Не остаётся сомнений, что эмбрион и плод человека должны иметь большую правовую защиту.

Таким образом, сложившаяся сегодня практика коммерческого суррогатного материнства в России, создает прямую

и косвенную возможности нанесения ущерба национальным интересам, представляет угрозу национальной безопасности. Суррогатное материнство в качестве самостоятельной технологии, а также в сочетании с иными современными медицинскими технологиями (например, экспериментами с генетическим материалом человека, редактированием генома эмбриона человека), может рассматриваться как потенциальная угроза биологической безопасности человечества. Отсутствие надлежащего контроля ВРТ, учёта донорских клеток и иных биоматериалов, должной защиты родившихся от суррогатных матерей детей, позволяет бесконтрольно собирать, хранить, исследовать, а также применять биоматериал граждан России.

Оценка общественно опасных, по существу криминальных последствий суррогатного материнства свидетельствует о том, что криминологическая мысль обязана выявлять новые проблемы, возникающие в связи с научным прогрессом, в данном случае в биологии и медицине. Должны исследоваться причины и содержание таких проблем, формы их проявления, предлагаться меры борьбы с такими явлениями, в том числе на законодательном уровне. Реакция на них должна быть не ниже той, которая функционирует в области борьбы с негативными последствиями новейших технических достижений и новых технологий.

Не надо забывать, что предупреждение общественно опасных виктимологических последствий, порождаемых суррогатным материнством, имеет огромное нравственное и гуманистическое значение, что оно прямо направлено на защиту чести и достоинства человека. Недопустимо, чтобы суррогатное материнство способствовало развитию работорговли, криминализации и виктимизации детей, их разращению.

Как отмечал Д. В. Ривман, «виктимность, как состояние уязвимости относительна, так как всегда реализуется в ситуации, оказавшейся для этого достаточной» [9, с. 43]. Такую достаточную («благоприятную») для виктимности новорожденных детей ситуацию создает практика коммерческого суррогатного материнства как разновидность высокодоходного и аморального

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 01.11. 2021).

² Конституция Российской Федерации. Ст. 67.1. Ч. 4 // СПС КонсультантПлюс // URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.07. 2021).

бизнеса, не обременённого ответственностью за судьбы младенцев.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что коммерческий характер суррогатного материнства и пробелы правового регулирования этой сферы выступают главными условиями виктимизации детей, рождённых с помощью данного вида ВРТ. Полагаем, что виктимологическая политика государства должна учитывать сложившуюся виктимологическую ситуацию и те виктимологические угрозы, которые неизбежно влечёт за собой коммерческое суррогатное материнство.

В целях предупреждения незаконного использования эмбрионов человека, в том числе для их продажи, защиты плода человека, обеспечения виктимологической безопасности¹ детей, полагаем необходимым принять следующие меры:

¹ Обеспечение виктимологической безопасности — это основанная на принципах комплексного планирования систематизированная деятельность государства и его органов и общественных организаций, направленная на обеспечение эффективной защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от угроз криминального характера, а также противодействие повторному совершению преступлений в отношении виктимной категории граждан, выработку мер по снижению виктимности как отдельных граждан, так и общества в целом, создание и совершенствование механизма возмещения вреда и оказания социальной поддержки реальным жертвам преступных посягательств.

1. Ввести в уголовный кодекс Российской Федерации новый состав преступления, предусматривающего посягательство на эмбрион и плод человека, что обеспечит возможность уголовно-правовой защиты человека с момента его естественного зачатия или искусственного оплодотворения.

2. Ввести запрет на коммерческое суррогатное материнство как формы фактической торговли детьми и эксплуатации женщин. В первую очередь, это необходимо сделать в отношении подобных услуг для иностранных заказчиков.

3. Ввести запрет коммерческой агентской или иной посреднической деятельности, а также деятельности иностранных организаций в этой сфере.

4. Ввести запрет на рекламу и пропаганду суррогатного материнства.

5. Законодательно установить исключительно некоммерческую форму суррогатного материнства и только для семейных пар, имеющих гражданство Российской Федерации, состоящих в официальном браке, страдающих бесплодием, которое исключает возможность зачатия ребенка иным путем.

6. В целях недопущения подмены понятий «родительство», «материнство» и «отцовство» привести в соответствие международным стандартами понятийный аппарат ВРТ, заменив понятия «суррогатная мать» термином «гестационный курьер», понятие «потенциальные родители» — термином «генетические доноры».

Список источников

1. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе : Ирфон, 1977. 240 с.
2. Ережипалиев Д. И., Пристанская О. В. О преемственности и развитии традиций научного обеспечения деятельности прокуратуры Российской Федерации в сфере защиты прав несовершеннолетних // Система функций прокуратуры Российской Федерации (Сухаревские чтения) : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 9 октября 2020 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус. Москва, 2021. С. 344–357.
3. Нуцкова Е. В., Дозорцева Е. Г., Бадмаева В. Д., Чибисова И. А. Показатели виктимности у несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления. // Психология и право. 2021. Том 11, № 2. С. 132–145.
4. Silvern R., Cojocar S. Ethical Aspects of Commercial Surrogacy // Social Research Reports. 2020. Vol. 12, no. 2. pp. 9–16. URL: <https://www.researchreports.ro/images/documente/srr-12-02-01.pdf> (accessed: 01 Nov 2021).

5. Jacobson H. Commercial surrogacy in the age of intensive mothering // *Current Sociology*. 2021. Vol. 69, no. 2. pp. 193–211. <https://doi.org/10.1177/0011392120964909> (accessed: 01 Nov 2021).
6. Понкин И. В., Понкина А. А. Заключение о правовой, биоэтической и нравственной оценке коммерческого «суррогатного материнства». 26 с. URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=69> (дата обращения: 10.12.2020 г.).
7. Душина А., Керша Ю. Д., Ларкина Т. Ю., Проворова Д. Д. Легитимация коммерческого суррогатного материнства в России // *Экономическая социология*. 2016. № 1. С. 62–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legitimatsiya-kommercheskogo-surrogatnogo-materinstva-v-rossii> (дата обращения: 01.11.2021).
8. Shastri C. Commercial Surrogacy As an Instrument of Exploitation (May 6, 2020) // SSRN : [repository for preprints]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3637565> (accessed: 10 Dec 2020).
9. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 304 с.

References

1. Frank L. V. *Victims of Crime and Problems of Soviet Victimology*. Dushanbe: Irfon, 1977. (In Russ.)
2. Erezhipaliev D. I., Pristanskaya O. V. On the continuity and development of traditions of scientific support for the activities of the prosecutor's office of the Russian Federation in the field of protecting the rights of minors. *System of functions of the prosecutor's office of the Russian Federation (Sukharev readings): collection of materials of the VI All-Russian Scientific-practical. conf. (Moscow, October 9, 2020) under total. ed. O. S. Capinus; University of Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow. 2021:344-357. (In Russ.)*
3. Nutskova Ye. V., Dozortseva E. G., Badmaeva V. D., Chibisova I. A. Indicators of victimization among juvenile victims of sexual violence and abuse. *Psihologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2021;11(2):132-145. (In Russ.)
4. Silvern R., Cojocararu S. Ethical Aspects of Commercial Surrogacy. *Social Research Reports*. 2020;12(2):9-16. URL: <https://www.researchreports.ro/images/documente/srr-12-02-01.pdf> (accessed: 01 Nov 2021).
5. Jacobson H. Commercial surrogacy in the age of intensive mothering. *Current Sociology*. 2021;69(2):193-211. <https://doi.org/10.1177/0011392120964909> (accessed: 01 Nov 2021).
6. Ponkin I. V., Ponkina A. A. *Conclusion on the legal, bioethical and moral assessment of commercial "surrogacy"*. 26 p. Available from: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=69> Russ. (accessed: 10 Dec 2020).
7. Dushina A., Kersha Yu. D., Larkina T. Yu., Provorova D. D. Legitimization of Commercial Surrogacy in Russia. *Ekonomicheskaya sociologiya [Economic Sociology]*. 2016;(1):62-82. (In Russ.)
8. Shastri C. Commercial Surrogacy As an Instrument of Exploitation (May 6, 2020). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3637565> (accessed: 10 Dec 2020).
9. Rivman D. V. *Criminal victimology*. St. Petersburg: Peter, 2002. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонян Юрий Миранович, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 1, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

121069, г. Москва, ул. Поварская,
д. 25, стр. 1.
antonyan33@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Тимошина Елена Михайловна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра № 1, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

121069, г. Москва, ул. Поварская,
д. 25, стр. 1.
emtimoshina@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5903-6014>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonyan Yu. Miranovich, Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law Science, Professor, Chief researcher of the Research Center no.1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

25 Povarskaya st. bld. 1. Moscow 121069, Russia.
antonyan33@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Timoshina Ye. Mikhaylovna, Candidate of Law Science, Senior researcher of the Research Center no.1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

25, building 1, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russian Federation.
emtimoshina@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5903-6014>

Дата поступления статьи / Received: 01.11.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.12.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.12.2021.

О значении нравственности в предупреждении женской преступности

Боева Милана Александровна

Орловский ЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

BMil_120@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1280-8379>.

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины существования женской преступности на сегодняшний день, а так же предложения по наиболее эффективным мерам предупреждения этого вида преступлений. Так как общеприменительные подходы в работе по предупреждению преступности женщин приемлемы лишь отчасти. Как в сфере предупредительной деятельности среди женского населения страны, так и при реализации мер частно-превентивного характера при работе с контингентом преступников женского пола необходима специальная система методик, принципов, подходов, учитывающая как социальные, физиологические, так и нравственно-психологические особенности женщины. На сегодняшний день, к сожалению, реальных программ и комплексных методических разработок в данной сфере не существует, не считая отдельных работ ученых и практиков, посвященных проблеме женской преступности и содержащих некоторые предложения по решению данной проблемы. При организации деятельности по предупреждению преступлений, совершаемых женщинами, необходимо придерживаться особого подхода, учитывающего тендерный признак. В первую очередь, это относится к общей превенции, которая немыслима без укрепления нравственных начал в воспитании девушки, подготовки ее к роли матери и супруги, привития ей понимания своей особой роли в жизни и соответствующих ей женских качеств. Автор приходит к выводу о необходимости государственного, широкомасштабного правового (в т. ч. виктимологического) воспитания населения.
Ключевые слова: женская преступность, психологические особенности, профилактика, детерминация, социальные требования, виктимология
Для цитирования: Боева М. А. О значении нравственности в предупреждении женской преступности // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 284–289.

Scientific article

About the Meaning of Morality in the Prevention of Women's Crime

Milana A. Bueva

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

BMil_120@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1280-8379>

Abstract. The article discusses the main reasons for the existence of female crime today, as well as proposals for the most effective measures to prevent this type of crime. Since

© М. А. Боева

generally applicable approaches in the work on the prevention of women's crime are only partially acceptable. Both in the field of preventive activity among the female population of the country, and in the implementation of measures of a private preventive nature when working with a contingent of female criminals, a special system of techniques, principles, approaches is needed, taking into account both the social, physiological, and moral and psychological characteristics of a woman. To date, unfortunately, there are no real programs and comprehensive methodological developments in this area, apart from individual works by scientists and practitioners devoted to the problem of female crime and containing some suggestions for solving this problem.

When organizing activities to prevent crimes committed by women, it is necessary to take a special approach that takes into account the gender dimension. First of all, this refers to general prevention, which is inconceivable without strengthening the moral principles in the upbringing of a girl, preparing her for the role of mother and spouse, instilling in her an understanding of her special role in life and the female qualities corresponding to it. The author concludes that there is a need for state wide legal (including victimological) education of the population.

Keywords: women's crime, psychological characteristics, prevention, determinacy, social requirements, victimology

For citation: Boeva M. A. About the Meaning of Morality in the Prevention of Women's Crime. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 284-289. (In Russ.)

Введение

Женская преступность, как часть общей преступности, — явление, обладающее присущими только ей особенностями, которые обусловлены социальным положением женщины в обществе и ее психофизическими особенностями. При этом нельзя не выделить такие качественные особенности современной женской преступности, как ее жестокость, агрессивность, насильственный характер большей массы деяний, корыстная мотивация посягательств, рост удельного веса тяжких преступлений. Между тем при анализе детерминационного комплекса, который составляют объективные и субъективные факторы, продуцирующие ухудшение криминогенной ситуации в данной сфере общественных отношений, нельзя не выявить причины не только материального (в первую очередь, социально-экономического), но и духовно-личностного значения «...утрата таких женских качеств, как доброта, хранительница семейного очага» [1, с. 41].

Стабильная социальная база в любом обществе является первоосновой для существования и укрепления здоровой нравственности. Данное положение «красной нитью» проходит через многие труды и, в частности, исследования, посвященные изучению личности женщин, детерминантам совершенных ими преступлений, психологическим

особенностям женской преступности в целом. Трудно не согласиться с выводом, подтвержденным опытом научных исследований и состоящим в том, что нравственность способна деформироваться, преломляясь под воздействием тяжелых объективных условий, С. М. Иншаков справедливо отмечает «нищета постепенно размывает границы нравственности и человек становится готовым ко всему» [2, с. 41].

Постановка проблемы

Общеприменительные подходы в работе по предупреждению преступности женщин приемлемы лишь отчасти. Как в сфере предупредительной деятельности среди женского населения страны, так и при реализации мер частно-превентивного характера при работе с контингентом преступников женского пола необходима специальная система методик, принципов, подходов, учитывающая как социальные, физиологические, так и нравственно-психологические особенности женщины. На сегодняшний день, к сожалению, реальных программ и комплексных методических разработок в данной сфере не существует, не считая отдельных работ ученых и практиков, посвященных проблеме женской преступности и содержащих некоторые предложения по решению данной проблемы.

Описание и результаты исследования

Представляется, что рост женской криминальной активности во всем мире [7; 8; 9; 10] настоятельно диктует необходимость концентрации усилий в данном направлении криминологических исследований. Если выделить главные, ведущие позиции в работе над данной проблемой, то несомненно, что основами такой деятельности должны быть гуманность и милосердие, стремление понять главные причины поведения и личностные особенности каждой из женщин и оказать помощь в социальной и личностной реабилитации.

Общеизвестно, что девочка воспитывается семьей и обществом иначе, нежели мальчик. Те качества, которым должен обладать мужчина (сила, мужественность, властность и т. п.) неприемлемы в женском поведении, так как нарушают традиционные для любого общества представления о женщине как обладательнице женственности, доброты, уступчивости и других особенностей, присущих именно ей как матери, сестре, любимой. Нетрудно заметить, что обществом вменяются в обязанность женщине более высокие требования к уровню нравственности, нежели мужчине. Женщина гораздо строже и осуждается обществом при совершении ею поступков, непристойных с точки зрения морали.

Естественно, данные социально-этические требования обусловлены и биологической природой женщины, — по-видимому, в целях сохранения баланса между материнским предназначением женщины в человеческом обществе, — и ее духовной аурой, способной обеспечить на должном уровне нравственное воспитание подрастающих поколений.

Таким образом, несомненно, что и в деятельности по предупреждению преступлений, совершаемых женщинами, необходимо придерживаться особенного, учитывающего тендерный признак, подхода. В первую очередь, это относится к общей превенции, которая немыслима без укрепления нравственных начал в воспитании девочки, подготовки ее к роли матери и супруги, привития ей понимания своей особой роли в жизни и соответствующих ей женских качеств.

Такая работа ведется сегодня в России на крайне низком уровне, хотя имеется вполне реальная возможность изменить ситуацию в лучшую сторону. В частности, огромный объем продукции, предлагаемой средствами массовой информации, целесообразно насыщать полезной в превентивном плане информацией. На сегодняшний день, кроме засилья демонстрации криминального образа жизни, откровенного разврата, подробного иллюстрирования преступной деятельности потребитель СМС не получает иной информации, в особенности, пропагандирующей привлекательности здорового образа жизни, в том числе и в нравственном плане.

Заслуживает особого внимания проблема виктимологического воспитания представительниц женского пола. Множество примеров криминальной хроники свидетельствуют о случаях вопиющего легкомыслия, которое проявляли женщины, садясь в машину маньяка; о наивности и безрассудной доверчивости девушек, добровольно уходящих в лес с незнакомым — убийцей; об утрате элементарной осторожности одинокими дамами при знакомствах с проходимцами-мошенниками. А между тем элементарные знания по обеспечению собственной безопасности и привитая осторожность могли бы во многих случаях сохранить жизнь, здоровье, имущество.

Далеко не бесспорным представляется суждение Д. В. Ривмана, который в своей работе пишет, что «виктимологическая профилактика представляет собой целенаправленное специализированное воздействие на лиц с неправомерным или аморальным поведением, а также на факторы, обуславливающие виктимность, связанную с подобным поведением» [3, с. 241]. Такой подход, значительно ограничивает представление о виктимологической профилактике как обще предупредительном воздействии на всех членов общества в целом, а не только на отдельных лиц. По существу речь должна идти о виктимологическом воспитании, охватывающем самые широкие слои населения страны.

Понятно, что ни самый совершенный закон, ни высококвалифицированная полиция не способны уберечь женщину

от преступника, если потенциальная жертва насилия лишена чувства собственного достоинства, элементарной стыдливости, не имеет необходимых знаний по самосохранению и навыков их применения. Базой таковых являются привитые с детства четкие представления и понимание опасности, экстремальной ситуации, угрозы и определенные навыки по избежанию их, умение выходить из сложившейся конфликтной обстановки с минимальным для себя ущербом [4, с. 23].

Кроме того, многие женщины-преступницы обладают виктимо-криминальным статусом (сочетание и особенностей жертвы, и криминальной направленности). Долгое время, иногда с детства, они подвергались унижению, побоям, издевательствам, по причине чего становились на путь применения столь же жестоких методов в своем уже криминальном поведении. В ряде случаев такое поведения проявилось в насилии в отношении членов своей семьи, в частности супруга (сожителя) или детей [5, с. 191].

Заключение

Думается, что пришла пора не только обсуждать проблему, но ставить вопрос о государственном, широкомасштабном правовом (в т. ч. виктимологическом) воспитании населения. Особенно углубленные знания необходимо прививать будущим педагогам, юристам, врачам и другим специалистам, чья профессиональная

деятельность непосредственно связана с обучением, защитой, охраной интересов личности, в первую очередь, — жизни и здоровья.

А. В. Симоненко верно отмечает, что «в области правового воспитания основная научная проблема в настоящее время заключается в том, чтобы разработать методы и средства наиболее эффективного и дифференцированного использования массовых коммуникаций в целях повышения уровня правовых знаний и правовой культуры населения. От изучения степени осведомленности населения о содержании различных правовых норм необходимо перейти к изучению особенностей личности тех, кто по-разному воспринимает и реализует правовые предписания в своем поведении. На этой основе необходимо создать целостную концепцию правового воспитания» [6, с. 145].

Наконец, последнее — это содержание национальной политики России. Несомненно, она должна ориентировать молодежь на создание и укрепление здоровой семьи, рождение и воспитание детей и своим идеологическим содержанием, и конкретной помощью в реализации данных задач. Только учет естественного взаимослияния биологического и нравственного начал в воспитании женщины, поддерживаемого и стимулируемого государственной политикой, способно принести, по мнению автора статьи, положительные результаты в сфере предупреждения преступности среди женщин.

Список источников

1. Кунц Е. В. Тенденции женской преступности // Законность. 2003. № 4. С. 40–41.
2. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. Москва : ИНФРА-М ; НОРМА, 1997. 374 с.
3. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 304 с.
4. Басков А. В. Виктимологическая профилактика корыстно — насильственных преступлений, совершаемых в общественных местах : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Басков Александр Владимирович. Москва, 2010. 33 с.
5. Паршин Н. М., Баранчикова М. В. Психологическое насилие в отношении несовершеннолетних: причины и предупреждение // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 3. С. 189–193.
6. Симоненко А. В. Воспитание в криминологии : монография. Москва : ЮНИТИ ; Закон и право, 2003. 234 с.

7. Estrada F., Nilsson A., Pettersson T. The female offender — A century of registered crime and daily press reporting on women's crime // *Nordic Journal of Criminology*. 2019. Vol. 20. No 2. P. 138–156. DOI: 10.1080/2578983X.2019.1657269
8. Shechory M., Perry G., Addad M. Pathways to Women's Crime: Differences Among Women Convicted of Drug, Violence and Fraud Offenses // *The Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 151, No 4. P. 399–416. DOI: 10.1080/00224545.2010.503721
9. Radosh P.F. Reflections on Women's Crime and Mothers in Prison: A Peacemaking Approach // *Crime & Delinquency*. 2002. Vol. 48, No 2. P. 300–315. DOI: 10.1177/0011128702048002007
10. Wormer K.S. The Nature of Women's Crime. 2012. DOI: 10.1002/9781118265581.ch3

References

1. Kuntz E.V. Trends of female criminality. *Zakonnost'* [Legitimacy]. 2003;(4):40-41. (In Russ.)
2. Inshakov S.M. *Foreign Criminology*. Moscow: INFRA-M: NORMA, 1997. (In Russ.)
3. Rivman D.V. *Criminal victimology*. Saint-Petersburg: Peter, 2002. (In Russ.)
4. Baskov A.V. *Victimological prevention of mercenary violent crimes committed in public places*. [abstract of dissertation]. Moscow, 2010. (In Russ.)
5. Parshin N.M., Baranchikova M.V. Psychological violence in relation to minors: causes and prevention. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2021;27(3):189-193. (In Russ.)
6. Simonenko A.V. Ed. by Lebedev S. Yu. *Education in criminology: monograph*. Moscow: UNITI: Law and right, 2003. (In Russ.)
7. Estrada F., Nilsson A., Pettersson T. The female offender — A century of registered crime and daily press reporting on women's crime. *Nordic Journal of Criminology*. 2019;20(2):138-156. DOI: 10.1080/2578983X.2019.1657269
8. Shechory M., Perry G., Addad M. Pathways to Women's Crime: Differences Among Women Convicted of Drug, Violence and Fraud Offenses. *The Journal of Social Psychology*. 2011;151(4):399-416. DOI: 10.1080/00224545.2010.503721
9. Radosh P.F. Reflections on Women's Crime and Mothers in Prison: A Peacemaking Approach. *Crime & Delinquency*. 2002;48(2):300-315. DOI: 10.1177/0011128702048002007
10. Wormer K.S. *The Nature of Women's Crime*. 2012. DOI: 10.1002/9781118265581.ch3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боева Милана Александровна, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры специальной подготовки, Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова.

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

BMil_120@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1280-8379>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Milana A. Boeva, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of the Special Training Department, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov.

2 Ignatova st., Orel 302027, Russia.

BMil_120@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1280-8379>

Дата поступления статьи / Received: 21.10.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 05.11.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 13.12.2021.

Семейно-бытовое насилие в отношении женщин в России: постановка проблемы

Татьяна Павловна Макашова¹, Вероника Вадимовна Бачанова²

^{1,2}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹t.p.ish@mail.ru, SPIN-код: 3209-1260, Author ID: 892933

²maiset17@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема одного из распространенных видов насилия — семейно-бытового насилия в отношении женщин. Проводится анализ статистических данных семейно-бытового насилия в период 2019–2020 гг. Также рассматривается законопроект о домашнем насилии и выдвинуты предложения по профилактике насилия в семье. Затронут вопрос относительно особенности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации при рассмотрении и разрешении правонарушений и преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием в отношении женщин.

Сформулированы авторские выводы и предложения по решению проблемы семейно-бытового насилия в отношении женщин. Предложены направления практической деятельности полиции и органов власти решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: насилие, семейно-бытовое насилие, жертва преступления

Для цитирования: Макашова Т. П., Бачанова В. В. Семейно-бытовое насилие в отношении женщин в России: постановка проблемы // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 290–296.

Scientific article

Domestic Violence against Women in Russia: Problem Statement

Tatyana P. Makashova¹, Veronika V. Bachanova²

^{1,2}Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹t.p.ish@mail.ru, SPIN-код: 3209-1260, Author ID: 892933

²maiset17@yandex.ru

Abstract. The article deals with the current problem of one of the widespread types of violence — domestic violence against women. An analysis of statistical data on domestic violence in the period 2019 — 2020 is carried out. The bill on domestic violence is also considered and proposals for the prevention of domestic violence are put forward. The question is touched on the specifics of the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation in the consideration and resolution of offenses and crimes related to domestic violence against women.

© Т. П. Макашова, В. В. Бачанова

Author's conclusions and suggestions for solving the problem of domestic violence against women are formulated. The directions of practical activities of the police and authorities of the solution of the indicated problem are proposed.

Keywords: violence, domestic violence, victim of a crime

For citation: Makashova T. P., Bachanova V. V. Domestic Violence against Women in Russia: Problem Statement. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 290-296. (In Russ.)

Введение

Законодательство Российской Федерации на настоящий момент не оперирует определением понятия «домашнее насилие» или «семейно-бытовое насилие». Данная категория является объектом исследования науки «криминология» и, конечно же, «психология». Однако, думается, что в общеупотребимом смысле, указанные категории идентичны, так как речь идет о насилии, происходящем между людьми, которых связывает родственная, брачная или иная близкая связь.

Важным элементом, характеризующим указанные понятия, является «семейный конфликт». Конфликт переходит в категорию «семейно-бытового насилия», когда он возникает по одной и той же схеме как минимум дважды. Это система поведения одного члена семьи в отношении другого, в основе которой лежат власть и контроль.

Описание исследования

В исследованиях зарубежных ученых проблема определения понятия домашнего насилия рассматривается с точки зрения международного права [1; 3], фокусируясь на проблеме разграничения домашнего насилия и гендерного насилия в отношении женщин [4]. В Китае определение домашнего насилия обычно ограничивается нанесением прямого физического и психического вреда членам семьи [2].

По мнению российских авторов, под семейно-бытовым преступлением следует понимать «общественно опасное деяние, выраженное в действии или бездействии, причинившее физические, психологические, моральные, сексуальные или экономические страдания лицу в сфере семейно-бытовых отношений» [5]. Данное понятие представляется полноценным, так как включает в себя все основные элементы,

характеризующие специфику данного вида преступлений.

В России, по данным на 2019 год, всего 78,7 млн женщин¹, а пострадавших от домашнего насилия — 16 млн, то есть каждая пятая женщина. Данный показатель представлен на основе данных отчета «Репродуктивное здоровье населения России», подготовленного Росстатом при поддержке Фонда ООН в области народонаселения, а также отдела репродуктивного здоровья Центра по контролю и профилактике заболеваний (CDC)². Современные условия, связанные с изменением жизни людей (ограничительные меры из-за угрозы заражения коронавирусом COVID-19), усугубили ситуацию и привели к возрастанию случаев насилия в семьях. В апреле 2020 года в государствах-членах ВОЗ на 60% выросло (по сравнению с предыдущим годом) число обращений за помощью от женщин, ставших жертвами насилия. Звонков на горячие линии стало примерно в 5 раз больше³. На основании представленных данных можно сделать вывод о том, что проблема «домашнего насилия» является межгосударственной.

Жертвами рукоприкладства в семье в подавляющем большинстве — до 75% случаев становятся женщины, когда речь идет о супружеском насилии, их доля достигает 91%. Такие данные приводятся в экспертно-аналитическом исследовании,

¹ Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 06.11.2021).

² Резюме отчета «Репродуктивное здоровье населения России 2011» // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/ (дата обращения: 06.11.2021).

³ UN chief calls for domestic violence 'ceasefire' amid 'horrifying global surge' // UN News. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/04/1061052> (дата обращения: 05.11.2021).

проведенном Санкт-петербургским государственным университетом (СПбГУ) по заказу Госдумы¹.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о ежегодном значительном росте числа преступлений, совершенных в отношении женщин в семье. Ситуация «домашнего насилия» может произойти в семье с любым социальным статусом, с различными этническими и религиозными корнями и разным уровнем образования. В Российской Федерации к теме «домашнего насилия» отношение неоднозначное, зачастую — пренебрежительное. Чаще оно рассматривается как неотъемлемая часть семейно-супружеских отношений. Законодательная инициатива не распространяется на решение данной проблемы. Так, в феврале 2017 года был принят закон о декриминализации побоев в семье, который перевел побои в отношении близких родственников из разряда преступлений в административные правонарушения в случаях, когда действия совершены впервые. Также в России, как известно, до сих пор отсутствует законодательство о «домашнем насилии», которое регулировало бы правовые аспекты внутрисемейных отношений.

Однако работа над законопроектом, который определял бы способы борьбы с домашним насилием, ведется с 2016 г. по настоящее время. 29 ноября 2019 г. на сайте Совета Федерации для общественного обсуждения был опубликован проект закона о профилактике семейно-бытового насилия². Авторы законопроекта предлагают ввести новые для России профилактические меры — защитное предписание и судебное защитное предписание, особенности вынесения которых прописаны в ст. 24–25 рассматриваемого законопроекта. Защитное предписание планируется

вносить уполномоченным лицом ОВД на срок до 30 суток с возможностью продления до 60 суток, а судебное защитное предписание — судом на срок до 1 года. Суть защитных предписаний сводится к запрету совершения семейно-бытового насилия, вступления в коммуникацию с жертвой насилия, включая и коммуникацию посредством средств связи и Интернета, проживания на одной территории с лицом или лицами, пострадавшими в результате семейно-бытового насилия. Подобные предписания активно применяются во многих странах. Однако по выражению Д. А. Шестакова «Для России выдача подобных охранных распоряжений, осуществляемая сегодня в других странах, была бы не целесообразна, помимо прочего, в связи с нерешенностью жилищной проблемы. Люди, склонные к агрессивному поведению, оказавшиеся без дома, создали бы для общества дополнительную угрозу насильственного посягательства» [6]. Думается, что данная позиция слишком категорична в контексте повышающегося коэффициента пострадавших от «домашнего насилия» ежегодно.

Также авторы законопроекта предлагают региональным органам соцзащиты организовывать обслуживание лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию: создавать кризисные центры, центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи, экстренной психологической помощи и другие специализированные организации. При этом в законопроекте прописан принцип добровольности получения помощи пострадавшими, за исключением тех случаев, когда речь идет о несовершеннолетних или недееспособных гражданах.

Отдельное место в законопроекте занимает необходимость применения процедуры медиации, частью которой является восстановительное правосудие. «Восстановительное правосудие — это подход к отправлению правосудия, направленный на восстановление материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, нанесенного жертве, на осознание и заглаживание вины, восстановление отношений, содействие

¹ Исследование: около 75% пострадавших от насилия в семье — женщины // Сайт Российского информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7025013> (дата обращения: 04.11.2021).

² О профилактике семейно-бытового насилия в РФ : законопроект № 1183390-6 // Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110> (дата обращения: 06.11.2021).

реабилитации правонарушителя»¹. В большинстве европейских стран моделью восстановительного правосудия стала медиация (посредничество), которая применяется в целях установления соглашения между лицом, которое осуществило преступное деяние и жертвой. В процессе медиации осуществляется конструктивный диалог между двумя конфликтующими сторонами. Медиатор выступает в роли ведущего, его главная функция — помощь сторонам в поиске причин конфликта и разногласий, а также в поиске возможных путей их ликвидации. Медиатор сосредоточивается только на объективных критериях спора, он управляет конфликтом и поддерживает баланс между сторонами. Решение конфликтов в случае домашнего насилия путем медиации вызывает активную дискуссию. Одним из главных аргументов против применения посредничества в случаях семейного насилия является неравенство сторон во время переговоров. Обычно в таких случаях с одной стороны находится виновник, являющийся агрессором, с другой — зависящая от агрессора покорная, пассивная и запуганная жертва. Другая проблема, которая может сложиться во время медиации в случаях «бытового насилия», — это оценка риска для жертвы насилия и возможности обеспечения ее безопасности. Медиатор должен осознавать, что в случае неудачной медиации жертве может грозить повторное насилие со стороны партнера [7]. Поэтому очень важно заранее провести оценку конкретных случаев для того, чтобы определить насколько целесообразно проведение медиации.

Проведя анализ вышеуказанного законопроекта, думается, что предложенная законодателем в настоящей редакции концепция закона требует кардинального пересмотра, поскольку многие положения проекта характеризуются крайней

степенью двусмысленности использованных терминов и дефектностью их определений, что вступает в противоречие с такими требованиями юридической техники, как исчерпывающая определенность и ясность правовых норм.

О положительной инициативе стало известно в 7 апреля 2021 года, Верховный суд РФ внес проект поправок в УПК РФ, касающегося введения процедуры дознания по делам о «домашнем насилии». Планируется, что теперь в случае причинения лёгкого вреда здоровью в дело будет сразу вмешиваться полиция. Законопроект ликвидирует институт частного обвинения — порядок, по которому жертвы преступлений должны сами обращаться в суд и предъявлять обвинение². Однако на данный момент проект поправок находится на этапе рассмотрения в Госдуме.

На наш взгляд, помимо нормативно-правового регулирования, эффективными могут быть такие меры, направленные на совершенствование профилактики «семейно-бытового насилия», как:

1. Продвижение изменений общественного сознания и разрушение устаревших стереотипов. Самым главным препятствием в борьбе с «домашним насилием» на сегодняшний день является то, что большинство женщин считает бытовые конфликты делом исключительно семейным. В России, к сожалению, отсутствует культура обращения в правоохранительные органы в случаях «домашнего насилия». Женщина обращается в полицию только тогда, когда ее жизни угрожает серьезная опасность. По данным анонимного опроса ВОЗ, от 20 до 70 % женщин во всем мире, пострадавших от насилия, никогда и никому не признавались в этом [8]. Способствует факту латентности «семейно-бытового насилия» и недоверие к правоохранительным органам, которые часто отказывают

¹ Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ : распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 года № 1430-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116-1 и частью первой статьи 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : законопроект № 1145531-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения: 05.11.2021).

в регистрации обращений или формально подходят к их рассмотрению.

2. Повышение уровня правовой осведомленности жертв «домашнего насилия» (порядок привлечения лиц, его совершающих, к ответственности). Подавляющее количество людей не знакомо с нормами уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства.

Люди, которые стали жертвами или свидетелями «семейно-бытового насилия» не знают о существовании неправительственных общественных организаций и государственных органов, которые оказывают помощь в конфликтных ситуациях, не имеют их адресов и телефонов. В связи с этим, профилактика «семейного насилия» должна предусматривать мероприятия, направленные на повышение правовых знаний населения; разработку и воплощение в жизнь учебных и информационных программ для семей, имеющих соответствующие проблемы; введение бесплатных курсов по конфликтологии; оказание своевременной психологической, консультативной и материальной помощи семьям, оказавшимся в кризисных ситуациях и прочее.

3. Содействие доступности государственных услуг, которые могут предоставляться жертвам насилия в семье. Это создание специализированных учреждений — кризисных центров для жертв насилия в семье и центров медико-социальной реабилитации. Деятельность этих учреждений должна быть направлена на оказание комплексной психологической, юридической, информационно-консультативной, социально-медицинской и другой помощи, а также, в случае необходимости, предоставления временного убежища женщинам и детям, пострадавшим от насилия в семье или оказавшихся в кризисной ситуации.

5. Акцентировать внимание ОВД на работу с пострадавшими от семейно-бытового насилия. Одной из функций ОВД РФ является виктимологическая профилактика лиц, пострадавших от преступных посягательств¹. Данная деятельность должна

быть направлена на выявление потенциальных потерпевших от «семейно-бытового насилия», предупреждению их опрометчивого, легкомысленного, провоцирующего поведения путем устранения негативных виктимных склонностей, активизацию защитных возможностей, выработку защитных механизмов, с целью снижения потенциальной виктимности, предотвращение повторной виктимизации.

Помимо ОВД РФ в данной связи представляется целесообразным проведение ряда мероприятий профилактики иными органами. Например, работа психологов в учебных заведениях (начиная со средней школы) для правильного формирования поведения между полами и продолжение формирования межличностного поведения по месту работы; организация консультаций психотерапевтов для лиц, осознающих пагубность насильственного способа разрешения конфликтов.

Также стоит отметить и то, что в России активно ведется работа организаций, которые осуществляют помощь лицам, пострадавшим от домашнего насилия. Так, в Челябинской области осуществляет свою деятельность муниципальное бюджетное учреждение социального обслуживания «Кризисный центр», который расположен в городе Челябинске, в составе которого имеется:

— Служба экстренного реагирования (предусмотрен выезд на адрес, психологическая, дальнейшее реабилитационное сопровождение);

— Кризисная квартира, предусматривающая временное жизнеустройство женщин с детьми; оказание психологической помощи.

За период с 2017 по 2019 гг. в Кризисный центр города Челябинска всего поступило 1350 обращений от лиц, пострадавших от семейно-бытового насилия (2017 г. — 289 обращений, из них: 152 женщин; 2018 г. — 513 обращений, из них: 230 женщин; 2019 г. — 548 обращений, из них: 261 женщины)².

² Об опыте работы организаций социально-обслуживания субъектов Российской Федерации, предоставляющих социальные услуги гражданам, пострадавшим от семейного насилия, в том числе кризисных центров помощи женщинам, и некоммерческих организаций, реализующих эффективные модели профилактики насилия в семье // Официальный интернет-сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/document/20344526> (дата обращения: 06.11.2021).

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (часть 1).

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что данная проблема является актуальной и требует к себе большого внимания как со стороны законодательной и исполнительной власти, так и со стороны самих граждан.

Необходимо доработать правовую базу семейных отношений таким образом, чтобы в ней были предусмотрено четкое понятие «домашнее насилие», а так же меры наказания за правонарушения в данной сфере.

Помимо законодательной базы, следует организовать работу полиции по предупреждению, выявлению и пресечению

правонарушений в области домашнего насилия, для того чтобы данные правонарушения не оставались в категории латентных. Это обусловлено общественным менталитетом, в котором заложена пагубная тенденция к сокрытию конфликтов внутри семьи, которые нередко перерастают в насилие над человеком.

Так же следует проводить профилактические и познавательные беседы как с лицами подверженными насилию, так и с лицами, которые могут осуществлять насильственные действия в отношении своих близких, так и с обычными гражданами.

Список источников

1. Alves M. J., Manita C., Caldas I. M., Fernández-Martínez E., Gomes da Silva A., Magalhães T. Evolution and Analysis of Cultural and Cognitive Factors Related With Domestic Violence Against Women // *Journal of Interpersonal Violence*. 2019. Vol. 34. P. 621–641.
2. Qi F., Wu Yu., Wang Q. Anti-domestic violence law: The fight for women's legal rights in China // *Asian Journal of Women's Studies*. 2020. Vol. 26. No 3. P. 383–396. DOI: 10.1080/12259276.2020.1798069
3. Kalokhe A. Sh. et al. How Well Does the World Health Organization Definition of Domestic Violence Work for India? // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10. No 3 p. e0120909. DOI:10.1371/journal.pone.0120909
4. Vaigė L. The Concept of Domestic Violence in Lithuania and the Aspect of Gender from the Perspective of International Law // *Societal Studies*. 2013. Vol. 5. P. 255–274.
5. Нигматуллин М.Р. Виктимологическая характеристика жертв семейно-бытовых преступлений // *Виктимология*. 2017. № 4 (14). С. 29–32.
6. Харламов В. С. Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2014. № 1 (32). С. 34–40.
7. Михайлович И. Проблематика медиации в случаях домашнего насилия // *Всероссийский криминологический журнал*. 2016. № 2. С. 280–289.
8. Самаке А. Насилие в отношении женщин как нарушение прав человека в Африке // *Вестник МИЭП*. 2012. № 1 (6). С. 104–108.

References

1. Alves M. J., Manita C., Caldas I. M., Fernández-Martínez E., Gomes da Silva A., Magalhães T. Evolution and Analysis of Cultural and Cognitive Factors Related With Domestic Violence Against Women. *Journal of Interpersonal Violence*. 2019;34:621–641.
2. Qi F., Wu Yu., Wang Q. Anti-domestic violence law: The fight for women's legal rights in China. *Asian Journal of Women's Studies*. 2020;26(3):383–396. DOI: 10.1080/12259276.2020.1798069
3. Kalokhe A. Sh. et al. How Well Does the World Health Organization Definition of Domestic Violence Work for India? *PLoS ONE*. 2015;10(3):e0120909. DOI:10.1371/journal.pone.0120909
4. Vaigė L. The Concept of Domestic Violence in Lithuania and the Aspect of Gender from the Perspective of International Law. *Societal Studies*. 2013;5:255–274.

5. Nigmatullin M. R. Victimological characteristics of victims of family crimes. *Viktimologiya* [Victimology]. 2017;(4):29-32. (In Russ.)
6. Kharlamov V. S. The institution of a protective order in foreign legislation as a tool for protecting an individual from intra-family violence. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow]. 2014;(1):34-40. (In Russ.)
7. Mikhailovich I. Problems of mediation in cases of domestic violence. *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian criminological journal]. 2016;(2):280-289. (In Russ.)
8. Samake A. Violence against women as a violation of human rights in Africa. *Vestnik MIEP* [Vestnik MIEP]. 2012;(1):104-108. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Макашова Татьяна Павловна, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
t.p.ish@mail.ru
SPIN-код: 3209-1260, Author ID: 892933

Бачанова Вероника Вадимовна, студент, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
maiset17@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana P. Makashova, Senior Lecturer, Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.
t.p.ish@mail.ru
SPIN: 3209-1260, Author ID: 892933.

Veronika V. Bachanova, student, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.
maiset17@yandex.ru

Дата поступления статьи / Received: 25.11.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.12.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.12.2021.

Научная статья
УДК 343.988+343.92

**Почему женщины становятся
жертвами домашнего насилия
или как распространение новой коронавирусной инфекции
повлияло на увеличение случаев
применения насилия в семье?
Зарубежный опыт борьбы с домашним насилием**

Мария Александровна Винокурова

Южно-Уральский государственный

гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГГПУ), Челябинск, Россия

marusy_1108@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9574-7865>

Аннотация. *Цель.* Сбор, систематизация и смысловая обработка практики борьбы с домашней насильственной преступностью в зарубежных странах. *Методы.* В статье использованы следующие методы научного познания — анализ, абстрагирование, синтез. Помимо этого, использован компаративный метод в сфере изучения сущности профилактических мер, направленных на снижение уровня домашней насильственной преступности. *Результаты.* На основе анализа зарубежного опыта борьбы с домашней насильственной преступностью во время пандемии автором отмечено, что современная система предупреждения преступлений носит цифровой характер. Цифровизация изменила формат предупреждения насильственной домашней преступности. На смену традиционному обращению жертвы в правоохранительные органы пришли социальные сети, веб-сайты, теле- и видеоконсультации. Площадки виртуальной коммуникации позволили в большинстве случаев своевременного выявить случаи домашнего насилия. Зарубежный опыт борьбы с домашним насилием носит значимый характер, так как включает нормирующие требования и принципы, позволяющие сформировать системную работу.

Ключевые слова: жертва, домашнее насилие, преступность, пандемия, Covid-19, цифровизация, виктимизация, насилие, ООН, США, Франция

Для цитирования: Винокурова М. А. Почему женщины становятся жертвами домашнего насилия или как распространение новой коронавирусной инфекции повлияло на увеличение случаев применения насилия в семье? Зарубежный опыт борьбы с домашним насилием // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 297–302.

Scientific article

Why Women Become Victims of Domestic Violence or how has the Spread of the New Coronavirus Infection Affected the Increase in Cases of Domestic Violence? Foreign Experience in Combating Domestic Violence

Maria A. Vinokurova

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University (SUSHPU), Chelyabinsk, Russia
marysy_1108@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9574-7865>*

Abstract. *Goal.* Collection, systematization and semantic processing of the practice of combating domestic violent crime in foreign countries. *Methods.* The article uses the following methods of scientific cognition — analysis, abstraction, synthesis. In addition, a comparative method was used in the field of studying the essence of preventive measures aimed at reducing the level of domestic violent crime. *Results.* Based on the analysis of foreign experience in combating domestic violent crime during the pandemic, the author notes that the modern crime prevention system is digital in nature. Digitalization has changed the format of violent domestic crime prevention. Social networks, websites, TV and video consultations have replaced the traditional victim's appeal to law enforcement agencies. Virtual communication platforms made it possible in most cases to identify cases of domestic violence in a timely manner. Foreign experience in combating domestic violence is significant.

Keywords: victim, domestic violence, crime, pandemic, Covid-19, digitalization, victimization, violence, UN, USA, France

For citation: Vinokurova M. A. Why Women Become Victims of Domestic Violence or how has the Spread of the New Coronavirus Infection Affected the Increase in Cases of Domestic Violence? Foreign Experience in Combating Domestic Violence. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 297-302. (In Russ.)

Введение

Covid-19, иначе называемый смертельным коронавирусом, изменил социальную действительность. С одной стороны, одним из «побочных эффектов» пандемии стал рост числа преступлений, совершаемых среди членов семьи.

Изоляция во время пандемии создает ситуации, когда жертва домашнего насилия не может выйти из дома, чтобы обратиться за соответствующей помощью.

Понятие насилия в исследуемом контексте стоит рассматривать в самом широком смысле, как установлено Всемирной организацией здравоохранения (далее — ВОЗ): «преднамеренное применение физической силы или власти под угрозой или фактически против себя, другого человека или против группы или сообщества, которое приводит, либо с высокой вероятностью может привести к травмам, смерти,

психологическому ущербу, неправильному развитию или лишению». То есть в данном случае стоит говорить о применении психического и физического насилия.

Международные исследования, посвященные изучению домашнего насилия, определяют, что повторное применение насилия по отношению к одному или нескольким членам семьи представляет собой увеличение числа ранее существовавших принудительных и контролирующих установок и моделей поведения лица, применяющего насилие [1; 7; 8; 9; 10; 11].

Модель эскалации насилия в контексте катастрофы (пандемии) может быть связана с тем, что склонный к насилию человек осуществляет дальнейший контроль над своей семьей, поскольку он чувствует, что другие стороны своей жизни не подконтрольны ему. Это может относиться

к доминирующим нормам, касающимся мужественности, пола и власти.

С другой стороны, пандемия также может предотвратить некоторые случаи бытового насилия, например, среди бывших пар, которые живут порознь и проводят меньше времени вместе.

Однако последствия пандемии носят неопределенный характер, так как ее количественный характер зависит от конкретной местной политики и контекстуальных факторов. В начале апреля 2020 года представители ООН выступили с докладом о росте числа случаев применения насилия в отношении женщин во всем мире. Так, во Франции по оценкам международной организации, число случаев насилия в отношении женщин увеличилось на 30 % во время первого этапа локдауна¹.

Динамика статистических данных стала поводом для разработки государством профилактических мер, направленных на снижение уровня насильственной домашней преступности.

Постановка проблемы

Эмпирические данные о влиянии пандемии на домашнее насилие, являются значимыми для оценки «побочных» последствий альтернативных стратегий борьбы с пандемией, таких как закрытие школ, предприятий.

К сожалению, показатели насильственной домашней преступности носят неточный характер и сталкиваются с проблемой, которая усугубляется пандемией.

Насилие в семье — это преступление, которое, как правило, совершается в частном порядке и нередко члены семьи не сообщают правоохранительным органам о случаях применения в отношении них физического и (или) психического насилия. Поэтому стоит говорить о латентности преступности, а меры по борьбе с насилием в семье — неэффективными, так как не способны учесть важные закономерности.

Источники данных, которые исследователи используют для измерения случаев домашнего насилия (показатели преступлений

латентного характера, убийств интимных партнеров, опросы виктимизации), во время пандемии становятся недоступными.

Это делает особенно сложной задачу интерпретации первоначальных выводов и согласования противоречивых моделей в разных источниках. Различные новостные репортажи и научные исследования показали увеличение некоторых показателей насилия в семье и мест его совершения, в то время как другие исследователи обнаружили снижение показателей бытового насилия.

Методы исследования

Методологической основой исследования является применение методов теоретического познания, таких, как анализ, абстрагирование, синтез. Метод анализа позволил рассмотреть различные стороны целостных объектов исследования изолировано друг от друга, тем самым позволив сформировать содержание и значение абстрактных понятий сепаративно друг от друга. Метод абстрагирования обеспечил возможность провести анализ сторон рассматриваемого предмета. Метод синтеза делает возможным интегрировать части рассматриваемого объекта, тем самым создать целостное представление об исследуемом явлении.

Помимо этого, в повседневной практике решение проблем нередко связаны между собой, возникают не последовательно, а выступают в комплексном виде. Комплексность проблемы, а именно снижение уровня домашней насильственной преступности, затрудняет определение целостного характера проблемы, ее причин и выбор инструментов, необходимых для решения. В таких случаях применяется метод декомпозиции, т. е. разделения целостного характера проблемы на более простые, проблемные вопросы и ситуации, которые можно решить имеющимися набор инструментов.

Результаты исследования

В зарубежных странах участниками проведения виктимологической профилактики становятся как государственные организации, так и неправительственные общественные организации.

В июле 2020 года представитель Организации Объединенных Наций (ООН)

¹ New Zealand Family violence clearinghouse. URL: <https://nzfvc.org.nz/covid-19/FAQ-part-1> (дата обращения: 10.11.2021).

по вопросу о насилии в отношении женщин выступил с докладом, в котором призвал государства принять меры по борьбе с домашним насилием в отношении женщин во время пандемии COVID-19. В заявлении отмечается, что, несмотря на существующие государственные программы по защите женщин и девочек из числа меньшинств, коренных народов, выходцев из Африки, мигрантов и сельских общин, пожилых женщин, женщин и девочек-инвалидов, в настоящее время отсутствуют комплексные внутригосударственные решения по борьбе с домашним насилием.

Эксперты ООН призывают стран-участниц [2]:

1. «Адаптировать» политические и законодательные меры, принятые для борьбы с пандемией, к существующим потребностям женщин и девочек, учитывая многочисленные структурные факторы, которые закрепляют дискриминацию в отношении женщин и девочек;

2. Установить, что профилактика по борьбе с домашним насилием в отношении женщин является ключевой частью национальных планов реагирования на COVID-19 на основе скоординированных действий всех участников при должном признании служб поддержки женщин и неправительственных организаций;

3. Обеспечить правовую помощь и доступ к судебным средствам правовой защиты для женщин и девочек, подвергающихся риску или бытовому насилию.

Среди распространенных профилактических мер, направленных на снижение уровня домашнего насилия, можно отметить проведение просветительской работы в аптеках и торговых центрах, позволяющей привлечь внимание к насилию в семье. Помимо этого ограничения, связанные с пандемией, изменили формат «коммуникационной кампании» за счет внедрения новых цифровых инструментов.

Социальные сети используются в качестве форума для повышения осведомленности о насилии в семье. Веб-сайты и телефоны экстренной помощи также стали наиболее актуальными во время пандемии. Некоторые европейские страны предоставляли бесплатные услуги в формате теле- и видеоконсультаций

для диагностики психического здоровья жертв домашнего насилия.

Во Франции во время первого этапа локдауна число полицейских вмешательств в связи с семейными разногласиями значительно возросло. Во время второго этапа изоляции, объявленного 28 октября, активность консультаций по виктимологии снизилась, но не так сильно, как в начале первого этапа.

Данные наблюдения позволили заключить, что создание медико-правовых подразделений (UMJ), расположенных в больницах в период пандемии, стало эффективным инструментом борьбы с домашней насильственной преступностью.

Также во время пандемии Национальная академия медицины Франции разработала рекомендации по снижению количества насильственных домашних преступлений. Среди данных профилактических мер можно выделить следующие:

— повышение осведомленности общественности о насилии в семье посредством использования современных электронных средств;

— упрощение доступа к социальным услугам поддержки жертв домашнего насилия путем предоставления персонализированной помощи;

— создание скоординированных путей с отделениями неотложной помощи, медико-правовыми подразделениями и правоохранительными органами для своевременного выявления насильственных преступлений среди членов семьи и оказания помощи жертвам преступления;

— обобщение упрощенных процедур подачи жалоб;

— поощрение участия общественных организаций путем увеличения предоставляемых им ресурсов;

— обеспечение того, чтобы все услуги, предназначенные для оказания помощи жертвам насилия, были четко определены как необходимые.

В США профилактические меры борьбы с насильственной домашней преступностью тесно связаны с выявлением в режиме реального времени случаев домашнего насилия. Для этого используются ежедневные данные из нескольких источников в одном крупном городе США: Лос-Анджелес,

Калифорния. Компаративный метод позволяет сравнить показатели насильственной домашней преступности во время изоляции в 2020 г. с изменениями за тот же период времени в 2019 и 2018 гг. [4; 5].

Результаты данных различны в пределах одного города и по показателям из одного и того же источника. Звонки о насилии в семье в полицию и на горячую линию участились во время первого этапа изоляции, однако количество преступлений, связанных с насилием в семье, сократилось. Также было установлено, что в период снижения ограничений, связанных с пандемией, число преступлений, связанных с насилием в семье, уменьшилось.

В США способ подачи полицейских отчетов варьируется в зависимости от участков, некоторые из которых предлагают онлайн-варианты, а другие — требуют личного посещения [12]. Аналогичным образом, отдельные суды первой инстанции имеют право по своему усмотрению определять процедуры подачи запретительных судебных приказов.

Следует назвать определяющим направление деятельности медицинских работников, которые могут способствовать эффективной виктимологической профилактике. Медицинские работники имеют возможность идентифицировать жертв домашнего насилия в медицинских учреждениях, а также предоставлять информацию социальным службам. Результаты физического обследования, поведение пациента во время медицинского осмотра могут быть предупреждающими сигналами о применении в отношении пациента физического и (или) психического насилия.

Оценка здоровья в клинике позволяет оперативно оказать помощь жертве домашнего насилия, включая привлечение социальных работников. Однако во время Covid-19 данная возможность часто отсутствовала. Поскольку частные клиники и больницы оказывали медицинскую помощь с помощью применения телемедицинских технологий. Безопасный скрининг, а именно своевременное выявление жертв домашнего насилия, стал недоступным. Пациенты могут не только жить в районах с плохим покрытием Интернета, но

и домохозяин-деспот может прослушивать разговоры, в результате чего жертва не сможет сообщить о растущем насилии дома.

Для разрешения данных проблем были предприняты следующие меры:

1. Обеспечение равного доступа к широкополосному Интернету, установка беспроводных точек доступа в общественных пространствах;

2. Разработка алгоритма работы с жертвами домашнего насилия с помощью телемедицинских технологий.

Так, например, если раскрывается факт жестокого обращения, врач и пациент могут установить сигналы для выявления присутствия домохозяина-насильника во время телемедицинских встреч. Такие сигналы могут включать поднятый кулак при видеовызове или набор фраз во время аудиовызова. Когда обсуждение небезопасно, врачи могут рассмотреть методы обеспечения защиты жертвы домашнего насилия, а именно:

— удалить историю посещений Интернета или текстовые сообщения;

— сохранить информацию о горячей линии в других списках, таких как список магазинов или аптек;

— создать новую конфиденциальную учетную запись электронной почты для получения информации о ресурсах или общения с врачами [5].

Главный вывод

COVID-19 внес глобальные коррективы в регулирование социально-значимых сфер социальной действительности. Исключением не стала и разработка государственных программ по борьбе с насильственной домашней преступностью. Рожденная ситуацией неопределенности, информационное общество парадоксальным образом стало генератором идей для борьбы с домашним насилием: социальные сети, веб-сайты, теле- и видеоконсультации стали площадками «коммуникационной кампании» для своевременного выявления случаев домашнего насилия. Цифровизация современной действительности позволила в большей мере повлиять на систему профилактических мер, направленных на минимизацию последствий нормонарушающего поведения.

Список источников/References

1. Anurudran A., Yared L., Comrie C. E., Harrison K., Burke T. Domestic violence amid COVID-19. *International Journal of Gynecology & Obstetrics*. 2020;150(2):255-256. doi: 10.1002/ijgo.13247
2. Megan L. Evans MD, MPH, Margo Lindauer JD, Maureen E. Farrell MD. A Pandemic within a Pandemic – Intimate Partner Violence during Covid-19. *Perspective the new England journal of Medicine*. 2020;383:2302-2304. doi: 10.1056/NEJMp2024046
3. Miller A., Segal C., Spencer M. K. *Effects of the COVID-19 Pandemic on Domestic Violence in Los Angeles*. IZA DP No. 13841. November 2020. Available from: <https://docs.iza.org/dp13841.pdf>
4. Miller A., Segal C., Spencer M. K. *Measuring the effects of the Covid-19 pandemic on domestic violence*. IZA world of labor. JANUARY 11, 2021. Available from: <https://wol.iza.org/opinions/measuring-effects-of-covid-19-pandemic-on-domestic-violence>
5. Sifat R. I. Impact of the COVID-19 pandemic on domestic violence in Bangladesh. *Asian Journal of Psychiatry*. 2020;53:102393. doi: 10.1016/j.ajp.2020.102393
6. Bramesfeld A. et al. Mandatory national quality improvement systems using indicators: An initial assessment in Europe and Israel. *Health Policy*. 2016;120(11):1256-1269. doi: 10.1016/j.healthpol.2016.09.019
7. Eboibi F. E. Cybercriminals and Coronavirus cybercrimes in Nigeria, the United States of America and the United Kingdom: cyber hygiene and preventive enforcement measures. *Commonwealth Law Bulletin*. 2021;47(1):113-142. doi: 10.1080/03050718.2020.1834424
8. Moawad A. M., El Desouky E. D., Salem M. R., Elhawary A. S., Hussein S. M., Hassan F. M. Violence and sociodemographic related factors among a sample of Egyptian women during the COVID-19 pandemic. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*. 2021;11(1):29. doi: 10.1186/s41935-021-00243-5
9. Piquero A. R., Riddell J. R., Bishopp S. A., Narvey C. S., Reid J. A., Piquero N. L. Staying Home, Staying Safe? A Short-Term Analysis of COVID-19 on Dallas Domestic Violence. *American Journal of Criminal Justice*, 2020;45:601-635. doi: 10.1007/s12103-020-09531-7
10. Rauhaus B., Sibila D. A., Johnson A. F. Addressing the Increase of Domestic Violence and Abuse During the COVID-19 Pandemic: A Need for Empathy, Care, and Social Equity in Collaborative Planning and Responses. *The American Review of Public Administration*. 2020;50:668-674. doi: 10.1177/0275074020942079
11. Kofman Ya. B., Garfin D. R. Home is not always a haven: The domestic violence crisis amid the COVID-19 pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy*. 2020;12(S1):S199-S201. doi: 10.1037/tra0000866
12. Bright C. F., Burton C., Kosky M. M. Considerations of the impacts of COVID-19 on domestic violence in the United States. *Social Sciences & Humanities Open*. 2020;2(1):100069. doi: 10.1016/j.ssaho.2020.100069

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Винокурова Мария Александровна,
ст. преподаватель кафедры отечественной
истории и права, исторический факультет,
Южно-Уральский гос. гуманитарно-педаго-
гический ун-т, кандидат юридических наук.
454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 69.
marysy_1108@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9574-7865>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Vinokurova, lecture of Depart-
ment of the Department of National History
and Law, candidate of legal Sciences, South
Ural State Humanitarian Pedagogical University.
69 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.
marysy_1108@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9574-7865>

Дата поступления статьи / Received: 22.11.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.12.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.12.2021.

Преодоление насилия в семье в современном Китае. Закон «О борьбе с насилием в семье» (2016 г.): подготовка законопроекта и первые итоги применения (2016–2021 гг.) (часть 2)

Ольга Николаевна Дунаева

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
dunaevaon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7875-6196>*

Аннотация. В Китае Закон «О борьбе с насилием в семье» был принят в 2016 году. В данном исследовании предпринята попытка анализа трех составляющих: 1) взаимосвязь социальных рисков и виктимизации населения от распространенности семейно-бытового насилия в Китае; 2) период, предшествующий принятию закона и его фактическое содержание; 3) деятельность полиции по профилактике и пресечению фактов насилия в семье (2016–2021 гг.). Приведены примеры статистических данных и отчетов полиции. Отмечается ограниченность (фрагментарность) доступной информации, что не позволяет комплексно оценить эффективность предпринимаемых мер (например, оказание психологической помощи жертвам семейного насилия и мн. др.). Представлено обсуждение результатов исследования. Принятие данного закона в Китае не было изолированным законодательным актом, а является частью системного подхода к снижению преступности и повышению виктимологической безопасности населения, улучшению качества жизни граждан, обновлению законодательной базы в соответствии с современными реалиями. Принятие закона способствует повышению правовой культуры населения, оздоровлению нравственных основ семейной жизни, служит усилению национальной безопасности КНР. В целом принятие закона повышает имидж страны на мировой арене, а также соответствует тем долгосрочным целям, которые заложены в перспективах развития КНР до 2050 года.

Ключевые слова: Россия, Китай, законопроект, профилактика, насилие в семье, виктимность жертв, виктимологическая безопасность, полиция

Для цитирования: Дунаева О. Н. Преодоление насилия в семье в современном Китае. Закон «О борьбе с насилием в семье» (2016 г.): подготовка законопроекта и первые итоги применения (2016–2021 гг.) (часть 2) // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 303–317.

Scientific article

Overcoming Domestic Violence in Contemporary China. The Law against Domestic Violence (2016): Preparation of the bill and the first results of application (2016-2021). (Part 2)

Olga N. Dunaeva

South Ural State University (National Research University) Chelyabinsk, Russia
dunaevaon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7875-6196>

Abstract. In China, the Law on Combating Domestic Violence was passed in 2016. This study attempts to analyze three components: 1) the relationship between social risks and victimization of the population from the prevalence of domestic violence in China; 2) the period preceding the adoption of the law and its actual content; 3) the activities of the police to prevent and suppress the facts of domestic violence (2016–2021). Examples of statistical data and reports are given. The limited (fragmented) information available is noted, which does not allow a comprehensive assessment of the effectiveness of measures taken (for example, the provision of psychological assistance to victims of domestic violence, etc.). Discussion of the research results is presented. The adoption of this law in China was not an isolated legislative act, but is part of a systematic approach to reducing crime and increasing victimological safety of the population, improving the quality of life of citizens, updating the legislative framework in accordance with modern realities. The adoption of the law helps to improve the legal culture of the population, improve the moral foundations of family life, and strengthen the national security of the PRC. In general, the adoption of the law improves the country's image in the world arena, and also corresponds to the long-term goals that are laid down in the development prospects of the PRC until 2050.

Keywords: Russia, China, bill, prevention, domestic violence, victim victimization, victimological safety, police

For citation: Dunaeva O. N. Overcoming Domestic Violence in Contemporary China. The Law against Domestic Violence (2016): Preparation of the bill and the first results of application (2016–2021). (Part 2). *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 303-317. (In Russ.)

Введение

Семейное (домашнее) насилие является широко распространенной проблемой во всем мире. Согласно официальной статистике, каждый год от домашнего насилия в мире погибает более полумиллиона людей, еще большее количество получают физические травмы, в первую очередь жертвами становятся наиболее слабые и уязвимые члены семьи: женщины, дети, инвалиды, пожилые люди. Для России проблема семейного (домашнего) насилия, также является актуальной, в 2016 г. был разработан и впервые внесен на рассмотрение в Государственную Думу законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», но закон до сих пор не принят, вносятся поправки в его

содержание, а обсуждение целесообразности принятия продолжается как на законотворческом, так и на общественном уровне¹. В обсуждении принимают участие первые лица государства, так в декабре 2019 г. на ежегодной пресс-конференции президента РФ данный вопрос был адресован В. В. Путину². Актуальность данной темы

¹ О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации : проект Федерального закона (подготовлен Советом Федерации Федерального Собрания РФ 29.11.2019.) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/73230126/> (дата обращения: 20.08.2021).

² Большая пресс-конференция президента РФ В. В. Путина (20. 12. 2019 г.) // Первый канал : [сайт]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/bolshaya-press-konferenciya-2019/bolshaya-press-konferenciya-vladimira-putina-2019> (дата обращения: 20.08.2021).

подтверждает активный научный дискурс, как в социально-гуманитарных [13], так и правоведческих исследованиях [2; 8; 12]. В целом обсуждение сконцентрировано на пересечении нескольких аспектов.

Во-первых, домашнее насилие является «признаком низкой культуры» не только отдельного индивида, но и общественного сознания, складывающегося под воздействием заниженной планки морально-нравственных норм, низкой правовой культуры [3].

Во-вторых, за ряд правонарушений, а также преступлений в семейно-бытовой сфере уже предусмотрены меры ответственности в действующем законодательстве, следовательно, одной из главных причин неэффективности мер, является не надлежащие (игнорирующее) отношение к семейному насилию со стороны конкретных должностных лиц, а не проблемы правового регулирования.

В-третьих, по опросам населения 70% респондентов выступают за принятие закона; детализированные интервью, показывают, что граждане принципиально настроены «против насилия в семье и за более строгое наказание виновных», но подавляющее большинство последний вариант законопроекта не читали, либо имеют о нем смутное представление.

В-четвертых, в свою очередь правоведа-практики указывают, что на основе существующих (тематически разрозненных) законодательных актов бывает очень трудно профилактически воздействовать или привлечь к ответственности семейного «агрессора» и т. д.

Таким образом, принятие законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в РФ» требует более глубокого анализа и всестороннего изучения, детализированного обсуждения в обществе, комплексной и сбалансированной государственной политики в сферах, сопряженных с решением данной проблемы, для обоснованного прогнозирования результатов его принятия. В российских правовых традициях семейно-бытовое насилие рассматривается в рамках криминологии [23].

В настоящее время отдельные законы о семейном (домашнем) насилии приняты

в 126 странах мира. Разработка законопроекта основывается на «Модельном законодательстве о насилии в семье» и рекомендациях ООН [4; 15], но следует подчеркнуть, что национальные законы имеют специфические черты и содержательные различия [21]. В этом контексте внимательное изучение и конструктивный анализ теоретического и практического опыта зарубежных стран не только западно-европейских, но восточно-азиатских представляется научно целесообразным. Ключевые аспекты закона направлены на профилактику, защиту жертв, прекращение насилия в семье, из мировой практики известно, что само наличие такого закона увеличивает превентивный эффект на 20%, но его финальная эффективность зависит от целого комплекса общественно-политических и экономических условий. Национальные законодательства имеют различные названия, например, «Закон о защите от насилия в семье» (Республика Корея, 1987) [16], «Закон о предупреждении насилия в семье» (Таджикистан, 2013), «Закон о борьбе с насилием в семье» (Китай, 2016) «Закон об охране и защите от семейного насилия» (Киргизия, 2017) и др. Все большее внимание уделяется поддержке жертвам насилия, например, в Японии широко распространены модернизированные процедуры судебных заседаний, защищающих конфиденциальность жертвы (физического, сексуального насилия) [9].

Постановка проблемы

В настоящее время Китай является примером успешного и динамичного развития во всех сферах жизнедеятельности общества. Социально-экономические преобразования, начавшиеся в Китае в конце 80-х гг. XX века, привели к значительным изменениям в сфере семьи и брака, трансформации гендерных ролей, к вопросам деторождения и детско-родительских отношений. Изменилась сама семья, ее количественный состав, иерархические связи, динамика развития, ценностные приоритеты, индивидуальные установки. Современная китайская женщина активно участвует в общественно-политических и социально-экономических процессах, что

оказывает влияние на выполнение традиционных социальных ролей жены и матери. Последовательная и комплексная государственная политика способствует сокращению гендерного разрыва в доступности ресурсов для женщин в трудовой сфере, образовании, здравоохранении, финансовой обеспеченности. Все эти процессы в совокупности привели к пониманию недопустимости семейного насилия, жертвами которого чаще всего являются женщины и дети. Как известно, проблема домашнего насилия в Китае долгое время умалчивалась как обществом, так и государством, что связано в первую очередь с традиционной культурой и сложившейся национальной ментальностью, не одобряющей публичное обсуждение внутрисемейных конфликтов, а также страхом «потерять лицо» в глазах окружающих и общественности. В 2016 г. в КНР вступил в силу закон «О борьбе с насилием в семье». Чем это было вызвано? Достаточно ли было мер ранее предусмотренных в законодательстве КНР? Как проходило обсуждение законопроекта? Какие результаты были достигнуты за пять лет применения данного закона?

Описание исследования

1. Социальные риски и виктимизация населения от распространенности семейного насилия. Достаточно ли мер ранее предусмотренных в законодательстве КНР? Факты семейного (домашнего) насилия в Китае достаточно распространены, безусловно они не оставались без внимания со стороны органов общественной безопасности (правоохранительные органы), но в тоже время не находили своего отражения ни в средствах массовой информации, ни в официальной уголовно-правовой статистике, что создавало огромный массив их латентности. По статистическим данным, в 30 % китайских семей домохозяйцы подвергаются семейному насилию, в 90 % случаев в роли агрессора выступает мужчина, в 10 % случаев другие члены семьи. В тоже время, возросший за 40 лет реформ авторитет китайских женщин, повышение уровня образования, финансовой независимости и социально-политической активности, поддержка со стороны *Всекитайской*

федерации женщин (ВФЖ), повлияли на изменение всей структуры и приоритетов семейно-брачных отношений, в том числе и на понимание недопустимости семейного насилия.

По мнению китайских экспертов-криминологов, наряду со снижением общего уровня преступности, количество жертв насилия в семье в период 2010–2015 гг. годы стало угрожающе возрастать. В первую очередь это объясняется тем, что женщины стали чаще обращаться в различные административные инстанции и органы общественной безопасности (полицию), по защите своих прав, также именно домашнее насилие является распространенной причиной расторжения брака (более 100 тыс. семейных пар ежегодно). Таким образом, из латентной сферы проблема семейного насилия перешла в общественный дискурс. Несмотря на то, что ряд мер защиты прав пострадавших от насилия и меры ответственности виновных предусмотрены Законом «О браке» (2001 г.), Уголовным кодексом (1997 г.), Законом «Об административных наказаниях» (1991 г.). Но достаточно ли мер предусмотренных в законодательстве КНР, для защиты жертв и преодоления проблемы семейного (домашнего) насилия?

Введение в Закон «О браке» (2001 г.) Главы 5 «Меры по оказанию помощи и правовая ответственность» была эволюционной для своего времени. Но в полной мере проблема семейного насилия не была решена, по данным ежегодного мониторинга «Статус женщин Китая», многие высказывались о «мягкости» и явной недостаточности мер предусмотренных для защиты жертв, наказания виновных и предотвращения семейного насилия. В свою очередь законодатель апеллировал к тому, что в УК КНР, уже есть ряд статей, предусматривающих более суровые наказания за факты жестокого обращения и тяжкие телесные повреждения.

Уточним, что в Уголовном праве КНР нет единого конкретного состава преступления под названием «домашнее» насилие (или семейно-бытовое насилие). Но в Уголовном кодексе КНР (1997 г.) действительно имеются статьи, в которых составы преступлений соответствуют незаконным действиям, сопряжённым с насилием

в отношении членов семьи и иных лиц, чьи права и интересы защищаются семейным правом, а также случаи, связанные с насильственным браком [19]. Поэтому важнейшим элементом обвинения в домашнем насилии является отражение отдельных обстоятельств, свидетельствующих о жестокое обращении и фактах насилии.

Чаще всего в отношении лиц, применяющих насилие к членам семьи, дела возбуждаются по ст. 260 «Жестокое обращение с членами семьи при отягчающих обстоятельствах...» УК КНР, в которой предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, арест или надзор. «Совершение упомянутого в части первой настоящей статьи преступления, повлекшего за собой тяжёлые увечья или смерть потерпевшего, наказывается лишением свободы на срок от 2 до 7 лет» Но при этом, умышленное убийство в других случаях, по УК КНР, может караться смертной казнью. Кроме того, в УК КНР предусмотрены и другие статьи, в которых предусмотрены меры ответственности за насилие, приведшее к нанесению вреда здоровью (побои, физические травмы) или смерти человека, например, ст. 232 — умышленное убийство, ст. 233 — неумышленные действия, приведшие к смерти человека, ст. 234 — умышленное причинение травмы третьему лицу, ст. 235 — неумышленное причинение травмы третьему лицу [5].

Политика рождения одного ребенка, проводимая в Китае в период 1978–2015 гг. обострила проблему заботы о пожилых членах семьи, так как был нарушен демографический баланс. Конфуцианский постулат «корни важнее, чем листья», претерпел ценностную трансформацию, так как сосредоточение сил активной возрастной части населения было направлено на достижение финансового благополучия и воспитательно-образовательные цели единственного ребенка. Традиционный «центр» со старшего поколения сместился на младшее поколение. Меры ответственности за жестокое обращение, оставление в опасности, без средств к существованию пожилых членов семьи, предусмотрены в Семейно-брачном законодательстве (Закон «О браке», 2001 г.), а также в *Законе*

«О защите прав и интересов пожилых людей» (поправки 2012 г.). Если члены семьи не выполняют своих обязанностей перед пожилыми родственниками, в том числе, предоставления им пищи и крова, это считается отсутствием заботы, что также можно отнести к одному из видов насилия в семье. Статья 261 УК КНР гласит: «Лица, обязанные осуществлять уход за стариками, младенцами, больными, неспособными самостоятельно обслуживать себя, и отказавшиеся от выполнения своих обязанностей, при отягчающих обстоятельствах наказываются лишением свободы на срок до 5 лет, арестом или надзором».

Многие проблемы, связанные с домашним насилием по отношению к женщинам, остаются за рамками действующего Семейного кодекса и Уголовного кодекса. Например, наблюдается огромная миграция населения из села в город, практически половина населения Китая живет в крупных городах на юго-востоке страны. Насилие в семье имеет свои особенности, отражающие различия между городом и сельской жизнью. Например, в городах чаще сталкиваются с домашним насилием женщины, имеющие низкий уровень образования, в то время как в сельской местности женщины имеющие высшее образование семейному насилию подвергаются чаще, чем менее образованные [24].

По результатам исследований, проведенных ВФЖ в 2015 г., в 30 % из 270 млн. зарегистрированных в стране браков существует насилие в семье. Согласно статистике, от насилия в семье страдают 43 % детей в возрасте от 10 до 17 лет, а также 14 % пожилых людей в возрасте старше 65 лет. *Эксперты были вынуждены говорить о грядущих социально-виктимологических рисках, связанных с данными обстоятельствами, которые касаются не только потенциальных возможностей стать жертвой домашнего насилия, но и угрозы единения, интеграции китайского общества и в этом контексте угрозы национальной безопасности.* В период 2010–2015 гг., когда количество жертв семейного насилия в Китае стало угрожающе возрастать, проблема вышла на стадию широкого обсуждения и поиска новых решений, так как это противоречило

дальнейшему прогрессивному развитию страны и национальной безопасности.

Насилие в семье снижает воспитательный потенциал семьи, наносит вред ее членам, снижает качество жизни, в психологическом контексте блокируют самоактуализацию и постановку жизненно значимых целей у жертв насилия, в том числе у детей в долгосрочной перспективе, так как «жизненный сценарий» закладывается в детском возрасте до пяти лет. Таким образом, психологические травмы, полученные ребенком от фактов семейного насилия, имеют пролонгированный характер, формируют *виктимную личность* с заблокированной самореализацией, что отражается на самооценке и жизненной успешности, а в более широком контексте препятствует созиданию общественного блага, создает почву для роста преступности.

Как известно разрешение «семейных проблем» является одной из деликатных явлений, так как касается частной жизни человека. Но речь идет не просто о разрешении семейных конфликтов (которые так или иначе бывают во всех семьях), семейное насилие имеет конкретные формы и типологизацию (виды), отличается системностью. В роли постоянного агрессора, оказывающего психологическое, физическое, экономическое или сексуальное насилие, выступает конкретное лицо, по отношению к наиболее уязвимым членам семьи в гендерно-возрастном аспекте, это чаще женщины, дети, пожилые люди, инвалиды, но в роли жертвы может оказаться и мужчина. Обратим внимание на то, что, исходя из конфуцианских этических традиций окружающие будут в первую очередь, оказывать морально-нравственное воздействие на виновную сторону, содействовать примирению сторон для восстановления «гармонии» и «взаимосвязи», что не всегда достигает результата и деструктивное поведение может продолжаться.

Современные китайские женщины, особенно поколение в возрасте 18–44 лет, которое относится по современной возрастной классификации ВОЗ к периоду молодости, ориентированы на равноправные супружеские отношения, равную ответственность за воспитание детей, совместное ведение домашнего хозяйства. Значительное

количество пар в Китае проживает совместно, но без законного оформления отношений. Факты семейного насилия и жестоко обращения, имеющие место в супружеско-партнерских, детско-родительских отношениях, а также по отношению к пожилым членам семьи, все больше воспринимаются обществом как совершенно недопустимые.

В тоже время семейные отношения имеют сложную динамику взаимоотношений, некоторые факты насилия, например, жертва-жена может рассматривать как простительные по отношению к обидчику по разным мотивам (единичный случай, нежелание разрушать семью и оставить детей без отца, материальная зависимость от обидчика и др.). Жертвы-женщины, могут иметь психолого-типологические особенности «уязвимости», высокий уровень виктимности, соответственно терпимости к актам насилия (психологического, физического, экономического, сексуального) со стороны агрессора, которому не могут противостоять, в том числе, в ситуациях, объективно не располагающих к такому «подчиненному и чрезмерно терпеливому» поведению [1].

Социальные нормы традиционного поведения, предполагают «сохранение лица» при любых обстоятельствах, а также сдержанность проявления эмоций, что затрудняет жертвам домашнего насилия обратиться за помощью и защитой, большая часть фактов домашнего насилия остается латентной. Но *жертвам домашнего насилия необходима помощь и защита, в первую очередь со стороны закона, понимание со стороны общества (социальная поддержка), квалифицированная помощь специалистов (психологическая, медицинская, юридическая, административная и др.)*.

Всекитайская федерация женщин (ВФЖ) и китайские правоведы неоднократно отмечали, что от простой констатации, необходимости борьбы с насилием в семье необходимо переходить к четкой терминологии и типологизации (виды домашнего насилия); разработке адекватных мер помощи и защиты жертв, мер ответственности виновных, так статьи относящиеся к данной сфере узко дифференцированы, «разбросаны» по отдельным законодательствам (часто

без упоминания семейной специфики), что во многих ситуациях не дает возможности остановить семейное насилие, которое, как правило, имеет периодически/постоянный характер. Все это понижает эффективность борьбы с насилием в семье. В современных реалиях именно уверенность в правовой защищенности, содействует укреплению и поддержанию гармонии не только в обществе, но и в семейно-брачных отношениях. Полностью семейное насилие искоренить невозможно, но можно значительно сократить его масштабы и последствия.

2. Борьба с домашним насилием в Китае. Китайские правоведы считали необходимым разработать закон о борьбе с домашним насилием на основе общих правовых норм, которые включали бы четкие и однозначные положения (диспозиции), позволяющие бороться с домашним насилием в соответствии с международными стандартами. Закон, во-первых, мог бы стать правовой основой для более действенной профилактики и пресечения фактов домашнего насилия; во-вторых, позволил бы реализовать обязательство, принятое Китаем на Всемирной конференции женщин [10]. Принятию закона о борьбе с семейным (домашним) насилием в Китае предшествовала длительная подготовка, всестороннее обсуждение, изучение зарубежного опыта, научная проработанность в течение пяти лет.

Закон КНР «О борьбе с насилием в семье» (далее Закон) был принят на очередной сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 27 декабря 2015 года. Закон вступил в силу 1 марта 2016 года. Закон состоит из 38 статей, объединенных в 6 глав¹.

В главе 1 «Общие положения» рассмотрен понятийный аппарат.

В главе 2 «Предотвращение насилия в семье» определены субъекты профилактики насилия в семье.

В главе 3 «Личная безопасность» (описан механизм защиты личной безопасности).

В главе 4 «Юридическая ответственность» указано, что лицо, совершившее бытовое насилие, может быть привлечено к административной или уголовной ответственности. Лицо, совершившее преступное деяние, несёт ответственность в соответствии со статьями УК КНР. На лицо, совершившее административное правонарушение, может быть наложен штраф в размере 1 тыс. юаней или произведено задержание до 15 суток (в зависимости от обстоятельности дела).

В главе 6 «Дополнительные положения» указано, что к пострадавшей стороне кроме членов семьи также относятся и люди, живущие вместе (например, мужчина и женщина, проживающие вместе, но не состоящие в брачных отношениях), таким образом, расширен спектр дефиниции «пострадавшая сторона».

Статья 2 Закона закрепляет понятие «семейного насилия», под которым понимаются противоправные деяния одного члена семьи по отношению к другому в форме побоев, связывания, изувеченья, ограничения личной свободы, а также, регулярная брань.

Статья 3 Закона запрещает все формы домашнего физического и психологического насилия, в том числе избиение, причинение вреда здоровью, нанесение телесных увечий, лишение свободы, а также вербальные угрозы и оскорбления. Следует уточнить, что сексуальное насилие в законе не рассматривается.

Статья 5 Закона указывает категории лиц, которые должны быть защищены не только государством, но и обществом, а также членами семьи: несовершеннолетние, люди пожилого возраста, инвалиды, беременные и кормящие женщины, тяжелобольные, пострадавшие от домашнего насилия. Кроме того, жертвы такого насилия сами могут обратиться в суд, чтобы получить запретительный приказ, обязывающий правонарушителя выехать из дома, в котором он/она жил(а) вместе с жертвой.

Важно отметить, что по Закону, если в полицию поступило заявление о домашнем насилии, то полицейские обязаны чтобы остановить происходящее, собирая улики по данному факту совершённого деяния.

незамедлительно вмешаться в такой конфликт, В законе предусмотрены меры

¹ Закон Китая о борьбе с домашним насилием (2015 г.) // Портал законов Китая — CJO. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/law-against-domestic-violence-20151227> (дата обращения: 30.08.2021).

по оказанию *оперативной помощи жертвам домашнего насилия*. В частности, суды обязаны рассматривать такие обращения в срочном порядке — в течение 72 часов, а в случае острой необходимости — в течение 24 часов.

Закон содержит пункты, которые обязывают *общественные организации*, включая школы, больницы и соседские комитеты, уведомлять правоохранительные органы общественной безопасности о случаях домашнего насилия физического, психологического, экономического (побои, вымогательство, лишение заботы, оставление члена семьи без средств к существованию и др.). Новый закон также распространяется на отношения между *опекунами и подопечными*. Так, отстранение опекуна или попечителя от исполнения возложенных на них обязанностей допускается в случае нарушения прав и законных интересов подопечного с применением насилия. Более того, виновные обязаны взять на себя расходы на воспитание подопечного [11].

Известно, что общественное сознание оказывает влияние на «допустимый» (высокий или низкий) уровень преступности [17]. Сила коллективного воздействия на отдельную личность, страх «потерять лицо» перед общественностью, в китайской культуре исторически сильна. Мобилизация населения в достижении провозглашенных целей высока, поэтому законодатель не только обратился к обществу за поддержкой в преодолении семейного насилия, но генерировал усилия государства, общественности, организаций и отдельных граждан в предотвращение семейного насилия. Законодатель впервые четко подтвердил, что *«государство, общество и каждая семья несут общую ответственность за борьбу с насилием в семье»*.

Принятие Закона, запрещающего насилие в отношении членов семьи — это огромный шаг для развития правового сознания в Китае. То, что в течение многих веков считалось внутренней проблемой семьи, теперь оценивается как проблема общественной безопасности [18]. Закон также дает право родственникам и близким обращаться в полицию, если сама жертва по каким-либо причинам этого сделать

не может. Факт принятия подобного Закона на государственном уровне подтверждает, что в современном Китае происходят трансформация тех «вредоносных» культурных «рудиментов» как в публичной, так и частной жизни, которые препятствуют гендерному равенству, формированию позитивных стереотипов поведения, большей защищенности личности в современных реалиях общественного развития.

3. Первые итоги применения закона, оценка его эффективности (2016–2021 гг.). Закон «О борьбе с насилием в семье» вступил в силу в 2016 году, в течение первого года было выдано более 300 охранных ордеров, защищающих женщин от агрессии мужей. Также зафиксированы факты, когда в качестве жертвы был муж. Впервые такой случай произошел в декабре 2016 года, когда Пекинский народный суд, встал на сторону пострадавшего и выдал ордер на защиту мужа от жены. Молодая пара состояла в законном браке два года, но ссоры и побои происходили практически ежедневно (физическое насилие), в том числе, на глазах маленького ребенка, что было причиной его сильного страха и плача (психологическое насилие). Согласно документу (охранному ордеру), женщине запрещено причинять беспокойство, угрожать и наносить вред супругу. Кроме того, ей надлежит покинуть квартиру и держаться от супруга на расстоянии не менее 200 метров на протяжении ближайших шести месяцев. В случае нарушения постановления жену могут задержать на 15 суток и оштрафовать на одну тысячу юаней¹. Данный пример подтверждает, что в роли жертвы семейного насилия может оказаться любой член семьи вне зависимости от гендерно-возрастной категории, а мужская виктимность жертв семейного насилия, отличается еще более высокой латентностью, чем женская [20].

В Министерстве общественной безопасности КНР (МОБ КНР) подвели итоги за пятилетний период (2016–2021 гг.) применения Закона «О борьбе с семейным

¹ Суд в Пекине впервые выдал охранный ордер мужчине, которого избивала жена // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20161206/1482916904.html> (дата обращения: 30.08.2021).

насилием». В настоящее время Министром общественной безопасности КНР является Чжао Кэчжи (с 2017 г.). Организационная структура МОБ КНР включает 27 оперативных и технических управлений. Первое управление — это главное управление охраны общественного порядка, его основную часть составляет полиция, которая руководствуется в своей деятельности Законом «О Народной полиции КНР» (1995 г.).

Следует отметить, что в течение последнего десятилетия в КНР отмечается эффективная деятельность правоохранительных структур по снижению уровня преступности. По данным международного исследовательского портала Numbeo Китай входит в группу стран с низким уровнем преступности. Соответственно высокий уровень виктимологической безопасности позволяет гражданам чувствовать себя более комфортно в общественных местах, в путешествиях, в ведение экономической деятельности, повышает уровень качества жизни населения и делает страну привлекательной для иностранного туризма и инвестиций, что усиливает позитивный имидж страны в мировом сообществе [7].

В период с 2000–2020 гг. МОБ КНР осуществило несколько этапов модернизации, деятельность полиции была направлена на снижение преступности, повышение технической оснащённости, на формирование активного взаимодействия полиции и общества, реализовывалась модель «социально-ориентированной полиции на нужды населения», осуществлялось большее внимание к обращениям граждан по поводу семейно-бытовых конфликтов и их последствий [6].

Комплексная государственная политика снижения преступности в стране, введение с 2021г. социального рейтинга (экспериментальное введение в некоторых провинциях с 2014 г.), принятие Закона «О борьбе с семейным насилием», эффективная деятельность полиции были направлены на повышение правовой культуры граждан, правовую интеграцию общества, на повышение виктимологической безопасности населения и в результате национальной безопасности Китая.

Большое значение имело формирование общественного мнения и отношения

к недопустимости фактов насилия, ретроспективного обращения к культурно-историческим основам национального самосознания, где семья — это оплот пяти «добродетелей». Таким образом, вмешательство полиции, незамедлительное пресечение насилия в семье, применение новых форм работы с населением, а также тесное сотрудничество полиции с общественными организациями по защите жертв, моральное порицание со стороны граждан на виновную сторону, страх дебошира «потери лица» в обществе, имели позитивный результат [22]. Полиция применяла весь арсенал мер от упреждающих до репрессивных в пределах своей компетенции.

Так как в открытом доступе (телевидение, радио, печатные периодические издания) показаны только отрывочные данные о применении Закона, в нашем исследовании обратимся к данным представленными Министерством общественной безопасности КНР (МОБ КНР). На пресс-конференции 17 марта 2021 года, посвящённой подведению итогов пятилетней (2016–2021 гг.) деятельности полиции в рамках применения Закона о предотвращении и пресечении семейного насилия, Чжан Мин (пресс-секретарь МОБ КНР) отметил следующее результаты:

Во-первых, полиция регулярно осуществляет профилактические и упреждающие мероприятия по предотвращению семейного насилия (в том числе, ежедневный обход подведомственной территории, профилактические беседы, реагирование на жалобы и заявления граждан и др.).

Во-вторых, в полицию ежегодно поступает более 20 млн. «экстренных звонков» граждан, сообщающих о фактах семейного насилия, на которые полиция незамедлительно реагирует; наблюдается увеличение количества звонков от граждан по сравнению с предыдущим пятилетним периодом, но это в первую очередь свидетельствует о равнодушии граждан к фактам семейного насилия, а поступающие звонки от жертв насилия, подтверждают уверенность в том, что помощь будет оказана.

В-третьих, большое значение имеет то, что полиция выступила в качестве «посредника» и содействовала разрешению более

8,25 млн семейных ссор; таким образом, полиция осуществляла восстановительно-примирительную функцию, которая направлена на урегулирование конфликта, примирение сторон, сохранение и поддержание семьи.

В-четвертых, полиция незамедлительно реагировала на факты насилия и пресекла более 6,17 млн случаев домашнего насилия; таким образом, полиция была вынуждена применять репрессивные меры в пределах своей компетенции.

В-пятых, в настоящее время одним из актуальных направлений деятельности полиции является работа по сбору и анализу «экстренных звонков» с целью их дифференцированной проработки и построения более эффективной профилактики, предотвращения и пресечения семейного насилия, что потребует дополнительных усилий со стороны органов общественной безопасности.

В-шестых, в своей деятельности полиция смогла соединить культурные традиции и инновационные формы деятельности и взаимодействия с общественностью; нашла поддержку как со стороны отдельных граждан, работодателей, местных сообществ (соседские комитеты), так и административных учреждений (в том числе школы, больницы), полиция активно взаимодействует с общественными организациями (женские комитеты, отделения ВФЖ).

В-седьмых, при подведении итогов было подчеркнуто, что со стороны полиции всем гражданам гарантировано быстрое реагирование на «экстренные звонки», надлежащее расследование и соразмерные меры, когда попираются права женщин и детей, когда граждане просят о помощи в ситуациях насилия в семье.

В-восьмых, вышедшие в отставку служащие полиции, пользуются большим авторитетом у местного населения, поэтому к ним часто обращаются за советом и помощью в семейных конфликтах, когда нужно оказать моральное влияние на «виновника». Бывший сотрудник общественной безопасности Ван Фэй (г. Цзинчжоу), являющийся активистом против домашнего насилия, в интервью шанхайскому интернет-изданию Sixth Tone, отметил, что

с возникновением коронавирусной инфекции COVID-19 и вынужденной самоизоляции населения в течение первого полугодия сообщений о домашнем насилии, в том числе и в полицию, выросло на 25–30%.

Обсуждение

1. Случаи насилия в семье, от единичных до систематических, существуют во всех социальных группах вне зависимости от культурных и религиозных различий, финансовой обеспеченности, образования, социального положения, профессиональной занятости. Любой вид насилия (физический, экономический, психологический, сексуальный) попирает мораль и нравственность, приносит физические страдания, угнетающе действует на психику, блокирует самоактуализацию личности, ослабляет воспитательный потенциал негативно действуя на развитие ребенка, понижает качество жизни. Насилие не только подрывает основы самой семьи, но и разрушает фундамент безопасности общества, в результате ослабляя национальную безопасность государства.

2. Принятию Закона КНР «О борьбе с насилием в семье» предшествовал длительный период проработки его положений. Закон прежде всего ориентирован на профилактику семейного (домашнего) насилия. В законе дано определение семейного насилия, его виды (физическое, психологическое и экономическое); указаны категории лиц, которые должны быть защищены не только государством, но и обществом; определены субъекты профилактики насилия в семье, прописан механизм защиты личной безопасности; меры помощи пострадавшей стороне (жертвам насилия); меры ответственности виновной стороны; оперативная помощь.

3. С концептуально-содержательной точки зрения, законодатель смог осуществить конвергенцию позитивных основ традиционной конфуцианской культуры («Поднебесной») и ментальных характеристик общественного сознания в преодолении вредных социальных практик домашнего насилия для всех членов семьи, как не совместимых с цивилизованным поведением современного гражданина КНР.

4. Законодатель показал, что семейно-бытовое насилие является частью устаревших представлений, «рудиментом» культурно-социального наследия, закрепившееся в традициях со времен феодального строя в Китае, а с современной точки зрения является не только неэффективной, но и абсолютно недопустимой формой взаимоотношений в семье.

5. Консолидация граждан КНР в достижении провозглашенных целей высока, поэтому законодатель не только обратился к обществу за поддержкой в преодолении семейного насилия, но генерировал усилия государства, общества, организаций и отдельных граждан в предотвращение семейного насилия. Законодатель впервые чётко указал, что «государство, общество и каждая семья несут общую ответственность за борьбу с насилием в семье», тем самым осуществив правовую интеграцию общества в данной сфере.

6. В течение последних двух десятилетий МОБ КНР динамично и планомерно осуществлял модернизацию правоохранительной деятельности с учетом культурных традиций и инноваций. В это период уделялось большее внимание выстраиванию гармоничных взаимоотношений полиции и общества, повышению имиджа полицейского. Деятельность полиции имела ярко выраженный социально-ориентированный вектор, нацеленный на решение проблем граждан (территориального подведомственной территории) в пределах полномочий полиции. Таким образом, высокий авторитет и доверие к полиции, являлись фундаментом для более результативного применения Закона, в том числе, когда полицейские выступали в роли «посредников» при разрешении семейных конфликтов. В своей деятельности полиция применяла широкий арсенал мер, от ресторативных (восстановительно-примирительных) до репрессивных (пресечение) в пределах своей компетенции.

7. В Китае криминальная статистика и статистика судебных решений, а также другая достоверная информация, связанная с проблемой семейного насилия малодоступна. На основании краткой информации, представленной МОБ КНР, учитывая

основную направленность правоохранительного ведомства, можно утверждать, что речь прежде всего идет о фактах физического насилия в семье и других признаках «видимого» неблагополучия, которые провоцируют систематическое насилие в семье (жестокое обращение, алкоголизм, наркомания, психиатрические заболевания и др.).

8. В связи с возникновением пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19 и ее штаммами, проблема домашнего насилия, приобретает особую актуальность, так как практически во всех странах мира, наблюдается значимый рост насилия в семье, что требует поиска новых решений защиты жертв насилия в семье.

В связи с отсутствием данных, за рамками исследования остается обсуждение ряда важных аспектов. Какую помощь получают жертвы, например, психологического насилия в семье? Насколько такая помощь является доступной и специализированной? В какие «кризисные центры» могут обратиться жертвы семейного насилия? Известно, что ВФЖ как общественная организация, разрабатывает ряд социальных программ поддержки женщин и детей, но в какой степени в них отражена специфика помощи жертвам семейного насилия? Доступность информации по широкому спектру рассматриваемой проблемы, позволила бы в большей степени оценить эффективность предпринимаемых мер.

Заключение

Принятие в Китае Закона «О борьбе с насилием в семье» (2016 г.), не было изолированным законодательным актом, а являлось частью системного подхода к снижению преступности и повышению виктимологической безопасности населения, улучшению качества жизни граждан, обновлению законодательной базы, соответствию международным стандартам, но без утраты национальной идентичности. В целом это повышает имидж страны на мировой арене, а также соответствует тем долгосрочным целям, которые заложены в перспективах развития КНР до 2050 года. Принятие данного закона способствует дальнейшей интеграции

общества, повышению правовой культуры населения, оздоровлению нравственных основ семейной жизни и в целом служит повышению национальной безопасности КНР.

Список источников

1. Баранчикова М. В. Виктимологические особенности женщин как жертв семейно-бытовых преступлений // Виктимология. 2019. № 4 (22). С. 20–27.
2. Волосова Н. Ю. Проблема ответственности за побои и профилактика семейного (домашнего) насилия: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 51–53.
3. Дизер О. А. Административно-правовая защита общественной нравственности : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2019.
4. Доклад Генерального секретаря ООН на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2006 г.) // Криминальное насилие против женщин и детей: международные стандарты противодействия : сб. документов / сост. В. С. Овчинский. Москва, 2008. С. 449–450.
5. Дунмэй П. Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае (интерпретация «Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (№ 8) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 2. С. 61–67. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).115-123
6. Дунаева О. Н. Зарубежный опыт формирования взаимодействия полиции и общества (на примере Китайской Народной Республики) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. №4. (41). С. 110–115.
7. Карпышева Ю. О. Виктимологическая безопасность в России и Китае: попытка компаративного анализа // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2 (85). С. 84–89.
8. Квашиш В. Е. Правовая защита семейных отношений (к законопроекту о семейно-бытовом насилии) // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 30–34.
9. Квашиш В. Е., Дунаева О. Н. Современное состояние и актуальные направления поддержки жертв преступлений в Японии // Виктимология. 2020. № 4 (26). С. 53–67.
10. Ксинг Х. Закон о борьбе с домашним насилием в Китае: этапы разработки и необходимость принятия // Российское правосудие. 2012. № 1 (69). С. 77–82.
11. Кулакова В. А., Чердакова Т. Б., Янь Ю. Насилие в семье: ответственность по китайскому законодательству // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VII Международной научно-практической конференции (Благовещенск—Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.). Благовещенск : БГУ, 2017. С. 405–408.
12. Куянова А. В. Предупреждение участковыми уполномоченными полиции правонарушений в семейно-бытовой сфере // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 1 (30). С. 74–78.
13. Лавцова Н. Насилие в семье или насилие над семьей // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 3. С. 529–536.
14. Майоров В. И., Дунаева О. Н., Пряников А. М. Опыт Китайской Народной Республики по организации взаимодействия полиции и общества в охране общественного порядка // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2021. № 3. С. 107–112. DOI: 10.52452/19931778_2021_3_107
15. Модельное законодательство о насилии в семье. Рекомендации ООН // Вестник «Новые возможности для женщин». 1997. № 10. С. 22–31.
16. Оспанова С. М. Развитие прав женщин в Республике Корея: тенденции и перспективы // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2012. № 1. С. 140–143.

17. Майоров А. В., Хашимов А. А. Общество и преступность: зарубежный опыт виктимологического воздействия // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 1 (38). С. 62–72.
18. Кулакова В. А., Чердакова Т. Б., Сюй К. Законодательство Китая против домашнего насилия // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII Международной научно-практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 г.). Благовещенск : БГПУ, 2018. С. 379–384.
19. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Коробеева, пер. с кит. Д. В. Вичикова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. 303 с.
20. Харламов В. С. Виктимологическая диагностика насилия в семье мужчин // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 65–68.
21. Харламов В. С. Уголовно-правовая интерпретация виктимной стороны внутрисемейного насилия // Журнал российского права. 2016. № 4 (232). С. 108–118.
22. Хэ Ц., Ли В. О важной роли полицейской культуры в службе полиции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXV Международной научно-практической конференции (Иркутск, 05 июня 2020 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2020. С. 392–404.
23. Шестаков Д. А. Криминологические проблемы семейных отношений : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 101–119.
24. Чэнь В. Обзор насилия в семье в сельских семьях (с акцентом на тему сельских женщин) // Исследования в области права и бизнеса. 2007. № 6. С. 23–33.

References

1. Baranchikova M. V. Victimological characteristics of women as victims of domestic crimes. *Viktimologiya* [Victimology]. 2019;(4):20-27. (in Russ.)
2. Volosova N. Yu. The problem of responsibility for beatings and prevention of family (domestic) violence: administrative and legal aspect. *Administrativnoe pravo i process* [Administrative law and process]. 2021;(4):51-53. (in Russ.)
3. Dieser O. A. *Administrative and legal protection of public morality*. [autoref. dissertation]. Omsk; 2019. (in Russ.)
4. Ovchinsky V. S. (ed) Report of the UN Secretary General at the 61st session of the UN General Assembly (2006). *Criminal violence against women and children: international standards of counteraction*: Coll. documents. Moscow, 2008:449-450. (in Russ.)
5. Dongmei P. New trends in the development of criminal legislation in China (interpretation of the "Amendments to the Criminal Code of the People's Republic of China (No. 8). *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law]. 2011;(2):61-67. (in Russ.)
6. Dunaeva O. N. Foreign experience in the formation of interaction between the police and society (on the example of the People's Republic of China). *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2020;(4):110-115. (in Russ.)
7. Karpysheva Yu. O. Victimological security in Russia and China: an attempt at comparative analysis. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian legal bulletin]. 2019;(2):84-89. (in Russ.)
8. Kvashis V. Ye. Legal protection of family relations (to the draft law on domestic violence). *Nauchnyj portal MVD Rossii* [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2020;(1):30-34. (in Russ.)

9. Kvashin V. Ye., Dunaeva O. N. The current state and topical directions of support for victims of crime in Japan. *Viktimologiya* [Victimology]. 2020;(4):53-67. (in Russ.)
10. Xing H. Law on combating domestic violence in China: stages of development and the need for adoption. *Rossijskoe pravosudie* [Russian justice]. 2012;(1):77-82. (in Russ.)
11. Kulakova V.A., Cherdakova T.B., Yan Yu. Domestic Violence: Responsibility for Chinese Law. *Russia and China: history and prospects of cooperation*. Proceedings of the VII International scientific-practical conference; 2017 May 22-23; Blagoveshchensk — Heihe. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University; 2017. p. 405-408. (in Russ.)
12. Kuyanova A. V. Prevention by district police officers of offenses in the family and household sphere. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016;(1):74-78. (in Russ.)
13. Lavtsova N. Domestic violence or violence against the family. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. 2018;16(3): 529-536. (in Russ.)
14. Mayorov V. I., Dunaeva O. N., Pryanikov A. M. The experience of the People's Republic of China in organizing interaction between the police and society in the protection of public order. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after Lobachevsky]. 2021;(3):107-112. (in Russ.)
15. Model legislation on domestic violence. UN Recommendations. *Vestnik "Novye vozmozhnost idlya zhenshchin"* [Bulletin New Opportunities for Women]. 1997;(10):22-31. (in Russ.)
16. Ospanova S. M. Development of women's rights in the Republic of Korea: trends and prospects. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan* [Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan]. 2012;(1): 140-143. (in Russ.)
17. Mayorov A. V., Hashimov A. A. Society and crime: foreign experience of victimological impact. *Vestnik Ural'skogo institute ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law]. 2017;(1):62-72. (in Russ.)
18. Kulakova V.A., Cherdakova T. B., Syuj K. Chinese Legislation Against Domestic Violence. *Russia and China: history and prospects of cooperation*. Proceedings of the VIII International scientific-practical conference; 2018 May 21-28; Blagoveshchensk — Heihe, Changchun, Shenyang. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University; 2018. p. 379-384. (in Russ.)
19. Korobeev A. I. (ed.), Vichikov D. V. (trans.) *Criminal Code of the People's Republic of China*. SPb.: Publishing house "Legal Center Press", 2001. (in Russ.)
20. Kharlamov V. S. Victimological diagnostics of violence in the family of men. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2017;(3):65-68. (in Russ.)
21. Kharlamov V. S. Criminal law interpretation of the victim side of intrafamilial violence. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian law]. 2016;(4):108-118. (in Russ.)
22. He Ts., Li V. On the important role of police culture in the police service. Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Proceedings of the XXV International Scientific and Practical Conference; 2020 June 5; Irkutsk. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2020. p. 392-404. (in Russ.)
23. Shestakov D. A. Criminological problems of family relations. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Law. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad* [Russian criminological view]. 2011;(2):101-119. (in Russ.)
24. Chen V. Review of domestic violence in rural families (with a focus on rural women). *Issledovaniya v oblasti prava i biznesa* [Research in Law and Business]. 2007;(6): 23-33. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дунаева Ольга Николаевна, старший преподаватель, кафедры Современные образовательные технологии, Институт открытого и дистанционного образования, Южно-Уральский гос. университет (национальный исследовательский университет).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
dunaevaon@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Dunayeva, Senior Lecturer, Department of Modern Educational Technologies, Institute of Open and Distance Education, South Ural State University (National Research University).

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.
dunaevaon@gmail.com

Дата поступления статьи / Received: 10.12.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.12.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.12.2021.

Научная статья
УДК 343.988

Виктимологические аспекты реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детском доме (по материалам Нижнекамского детского дома)

Екатерина Михайловна Глянц¹, Юлия Владимировна Кривенцова²

¹Аспирант, Казанский инновационный университет,
адвокат Коллегии адвокатов «Рыбак, Коган и партнеры», Казань, Россия
ekaterina1714@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2861-1087>

²Директор ГБУ «Нижнекамский Детский Дом», Нижнекамск, Россия
detskiydom-nk@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются особенности реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в детских домах семейного типа на территории Российской Федерации на примере Нижнекамского детского дома.

Изучается роль детского дома в виктимологической профилактике для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как наиболее незащищенной группы несовершеннолетних.

Анализируются особенности организации и функционирования детского дома семейного типа и их влияние на реабилитацию и последующую социализацию детей-сирот. В статье освещается система воспитания, реабилитации, социальной адаптации детей-сирот на примере Нижнекамского детского дома. Приводится статистика причин, по которым дети-сироты были помещены в Нижнекамский детский дом в период с 2018 по 2021 гг.

Ключевые слова: дети-сироты, виктимность несовершеннолетних, виктимность детей-сирот, виктимологическая защита, виктимологическая профилактика, детский дом, детский дом семейного типа, реабилитация детей-сирот, реабилитационное пространство для детей-сирот, организация и порядок работы детского дома

Благодарности: авторы статьи выражают благодарность доктору юридических наук, профессору Кабанову Павлу Александровичу за научное руководство по подготовке данной статьи; главному редактору журнала «Виктимология», кандидату юридических наук Майорову Андрею Владимировичу за предоставленную возможность публикации данной статьи.

Для цитирования: Глянц Е. М., Кривенцова Ю. В. Виктимологические аспекты реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детском доме (по материалам Нижнекамского детского дома) // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 318–328.

Scientific article

Victimological Aspects of the Rehabilitation of Orphans and Children Left Without Parental Care in an Orphanage (Based on Materials of the Nizhnekamsk Orphanage)

Yekaterina M. Glyants¹, Yuliya V. Krivencova²

¹Postgraduate student, Kazan Innovative University,
Barrister of Bar Association «Rybak, Kogan and partners», Kazan, Russia
ekaterina1714@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2861-1087>

²Director of Nizhnekamsk orphanage, Nizhnekamsk, Russia
detskiydom-nk@mail.ru

Abstract. The peculiarities of rehabilitation of orphans and children left without parental care in family-type orphanages on the territory of Russian Federation on the example of Nizhnekamsk orphanage are analysed.

The role of children's home in victimological prevention for orphans and children left without parental care as the most unprotected group of minors is studied.

The peculiarities of organization and functioning of a family-type children's home and their influence on the rehabilitation and subsequent socialization of orphans are analysed.

The article highlights the system of upbringing, rehabilitation and social adaptation of orphans by the example of Nizhnekamsk orphanage. Provides statistics on the reasons why orphans were placed in Nizhnekamsk orphanage in the period from 2018 to 2021.

Keywords: orphans, juvenile victimhood, orphan victimhood, victimological protection, victimological prevention, children's home, family-type children's home, rehabilitation of orphans, rehabilitation space for orphans, organisation and procedure of the orphanage.

Acknowledgements: The authors would like to thank Professor Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, for his scientific guidance in the preparation of this article; and Andrey V. Mayorov, Chief Editor of the Journal *Victimology*, PhD in Law, for providing the opportunity to publish this article.

For citation: Glyants Ye. M., Krivencova Yu. V. *Victimological Aspects of the Rehabilitation of Orphans and Children Left Without Parental Care in an Orphanage (Based on Materials of the Nizhnekamsk Orphanage)*. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 318-328. (In Russ.)

Введение

Проблема социальной, психологической и правовой защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей обсуждается учеными всех стран [11; 12; 13]. В России сиротство продолжает оставаться острой социальной, экономической, психологической, педагогической и правовой проблемой. Одной из причин виктимизации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ученые считают их социальную эксклюзию.

По данным российских исследователей в России каждый сотый ребенок живет и воспитывается в интернатной системе [3].

Детский дом — это одна из форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, которых по каким-то причинам

невозможно передать на воспитание в семью. Учреждение не может заменить ребенку семью, никогда не сможет стать полноценной альтернативой семье. Однако детский дом может эффективно выполнять важнейшие функции реабилитации детей-сирот, их социальной адаптации, формирования духовных качеств личности, чувства ответственности за себя и других, восстановления утраченных ребенком социальных связей и отношений.

В науке мало внимания уделяется одной из важнейших функций детского дома — виктимологической профилактике. Виктимологическая профилактика преступности призвана оказывать соответствующее воздействие на причины и условия, способствующие повышению уровня виктимности населения. [7, с. 50–57].

Роль детского дома в виктимологической профилактике достаточно велика. Без кропотливой работы администрации и педагогов учреждения невозможно предотвратить виктимизацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Виктимологической задачей детского дома является восстановление нарушенных прав детей-сирот, восстановление их статуса, предотвращение их дальнейшей виктимизации.

Лучше всего поставленным задачам соответствует детский дом, организованный по семейному типу.

Поэтому **целью** нашего исследования является изучение роли детского дома в реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на примере Нижнекамского детского дома.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реабилитации детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детском доме.

Предмет исследования — нормативно-правовые акты, регулирующие правоотношения, возникающие в процессе реабилитации детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации и нормативные акты, в том числе и локальные, регулирующие этот процесс в Нижнекамском детском доме; исследования отечественных ученых, статистические данные.

Задачи исследования:

— анализ федерального законодательства и законодательства Республики Татарстан, регулирующего организацию и порядок деятельности детских домов;

— анализ нормативных актов, регулирующих деятельность Нижнекамского детского дома, организованного по семейному типу;

— изучение статистических данных Нижнекамского детского дома о причинах помещения детей в Нижнекамский детский дом за период с 2018 по 2021 год;

— исследование порядка и организации деятельности Нижнекамского детского дома;

— изучение роли Нижнекамского детского дома в виктимологической профилактике.

Методология и методика исследования

В основу методологии проведенного исследования легли общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, а также сравнительно-правовой метод исследования.

Теоретической основой проведенного исследования являются труды современных российских ученых в сфере виктимологии, социологии, психологии и педагогики.

Эмпирической основой исследования являются статистические данные Нижнекамского детского дома.

Процесс проведения исследования и его результат

Одной из главных задач государства и общества является социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [5]. В Российской Федерации приоритетным является семейное воспитание детей.

Как справедливо отмечают современные исследователи, семья для ребёнка — самая естественная и гуманная воспитательная среда [10, с. 46–50]. Однако в силу различных обстоятельств не все дети, оставшиеся без попечения родителей, могут быть устроены в семью, поэтому их помещают в детские дома. Детский дом в Российской Федерации — это одна из форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Порядок деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей, урегулирован постановлением Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей»¹.

Организация детских домов и иных учреждений, осуществляющих заботу и опеку

¹ О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей : Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 22. С. т. 2887.

над брошенными детьми, является прямой социальной обязанностью государства [3].

Воспитание детей в детских домах в науке называют институциональным [8, с. 71–82].

Нахождение в интернатных учреждениях создает дополнительные риски социальной эксклюзии детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Последствия институционального воспитания долгосрочные и проявляются в течение всей жизни. По мнению Т. Г. Бахматовой и Ю. А. Чусовой «социальная эксклюзия сирот является провоцирующим фактором их криминогенного поведения» [2, с. 674–681]. Помимо криминогенного поведения, социальная эксклюзия способствует и формированию виктимного поведения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Это распространенное мнение в науке и обществе. Однако в настоящее время создаются детские дома прогрессивного типа. Они совершенно непохожи на существовавшие ранее сиротские учреждения.

Деятельность современных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся должна быть направлена на гуманизацию отношений детей и взрослых, в демократизацию их жизнедеятельности [9, с. 17–26].

В ряде регионов Российской Федерации уже несколько лет успешно функционируют детские дома семейного типа. Детский дом сегодня — это образовательное учреждение, созданное для решения задач социального воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Задача государства состоит в том, чтобы выпускники детских домов были успешно интегрированы в современное общество, готовы самостоятельно решать возникающие социально-бытовые, коммуникативные и экономические проблемы, воспринимать новые идеи, принимать нестандартные решения, работать в коллективе и адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка труда [6, с. 49–52].

Это залог эффективной виктимологической профилактики среди детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Цель виктимологической профилактики — исключить формирование у этой категории детей детерминант виктимного поведения.

Для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей детский, дом становится единственным домом, защитой от жестокостей внешнего мира. Дети, попадающие в воспитательные учреждения, зачастую имеют непростые показатели в своем анамнезе. У них могут быть отклонения в физическом и психическом развитии. Нередко выявляется задержка умственного развития, искажение развития личности (от эмоциональной сферы до жизненной перспективы), нарушение половой идентификации и др. [3]

Родители большей части поступающих в детский дом несовершеннолетних ведут асоциальный образ жизни. Многие дети уже имеют привычку употребления алкоголя или наркотиков. Насилие в семье воспринимается ими как норма. У детей нет осознания необходимости получения образования, нет желания работать, не привиты даже элементарные бытовые навыки, не говоря уже о нравственных ценностях. Им не знакомы категории добра, милосердия, взаимопомощи. Эти дети растут в отсутствие значимого взрослого, которому можно доверять, на которого можно положиться. Поэтому так важно, чтобы из трудной жизненной ситуации дети не попадали в так называемую приютскую, казарменную среду.

Государственное бюджетное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Нижнекамский детский дом» создан на основании постановления главы администрации города Нижнекамска и Нижнекамского района от 04.06.1993 № 249 на базе детского сада № 59 Городского Управления Образования¹.

Распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан от 23.12.2005 № 2155-р Детский дом включен в Перечень государственных учреждений, обеспечивающих осуществление Министерством образования и науки Республики Татарстан полномочий Республики Татарстан.

Согласно п. 1.7. Устава государственного бюджетного учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

¹ Постановление главы администрации города Нижнекамска и Нижнекамского района от 04.06.1993 № 249 // <https://edu.tatar.ru/nkamsk/page1634.htm> (дата обращения 23.11.2021).

родителей «Нижнекамский детский дом» (далее — Устав), детский дом является некоммерческой организацией для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей — государственным учреждением, тип — бюджетное учреждение, создается Республикой Татарстан для выполнения работ или оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти Республики Татарстан по содержанию, воспитанию, образованию, защите и представительству прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, помещенных (устроенных) в Детский дом под надзор на основании соответствующего акта органа опеки и попечительства¹.

В соответствии с п. 2.2 Устава основной целью деятельности Детского дома является содержание, воспитание, образование, защита и представительство прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, помещенных (устроенных) в Детский дом под надзор на основании соответствующего акта органа опеки и попечительства.

Важнейшими, с точки зрения виктимологической профилактики, функциями детского дома являются:

— уход за детьми, организация физического развития детей с учетом возраста и индивидуальных особенностей, организация получения детьми образования, а также воспитание детей, в том числе физическое, познавательное-речевое, социально-личностное, художественно-эстетическое, включая духовно-нравственное, патристическое, трудовое, с привлечением детей к труду, мероприятиям по благоустройству территории организации для детей-сирот, в учебных мастерских и подсобных хозяйствах;

— осуществление полномочий опекуна (попечителя) в отношении детей, в том числе защита прав и законных интересов детей;

— деятельность по предупреждению нарушения личных неимущественных и имущественных прав детей;

— консультативная, психологическая, педагогическая, юридическая, социальная и иная помощь родителям детей в целях профилактики отказа родителей от воспитания своих детей, ограничения их в родительских правах, лишения их родительских прав, а также в целях обеспечения возможности восстановления родителей в родительских правах или отмены ограничения родительских прав в отношении детей-сирот, детей оставшихся без попечения родителей, помещаемых под надзор в учреждение;

— психолого-медико-педагогическая реабилитация детей, в том числе реализация мероприятий по оказанию детям, находящимся в детском доме, психологической (психолого-педагогической) помощи, включая организацию психопрофилактической и психокоррекционной работы, психологической помощи детям, возвращенным в Детский дом после устройства на воспитание в семью².

В 2018 году в Нижнекамский детский дом определен 21 ребенок. Из них 7 детей в связи с ограничением родителей в правах, 6 — в связи с лишением родителей прав, 3 — по причине возврата детей из замещающих семей, 1 — в связи с нахождением родителей в местах лишения свободы, 4 — в связи со смертью родителей.

В 2019 году в Нижнекамский детский дом определено 16 детей. Из них 8 детей в связи с ограничением родителей в правах, 2 — в связи с лишением родителей прав, 3 — по причине возврата детей из замещающих семей, 2 — в связи с нахождением родителей в местах лишения свободы, 1 — в связи со смертью родителей.

В 2020 году в Нижнекамский детский дом определено 8 детей. Из них 4 ребенка — в связи с лишением родителей прав, 4 — отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью на основании ст. 77 Семейного кодекса РФ.

В 2021 г. в Нижнекамский детский дом определено 3 ребенка (данные на сентябрь).

¹ Устав государственного бюджетного учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Нижнекамский детский дом» (утв. приказом Министерства образования и науки РТ от 29.12.2015 № 9866/15).

² Там же.

Из них 2 ребенка в связи с ограничением родителей в правах, 1 — по причине возврата детей из замещающих семей¹.

Как свидетельствует статистика наблюдения авторов, чаще всего в детский дом поступают дети из неблагополучных семей. Нахождение детей в таких семьях может привести к тому, что они станут жертвами преступлений либо будут вовлечены в криминальную деятельность. Поэтому особенно важно, чтобы в детском доме для детей было сформировано эффективное реабилитационное пространство.

Согласно п. 32 Положения о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей (утв. постановлением Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481²) (далее — Положение) в организациях для детей-сирот создаются благоприятные условия пребывания, приближенные к семейным, способствующие интеллектуальному, эмоциональному, духовному, нравственному и физическому развитию детей.

Проживание детей организовывается по принципам семейного воспитания в воспитательных группах, размещаемых в помещениях для проживания, созданных по квартирному типу (п. 33 Положения)³. Воспитательные группы формируются преимущественно по принципу совместного проживания и пребывания в группе детей разного возраста и состояния здоровья, прежде всего полнородных и неполнородных братьев и сестер, детей — членов одной семьи или детей, находящихся в родственных отношениях, которые ранее вместе воспитывались в одной семье. Дети разного пола старше 4 лет могут совместно проживать и пребывать в группе в дневное время.

Численность детей в воспитательной группе не должна превышать 8 человек,

а в возрасте до 4 лет — 6 человек (п. 34, 35 Положения)⁴.

В Нижнекамском детском доме в полном объеме исполняются требования Постановления Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», о чем свидетельствуют результаты изучения нами условий проживания там детей — сирот. Нами были осмотрены все помещения, в которых проживают дети, комнаты домоводства, библиотека и др. Были проведены беседы с детьми и педагогами.

В результате исследования выявлено следующее:

1. В детском доме созданы условия максимально приближенные к семейным. Сформированы 3 группы для детей школьного возраста. Строго соблюдается принцип совместного проживания и пребывания в группе детей разного возраста и состояния здоровья, прежде всего полнородных и неполнородных братьев и сестер, детей — членов одной семьи или детей, находящихся в родственных отношениях, которые ранее вместе воспитывались в одной семье.

Детям обеспечивается возможность иметь индивидуальное пространство для занятий и отдыха. У детей есть все для того, чтобы научиться необходимым бытовым и санитарно-гигиеническим навыкам (телевизор, магнитофон, холодильник, стиральная машина, пылесос). У каждого ребенка есть индивидуальная тумбочка, полочка в шкафах-купе, индивидуальный ученический стол для занятий. При приобретении личных вещей для детей администрация детского дома учитывает мнение каждого ребенка. У детей есть право выбора цвета, модели и прочих характеристик приобретаемых для них вещей.

2. В детском доме есть не только комнаты для проживания детей, но и комната психологической разгрузки и релаксации для воспитанников, где оказывается профессиональная психологическая помощь по индивидуальным программам психологической реабилитации, библиотека,

¹ Данные ГБУ «Нижнекамский Детский Дом» за 2018–2021 гг.

² О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей : Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 22. Ст. 2887.

³ Там же.

⁴ Там же.

оснащённая современным компьютером. Комплектуется библиотечный фонд, оформлена подписка на детские журналы и газеты.

С большим желанием воспитанники посещают кабинет домоводства, где учатся готовить, кабинет ручного труда, оснащённый четырьмя швейными машинами, оверлоком и другим необходимым оборудованием.

3. Праздничные мероприятия детского дома проходят в музыкальном зале; спортивные праздники и эстафеты — в мини-спортзале в зимнее время и на универсальной хоккейно-футбольной площадке в летнее; занятия по плаванию в бассейне. Во дворе есть современно оборудованная игровая площадка.

В детском доме уже несколько лет есть традиция, согласно которой в новогодние праздники проводятся «Ёлки» не только для детей, проживающих в детском доме, но для выпускников детского дома и их детей.

Детей выпускников детского дома называют внуками детского дома.

Эти мероприятия помогают детям обрести чувство причастности к большой и дружной семье, ощутить душевное тепло.

4. Педагоги воспитывают детей с учетом их индивидуальных особенностей.

Педагогами для детей разрабатывается режим дня, обеспечивающий рациональное сочетание воспитательной и образовательной деятельности, а также общественно полезного труда и отдыха, составляется с учетом круглосуточного пребывания детей в организации и учитывает участие детей в проведении массовых досуговых мероприятий. Детям также предоставляется возможность самостоятельно выбирать форму проведения досуга с учетом их возраста и интересов.

Воспитанники детского дома обучаются в различных образовательных учреждениях города, исходя из их интересов и способностей. Дети имеют возможность беспрепятственно передвигаться по городу, что воспитывает в них чувство ответственности, самостоятельности, уверенности в себе, способствуя их успешной социализации.

Весь воспитательный процесс в детском доме ориентирован на подготовку

детей — сирот к самостоятельной жизни и адаптации в обществе. Коллектив учреждения работает по комплексной программе социально-реабилитационной работы. Особое внимание уделяется социально-бытовому воспитанию через приобщение к самообслуживанию. В детском доме созданы условия для социализации. Все квартиры (группы) оборудованы необходимой техникой.

Воспитатели и инструктор по труду в повседневной жизни и на специальных занятиях формируют у детей необходимые навыки самообслуживания: учат их умению приготовить пищу, ухаживать за обувью, одеждой, личной гигиене, ведению домашнего хозяйства. Дети осуществляют уборку своих комнат, создают уют, с помощью взрослых по-своему оформляют интерьер. Кроме этого, у каждой воспитательной группы имеется участок в огороде детского дома, где воспитанники с удовольствием работают с ранней весны, заканчивая поздней осенью.

Одним из приоритетных направлений в воспитательной работе является также развитие индивидуальных творческих способностей каждого воспитанника. С этой целью работают объединения по интересам. В течение всего пребывания в детском доме и девочки, и мальчики являются активными участниками кружков, где развиваются такие качества личности, как терпение, усидчивость, умение моделировать, планировать последовательность работы, выбирать материал, цвет, предвидеть результаты труда, воплощать замысел в получении конечного продукта. Лучшие работы представляются на городские и республиканские конкурсы, зачастую занимая призовые места.

На каждого на каждого воспитанника составлены индивидуальные планы развития и жизнеустройства ребенка, согласованные с начальником отдела опеки и попечительства Нижнекамского муниципального района.

Созданные в Нижнекамском детском доме условия в комплексе способствуют снижению виктимности детей-сирот, а также повышению их виктимологической защищенности.

Выводы по результатам проведенного исследования:

1. Детский дом в Российской Федерации — это не просто образовательное учреждение. Это многозадачное учреждение, созданное для воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, реабилитации этих детей, формирования их ответственного поведения, их успешной интеграции в общество. Детский дом — это комплексное реабилитационное пространство для детей, оставшихся без попечения родителей.

2. Одной из важнейших задач детских домов и иных учреждений, осуществляющих заботу и опеку над детьми, оставшимися без попечения родителей, является виктимологическая профилактика.

Учреждения должны создать такой комплекс социально-педагогических условий, который будет предотвращать виктимизацию этих детей. Ведь эта категория несовершеннолетних обладает большей виктимностью по сравнению с другими несовершеннолетними.

3. Детский дом выполняет роль воспитателя. И одним из направлений воспитательной деятельности является формирование правовой культуры детей — сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ведь правовая культура является неременным элементом общего процесса включения личности в общественные отношения. Воспитание законопослушного поведения таких детей направлено на формирование установки на гражданственность, уважение к праву и соблюдение правовых норм, предотвращение правонарушений [1, с. 303–305].

3. Полноценная всесторонняя реабилитация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, возможна только

в условиях, максимально приближенных к семейным.

4. В Нижнекамском детском доме созданы благоприятные условия пребывания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приближенные к семейным, способствующие интеллектуальному, эмоциональному, духовному, нравственному и физическому развитию детей.

5. Комплекс социально-педагогических условий, созданных на базе Нижнекамского детского дома, способствует социальной адаптации детей-сирот. А построение работы детского дома по семейному типу направлено на формирование у детей положительного образа семьи и стремлению детей в будущем создать свою крепкую семью.

6. Воспитание детей-сирот в детском доме семейного типа дает детям поддержку, защиту в трудной жизненной ситуации. Помогает предотвращать виктимизацию детей-сирот, позволяет избежать формирования их виктимного поведения.

Ведь криминальная виктимность несовершеннолетних — это один из показателей, характеризующих состояние преступности и криминальной виктимности в обществе, чем выше её уровень, тем не благоприятней состояние дел в нем и его институтах [4, с. 28–32]. А дети-сироты — это наиболее незащищенная категория несовершеннолетних.

7. В тех случаях, когда устройство детей-сирот в семью по каким-то причинам невозможно, задача государства — создать семейное реабилитационное пространство на базе детских домов и других учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Это позволит решить целый комплекс социальных, экономических, правовых и виктимологических проблем, касающихся этой категории детей.

Список источников

1. Александрова С. Н. Правовая культура детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как социально-педагогическая проблема // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 303–305.

2. Бахматова Т. Г., Чусова Ю. А. Социальная эксклюзия сирот как детерминант криминогенного поведения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 674–681.

3. Волобуева Н. А. Детский дом как государственная форма жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (исторический опыт) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. №3. С. 24–30.
4. Кабанов П. А. Криминальная виктимность несовершеннолетних: возрастная структура и ее содержание (краткий обзор на основе виктимологической статистики следственного комитета РФ 2014–2018 гг.) // Виктимология. 2019. № 2 (20). С. 28–32.
5. Карибян С. О. Правовое регулирование социального сиротства в России // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 145–155.
6. Лебедева Н. А., Девицына Е. А., Шмулявцева С. Ю. Комплексная реабилитация воспитанников детского дома // Социальная педагогика. 2015. № 1. С. 49–52.
7. Майоров А. В. О концепции виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 50–57.
8. Морозов В. В. Институциональная система: реабилитационный подход // Социальная педагогика. 2012. № 1. С. 71–82.
9. Олиференко Л. Я., Шульга Т. И. Модели социальной адаптации и реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социальная педагогика. 2010. № 4 С. 17–26.
10. Шамахова Н. Н. Моделирование социально поддерживающей среды для выпускников как одно из направлений региональной целевой программы постинтернатного сопровождения // Социальная педагогика. 2015. № 4. С. 46–50.
11. Legkonogikh A. N., Basina N. I., Mezinova G. N., Smirnova S. B. Guz A. N. Ethical aspects of the life of orphans and children left without parental care // Revista Inclusiones. 2021. Vol. 8, no 2 (special apr/june). P. 624–633.
12. Махортова Г. Х. К проблеме жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: международная практика и исследования // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2009. Т. 1, № 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2009/n4/Mahortova.shtml (дата обращения: 30.10.2021).
13. Удовенко Ю. Развитие наставничества для детей-сирот в Украине: концептуальные и методологические основы // Психологический журнал. 2019. Т. 5, № 12. С. 263–279. <https://doi.org/10.31108/1.2019.5.12.18>

References

1. Aleksandrova S. N. The legal culture of orphans and children left without parental care as a socio-pedagogical problem. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2015;(18):303-305. (In Russ.)
2. Bahmatova T. G., Chusova Yu. A. Social Exclusion of Orphans as Determinants of Criminogenic Behaviour. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2015;9(4):674-681. (In Russ.)
3. Volobueva N. A. The Children's Home as a state form of placement of orphans and children left without parental care (historical experience). *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya* [Bulletin of Adygeya State University. Series 3: Pedagogy and Psychology]. 2010;(3):24-30. (In Russ.)
4. Kabanov P. A. Criminal victimization of minors: age structure and its content (summary based on victimization statistics of the Investigative Committee of the Russian Federation 2014-2018). *Viktimologiya* [Victimology]. 2019;(2):28-32. (In Russ.)
5. Karibyan S. O. Legal regulation of social orphanhood in Russia. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Vestnik (Herald) of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev]. 2013;2:145-155. (In Russ.)
6. Lebedeva N. A., Devicyna E. A., Shmulyavceva S. Yu. Comprehensive rehabilitation of orphanage inmates. *Social'naya pedagogika* [Social Pedagogy]. 2015;(1):49-52. (In Russ.)

7. Mayorov A. V. On the concept of victimological response to crime. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice]. 2015;(4)50-57. (In Russ.)
8. Morozov V. V. The Institutional System: A Rehabilitation Approach // [Social Pedagogy]. 2012;(1):71-82. (In Russ.)
9. Oliferenko L. Ya., Shul'ga T. I. Models of social adaptation and rehabilitation of orphans and children left without parental care. *Social'naya pedagogika* [Social Pedagogy]. 2010;(4):17-26. (In Russ.)
10. Shamahova N. N. Modelling a socially supportive environment for graduates as one of the directions of the regional target programme of post-residential support. *Social'naya pedagogika* [Social Pedagogy]. 2015;(4):46-50. (In Russ.)
11. Legkonogikh A. N., Basina N. I., Mezinova G. N., Smirnova S. B., Guz A. N. Ethical aspects of the life of orphans and children left without parental care. *Revista Inclusiones*. 2021;8(Spec No 2 apr/june):624-633.
12. Makhortova G. H. The Problem of Life-Arrangements of Orphans and Children Left without Parental Care: International Practice and Research. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2009;1(4). URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2009/n4/Mahortova.shtml (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Udoenko Yu. Organization of mentoring for orphans: the conceptual and methodological background. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2019;5(12):263-279. In Russ. <https://doi.org/10.31108/1.2019.5.12.18>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глянц Екатерина Михайловна, аспирант, Казанский инновационный университет; адвокат коллегии адвокатов «Рыбак, Коган и партнеры».

Казань, Россия.

ekaterina1714@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2861-1087>

Юлия Владимировна Кривенцова, директор ГБУ «Нижнекамский детский дом». 423579, Нижнекамск, ул. Чабьинская, д. 19.

detskiydom-nk@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ekaterina M. Glyants, Postgraduate student, Kazan Innovative University, Barrister of Bar Association «Rybak, Kogan and partners».

Kazan, Russia.

ekaterina1714@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2861-1087>

Yuliya V. Krivencova, Director of Nizhnekamsk orphanage.

19 Chab'inskaya st., Nizhnekamsk 423579, Russia

detskiydom-nk@mail.ru

ВКЛАД АВТОРОВ

Кривенцовой Юлией Владимировной были предоставлены статистические данные, локальные нормативные акты Нижнекамского детского дома, информация об условиях проживания и реабилитации детей в Нижнекамском детском доме, об оснащенности детского дома.

Глянц Екатериной Михайловной изучена и обобщена предоставленная информация, проведено исследование виктимологических аспектов реабилитации детей-сирот на примере Нижнекамского детского дома. Оформлен текст статьи.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Yulia V. Kriventsova provided statistical data, local regulations of the Nizhnekamsk orphanage, information on living conditions and rehabilitation of children in the Nizhnekamsk orphanage, on the equipment of the orphanage.

Yekaterina M. Glyants studied and summarized the information provided, conducted a study of the victimization aspects of the rehabilitation of orphans in the Nizhnekamsk orphanage. The text of the article was written.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

COMPETING INTERESTS

The authors declare no conflicts of interests

Дата поступления статьи: 05.11.2021.

Дата рецензирования статьи: 13.12.2021.

Дата принятия статьи к опубликованию: 15.12.2021.

Применения технологии профайлинга в деятельности сотрудников Госавтоинспекции МВД России

Артем Александрович Перков

*Орловский ЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, Орел, Россия
artperk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6282-6404>*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность применения методики профайлинга сотрудниками Госавтоинспекции МВД России при решении ими задачи по контролю и надзору за безопасностью дорожного движения. Для сотрудника Госавтоинспекции МВД России владение методикой профайлинга способствует повышению эффективности обеспечения безопасности дорожного движения.

Профайлинг помогает не только в выявлении способов реагирования личности на стресс, вызванный утаиваемой им информацией, но и в отнесении ее к определенному типу, для дальнейшего прогнозирования поведения. Рассмотрена специфика применения технологии профайлинга в служебной деятельности сотрудников Госавтоинспекции МВД России. Обозначены основные принципы и особенности применения, а также задачи, которые с помощью указанной методики можно решить сотрудникам Госавтоинспекции МВД России.

Ключевые слова: профайлинг, детекция лжи, ложь, сотрудник Госавтоинспекции, умолчание, искажение

Для цитирования: Перков А. А. Применения технологии профайлинга в деятельности сотрудников Госавтоинспекции МВД России // *Виктимология*. 2021. Т. 8, № 4. С. 329–335.

Scientific article

Application of Profiling Technology in the Activities of Traffic Police Officers Russia

Artem A. Perkov

*Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
artperk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6282-6404>*

Abstract. The article substantiates the relevance of the application of profiling techniques by officers of the State Automobile Inspection of the Ministry of Internal Affairs of Russia when they solve the problem of control and supervision of road safety. For the employee of the State Automobile Inspection of the Ministry of Internal Affairs of Russia profiling methodology contributes to improving the efficiency of road safety.

Profiling helps not only to identify ways of reacting to stress caused by the information withheld, but also to classify it to a certain type for further behavioral forecasting. The specifics of application

© А. А. Перков

of profiling technology in the official activity of employees of the State Automobile Inspection of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. The basic principles and features of application, as well as tasks, which with the help of the specified technique can be solved by employees of the State Automobile Inspection of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: profiling, lie detection, lies, traffic police officer, omission, distortion

For citation: Perkov A. A. Application of Profiling Technology in the Activities of Traffic Police Officers Russia. *Viktimologiya [Victimology]*. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 329-335. (In Russ.)

Введение

Деятельность сотрудников Госавтоинспекции направлена на осуществление контрольно-надзорной функции за безопасностью дорожного движения. Снижения дорожно-транспортного травматизма, обуславливается решением широкого спектра задач, которые требуют наличия профессиональных навыков и умений. В том числе, владения современными психологическими приемами, методами и техниками, которые могут помочь в данном направлении правоохранительной деятельности.

Сотрудники Госавтоинспекции осуществляют виктимологическую профилактику, направленную на выявление, устранение и нейтрализацию факторов, обстоятельств, формирующих виктимное поведение в сфере дорожного движения. Для этого сотрудникам необходимо владеть техниками и методиками, позволяющими выявлять невербальные и невербальные признаки, указывающие на намерения лица. Одной из самых эффективных техник прогнозирования поведения человека является в настоящее время профайлинг. Это методика «чтения» людей. Она позволяет на основе комплексной оценки вербального и невербального поведения быстро считать с человека его личностные характеристики и привычки, ценности, мотивы и убеждения, а также спрогнозировать его поведение в интересующем наблюдателя контексте и ситуации [1, с. 17]. Профайлинг связан с детекцией лжи, но имеет важную отличительную особенность. Прежде всего, профайлинг позволяет прогнозировать дальнейшее (будущее) развитие ситуации, в то время как, детекция лжи направлена на исследование уже полученной информации.

Основная часть

В своей служебной деятельности сотрудники Госавтоинспекции часто сталкиваются

с феноменом лжи. Правонарушители лгут, чтобы избежать ответственности, очевидцы дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) лгут, чтоб их не беспокоили повестками в суд. Таким образом, «ложь» становится понятием с четко выраженным негативным смыслом.

Безусловно, специфика правоохранительной деятельности заставляет относиться ко лжи отрицательно, но ряд исследований свидетельствуют о том, что ложь способствовала формированию вида *Homo sapiens*.

В частности, Н. Хамфри считает основой качественного скачка в развитии мозга человека появление социального интеллекта, в котором большая роль отводилась не приспособлению, а умению прогнозировать свое поведение и действовать в условиях неопределенности.

Исследования Н. Хамфри были продолжены Р. Берном и Э. Вайтеном, которые доказали, что та особь, которая научилась вводить в заблуждение имела преимущество в вопросах репродукции. В своем труде «Макиавеллианский интеллект» ученые сделали вывод о том, что разум людей развился благодаря способности лгать, выстраивая отношения в группе сородичей.

Дальнейшие взгляды на ложь также не отличались однозначностью. Многие философы осуждали этот феномен (М. де Монтень, А. Блаженный), другие высказывались за невозможность существования общества без лжи (Ф. Ницше, З. Фрейд). Каким бы спорным не был вопрос определения лжи, в деятельности сотрудника полиции он имеет, прежде всего, прикладной характер, то есть нас интересуют формы лжи и способы ее изобличения.

Большой вклад в понимание феномена лжи внес П. Экман, который понимал ее как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной

со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды. Экман выделяет две формы лжи: умолчание (сокрытие правды) и искажение (сообщение ложной информации). Таким образом, для лжи нужно как минимум два человека, что не дает нам возможности назвать самообман ложью.

Для сотрудника Госавтоинспекции владение методикой профайлинга способствует повышению эффективности обеспечения безопасности дорожного движения. Прежде всего, путем определения истинности или ложности предоставляемых участником дорожного движения сведений, прогнозирования дальнейшего развития ситуации. То есть, профайлинг может помочь сотрудникам в выявлении лжи. Под ложью будем понимать «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [5, с. 23]. Выделяют две формы лжи: умолчание (сокрытие правды) и искажение (сообщение ложной информации).

Имеющую значение для решения сотрудником оперативно-служебных задач информацию, определим как рентную [3, с. 25]. К ней может относиться — автобиографические сведения о гражданине, необходимые для составления процессуальных документов, обстоятельства и факты дорожно-транспортного происшествия, данные о наличии или отсутствии документов, необходимых для управления транспортным средством, иная. Информация, значимая для осуществления контрольно-надзорной деятельности за безопасностью дорожного движения, может быть скрыта (например, он видел, кто виновен в дорожно-транспортном происшествии, но не сообщает данные сведения сотруднику). Также, возможен вариант, когда участник дорожного движения скрывает саму информацию, но факт владения ею им не умалчивается (например, нарушитель пристегивает ремень безопасности за несколько секунд до остановки транспортного средства инспектором, при взаимодействии с ним, он утверждает, что был пристегнут). Самый сложный для выявления вариант сокрытия информации — когда

участник дорожного движения скрывает информацию, не сообщая о факте владения ею (например, сотрудник Госавтоинспекции видел, что пешеход перешел дорогу в неподобающем месте, но тот отрицает вину, обвиняя инспектора в предвзятости) [2, с. 17]. Участник дорожного движения, обладающий значимой для сотрудника Госавтоинспекции информацией, может лгать. Для выявления вербальных и невербальных признаков лжи, необходимо владеть методикой профайлинга, которая обуславливает замечание, фиксацию и интерпретацию этих признаков для более эффективного решения сотрудником стоящих перед ним оперативно-служебных задач.

Гражданин, скрывающий информацию от сотрудника Госавтоинспекции, испытывает целый спектр эмоций. Методика профайлинга может помочь в выявлении этих эмоций. Например, водитель транспортного средства, который управляет им без наличия полиса обязательного страхования автогражданской ответственности, при взаимодействии с инспектором будет испытывать страх быть раскрытым.

Важно помнить, что гражданин, скрывающий информацию от инспектора, желает избежать раскрытия своего обмана. Например, водитель транспортного средства, проехал на запрещающий сигнал светофора. Данное нарушение было зафиксировано инспектором Госавтоинспекции. При взаимодействии с сотрудником, нарушитель, пытаясь избежать наказания, отслеживает реакцию сотрудника полиции на свои слова, пытается создать «новую реальность», сообщая ложные сведения. При этом, в сознании он удерживает знание о том, что произошло на самом деле, факт правонарушения. Такая нагрузка вызывает стрессовую реакцию, которую сотрудник может фиксировать с помощью методики профайлинга: бледность кожных покровов, потливость, сухость во рту, изменения дыхания, другие.

Профайлинг может не только помочь в выявлении способов реагирования гражданина на стресс, вызванный утаиваемой им информацией, но и в отнесении его к определенному типу, для дальнейшего прогнозирования поведения. Как правило, сотрудники Госавтоинспекции с большим стажем делают это интуитивно. У них

накоплен достаточно большой опыт взаимодействия с разными типами граждан, что позволяет сформировать некоторые представления о типах участников дорожного движения, специфики их поведения, реакции на сотрудника и его поведение. Тем не менее, применение методики профайлинга позволит сделать процесс диагностики интерпретации и прогнозирования поведения гражданина по вербальным и невербальным признакам более осмысленным и целенаправленным, перевести интуитивный навык в осознаваемый, а соответственно, управляемый.

Применяя методику профайлинга необходимо помнить о том, что выделяют три стратегии поведения человека в условиях стресса [2, с. 43]. Реакции тревоги, сопротивляемости, истощения («стой-бей-беги»). Остановившая транспортное средство, сотрудник Госавтоинспекции, может столкнуться с одной из них [2, с. 37]. Неподготовленная ложь может проявляться в контролируемом барьере со стороны лгущего, то есть реакция «стой». Она характерна для человека, не успевшего адаптироваться к стрессу и заключающаяся в отказе предоставлять какие-либо сведения или комментарии («какова причина остановки, товарищ инспектор?»). Ложь контролируемая, реакция «бей» для человека, не реагирующего на некоторые стимулы, заключающаяся в предоставлении неполных, искаженных сведений («знак стоял за кустами, я его не увидел»). И ложь творческо-фантазийная, реакция «беги», когда лгущий выстраивает тактический барьер путем вербализации заранее подготовленных легенд, выражений, тирад («на дороге ямы, если б я не выехал на встречную полосу, я б испортил машину»). Безусловно, выбор стратегии будет обусловлен от особенностей нервной системы человека, ведь кто-то быстрее адаптируется к стрессорам, а кому-то нужно больше времени.

При применении методики профайлинга в решении оперативно-служебных задач, сотрудник Госавтоинспекции должен придерживаться ряда принципов [1, с. 26]. Прежде всего, помнить, что нет ни одного верного признака лжи. Это означает, что лишь наблюдение за гражданином в комплексе его

вербальных, невербальных и поведенческих проявлений, позволит получить более или менее полную информацию о том, скрывает он что-либо от сотрудника или нет. В частности, при проведении занятий со слушателями курсов повышения квалификации, сотрудники часто говорят об ошибках в прогнозировании поведения гражданина. С их слов, она обусловлена тем, что в сложных условиях несения службы, бывает трудно наблюдать за всеми возможными проявлениями человека (например, когда гражданин отказывается покинуть транспортное средство и инспектор не имеет возможности наблюдать за его мимикой и пантомимикой) [6].

Важным условием эффективного использования методики профайлинга является выявление базовой линии поведения. Так как одним из важнейших условий является фиксация изменений в поведении гражданина, важно понимать, какие вербальные невербальные признаки он демонстрирует, не находясь в условиях стресса. Сотрудник Госавтоинспекции должны наблюдатель не только поведение человека после начала взаимодействия по поводу совершенного правонарушения, но и до начала разбирательства с целью установления особенностей его поведения. Реализация данного принципа имеет свои особенности. Например, инспектору будет непросто наблюдать и фиксировать признаки поведения гражданина до воздействия на него стресс-факторов, так как сам факт общения с сотрудником полиции может являться стрессом.

Стоит отметить высокую значимость профессиональной наблюдательности сотрудника Госавтоинспекции. Это качество обуславливает эффективность использование профайлинга и позволяет оперативно получать необходимые сведения. Что, в свою очередь, способствует своевременному выявлению и преодолению экстремальных ситуаций, спровоцированных гражданами [7].

Говоря о диагностике и выявлении лжи, необходимо отметить, что лгущий всегда будет желать избежать раскрытия своего обмана. То есть, водитель транспортного средства, который не предоставил преимущества пешеходу и которого остановил

инспектор ДПС, пытаясь избежать наказания, должен отслеживать реакцию сотрудника полиции на свои слова, придумывать новую реальность, сообщая ложные сведения, и держать в голове реальность истинную, сам факт его правонарушения. Такая нагрузка приведет к стрессовым реакциям, которые должен считать инспектор.

Таким образом, не сам факт лжи лежит в основе поведения лица, скрывающего рентную информацию, а страх разоблачения, вина перед социумом. Все это приводит к тому, что человек начинает реагировать на некомфортную для него ситуацию, приспосабливаться к ней всеми возможными способами (вербально, невербально). Поэтому, сотруднику Госавтоинспекции важно знать способы поведения человека в условиях стресса для выявления отклонения от нормального поведения и выявления факта обмана.

Сотрудники Госавтоинспекции с большим стажем являются интуитивными верификаторами. Их опыт общения с большим количеством людей позволяет составить условную ментальную «библиотеку» образов, типов, признаков поведения, и ориентироваться в сложившейся ситуации коммуникации. Но, накопленный опыт специалистов в области верификации, позволяет ускорить этот процесс и приобрести необходимые знания, базируясь на опыте чужих ошибок, что, безусловно, очень ценно.

Для успешной диагностики лжи необходимо понимать, какие признаки указывают на то, что человек говорит неправду. Для удобства и простоты выявления признаков обмана предлагаем использовать классификацию Е. Спирицы, который делит признаки обмана на утечки и информацию о наличии обмана. Утечки — маркеры, которыми лжец нечаянно выдает себя. Бывают разного вида: лингвистическими (случайно проговорился, что управляет транспортным средством без страховки), утечки глазами, утечки лицом, утечки телом. То есть, если сотрудник Госавтоинспекции увидел утечку, которая часто проявляется в рассогласовании тела и слов, то может сделать вывод о наличии обмана. В условиях выполнения оперативно-служебных задач подразделениями Госавтоинспекции часто бывает

важно именно зафиксировать факт обмана (на вопрос о том, перевозит ли человек запрещенные предметы или вещества, сигналом к повышению бдительности будет сам факт обмана водителем).

Информация о наличии обмана свидетельствует о том, что человек скрывает некоторую информацию. Специфика данного признака такова, что он не дает полного представления о том, что именно скрывает человек (при проверке документов сотрудник Госавтоинспекции может заметить изменения ритма дыхания, повышение потливости, побледнение лица — информацию о наличии обмана, что должно стать основанием для более тщательной проверки). Данные признаки лжи, которые включают такие показатели как паузы, моргания, изменения дыхания, потливость, бледность, изменения темпа речи, диссонанс жестов-иллюстраторов, наличие жестов-адаптеров и др., свидетельствуют о наличии стресса. Общеизвестно, что стресс — это неспецифическая (общая) реакция организма на воздействие, нарушающее его гомеостаз (сам факт остановки транспортного средства уже служит стрессором).

Неподготовленная ложь может проявляться в контролируемом барьере со стороны лгущего, то есть реакция «стой», которая характерна для человека, не успевшего адаптироваться к стрессу и заключающаяся в отказе предоставлять какие-либо сведения или комментарии («на каком основании вы меня остановили?»). Ложь контролируемая, реакция «бей» для человека, не реагирующего на некоторые стимулы, заключающаяся в предоставлении неполных, искаженных сведений («Товарищ инспектор, пешеход выбежал на дорогу внезапно, я его не видел»). И ложь творческо-фантазийная, реакция «беги», когда лгущий выстраивает тактический барьер путем трансляции заранее подготовленных легенд, выражений, тирад («Ну я же никого не убил, все успели пройти через дорогу»). Безусловно, выбор стратегии будет зависеть от специфики нервной системы человека, ведь кто-то быстрее адаптируется к стрессорам, а кому-то нужно больше времени. Правонарушители, которые обладают высокими адаптивными свойствами, могут демонстрировать несколько стратегий

параллельно, что усложняет работу инспектора Госавтоинспекции.

Заключение

Использование методики профайлинга может способствовать повышению эффективности деятельности сотрудников Госавтоинспекции. Она может быть полезна

в выявлении истинности или ложности предоставляемых инспектору сведений, прогнозировании дальнейшего поведения гражданина. Для этого необходимо придерживаться определенных принципов и владеть технологией выявления и интерпретации вербальных и невербальных признаков поведения гражданина.

Список источников

1. Мартыянова Л. М., Елизарова Ю. В. Лжец: отклонить. Москва : Концептуал, 2019. 204 с.
2. Селье Г. Стресс без дистресса : [перевод с английского] / Г. Селье ; общ. ред. Е. М. Крепса. Москва : Прогресс, 1982. 124 с.
3. Спирица Е. В. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца. Санкт-Петербург : Питер, 2016. 272 с.
4. Спирица Е. В. Вижу вас насквозь. Как «читать» людей. Санкт-Петербург : Питер, 2016. 192 с.
5. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. Санкт-Петербург : Питер, 2010.
6. Костина Л. Н., Перков А. А. Обучение профайлингу как фактор формирования профессиональной наблюдательности сотрудников Госавтоинспекции // Наука и практика. 2014. № 4 (61). С. 138–142.
7. Перков А. А. Особенности развития профессиональной наблюдательности сотрудников Госавтоинспекции // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 1 (57). С. 278–284.

References

1. Martianova L. M., Elizarova Yu. V. *Liar: reject*. Conceptual, 2019. (In Russ.)
2. Selye G., Kreps E. M. by ed. *Stress without distress*: [translated from Eng.] Moscow, Progress, 1982. (In Russ.)
3. Spiritsa E. V. *Psychology of lies and deception: how to expose a liar*. St. Petersburg: Peter, 2016. (In Russ.)
4. Spiritsa E. V. *I see through you. How to “read” people*. St. Petersburg: Peter, 2016. (In Russ.)
5. Ekman P. *Psychology of lies. Fool me if you can*. St. Petersburg: Peter, 2010. (In Russ.)
6. Kostina L. N., Perkov A. A. Profiling training as a factor in the formation of professional observation of traffic police officers. *Nauka i praktika* [Science and Practice]. 2014;(4):138-142. (In Russ.)
7. Perkov A. A. Features of the development of professional observation of traffic police officers. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 2021;(1):278-284. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перков Артем Александрович, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД РФ им. В. В. Лукьянова.

302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2.
artperk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6282-6404>

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Artem A. Perkov, teacher of Department of Criminal Law, Criminology and Psychology, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov.

2 Ignatova st., Orel 302027, Russia.
artperk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6282-6404>

Дата поступления статьи: 21.10.2021.

Дата рецензирования статьи: 27.10.2021.

Дата принятия статьи к опубликованию: 15.12.2021.

Научная статья
УДК 343.9

**Социальный риск и его взаимосвязь
с возрастом и уровнем образования
субъекта дорожно-транспортного преступления
(анализ криминальных показателей
дорожно-транспортных происшествий в России)**

Баранчикова Марина Вячеславовна

Орловский ЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, Орел, Россия

marina-baranchikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2707-9874>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социального риска в сфере дорожного движения, его состояние, динамика и тенденции в Российской Федерации, раскрываются социально-демографические признаки лиц, совершающих дорожно-транспортные происшествия и их связь с дорожно-транспортной аварийностью, виктимностью участников дорожного движения. На основе анализа российских статистических данных проведено сопоставление показателей, связанных с дорожно-транспортными преступлениями, влекущими гибель людей, с возрастом, полом и уровнем образования лиц, виновных в их совершении и их жертв.

Высказано предположение о том, что улучшение количественных и качественных особенностей дорожно-транспортных преступлений будет связано с учетом специфики характеристик в нем людского фактора.

Ключевые слова: социальный риск, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортный травматизм, нарушения правил дорожного движения, водители транспортных средств, дорожно-транспортные преступления, смертность в ДТП, аварийность, жертвы

Для цитирования: Баранчикова М. В. Социальный риск и его взаимосвязь с возрастом и уровнем образования субъекта дорожно-транспортного преступления (анализ криминальных показателей дорожно-транспортных происшествий в России) // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 336–343.

Scientific article

Social Risk and its Relationship with the Age and Level of Education of the Subject of a Traffic Crime (Analysis of Criminal Indicators of Road Accidents in Russia)

Marina V. Baranchikova

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
marina-baranchikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2707-9874>

Abstract. The article examines the features of social risk in the field of road traffic, its state, dynamics and trends in the Russian Federation, reveals the socio-demographic characteristics of persons who commit road traffic accidents and their connection with road traffic accidents, victimization of road users. Based on the analysis of Russian statistical data, the comparison of indicators related to road traffic crimes involving the death of people with the age, gender and level of education of the perpetrators and their victims was carried out.

It is suggested that improving the quantitative and qualitative features of traffic crimes will be associated with the specific characteristics of the human factor in it.

Keywords: social risk, road safety, traffic injuries, traffic violations, drivers of vehicles, traffic crimes, mortality in road accidents, accidents, victims

For citation: Baranchikova M. V. Social Risk and its Relationship with the Age and Level of Education of the Subject of a Traffic Crime (Analysis of Criminal Indicators of Road Accidents in Russia). *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 336-343. (In Russ.)

Введение

Современная уголовно-правовая охрана сферы обеспечения безопасности дорожного движения приобретает особенности, обусловленные как изменением ситуации в данной области в неблагоприятную сторону, так и модернизацией, повышением автоматизации процесса управления автотранспортом. Внедрение автономных транспортных средств на дорогах общего пользования призвано стабилизировать ситуацию в сфере дорожного движения, сохранить жизнь и здоровье его участников, снизить дорожно-транспортный травматизм. Однако это направление отдаленной перспективы, достижимое в ситуации, когда число беспилотных транспортных средств на дорогах станет более 50 % от числа всех автомобилей, что позволит снизить аварийность на 70 % [1]. Пока же основным объектом деятельности по снижению уровня и тяжести последствий в сфере дорожного движения остается человек, вовлеченный в нее как основной участник,

в том числе возможный виновный или потерпевший в дорожно-транспортном происшествии.

В многочисленных статистических сводках и исследованиях традиционно говорится о масштабности, высокой опасности и вредоносности последствий, причиняемых в результате нарушений правил дорожного движения водителями транспортных средств. Особенно трудно восполним, а часто и необратим ущерб, возникший при совершении их криминальных видов. Лишение жизни и причинение вреда здоровью наиболее трудоспособной категории российского населения сравнимое по масштабам с национальной трагедией может иметь долгосрочные последствия для социальной, экономической, демографической и иных значимых сфер общественной жизни. Это обуславливает важность снижения числа жертв дорожно-транспортных преступлений, обеспечения неотвратимости и соразмерности мер ответственности за причиняемые им последствия.

Стратегией безопасности дорожного движения на 2018–2024 гг. провозглашено стремление к числу не более четырех погибших на 100 тысяч населения к 2024 г. и нулевой смертности на дорогах — к 2030 г. Это обуславливает необходимость оценки современных характеристик социального риска и разработки мер его снижения как основополагающего направления в противодействии дорожно-транспортной аварийности. Установление зависимости уровня социального риска от возрастных, гендерных, образовательных характеристик участников дорожного движения позволит повысить его безопасность и минимизировать число погибших.

Описание исследования

Сегодня большинство аварий в России происходит из-за человеческого фактора, однако изучение участников дорожного движения с позиции уровня их предрасположенности быть виновниками дорожно-транспортных происшествий, в том числе со смертельными последствиями, характеризуется фрагментарностью и несистемностью, отсутствием ярко выраженной ориентации на их социально-демографические особенности. Между тем социальные риски тесно связаны с человеческим фактором, то есть спецификой и поведением участников дорожного движения.

Социальный риск, являясь относительным показателем, определяется как число лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 100 000 населения. Он связан с наиболее тяжкими последствиями дорожно-транспортных преступлений в виде смерти людей. Не случайно в российских федеральных целевых программах по повышению безопасности дорожного движения социальный риск обозначается как один из целевых индикаторов.

Согласно данным официальной статистики последние годы характеризовались снижением социального риска, в целом аварийности, объема и тяжести последствий в области дорожного движения. Однако уровень смертности от дорожных аварий в России все еще остается высоким по сравнению с зарубежными государствами и может нарастать по мере дальнейшей автомобилизации.

Если в 2017 г. социальный риск в России составлял 13 погибших на 100 000 населения, то в 2020 г. он снизился до 10,8. Цель федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» по сокращению смертности от ДТП к 2020 г. на 42,8 % по сравнению с 2012 г. была достигнута, причем на 13,98 % выше первоначальных плановых значений. В полном объеме был выполнен такой индикатор Программы, как число детей, погибших в ДТП¹.

Достижению показателя социально-го риска 10,8 в 2020 году, при его планируемом целевом значении 10,9 погибших на 100 000 населения способствовала и реализация проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги». Однако дальнейшие декларируемые позитивные изменения могли быть не достигнуты. Эксперты утверждали, что сократить смертность от дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) в 3,5 раза за следующие семь лет невозможно, поскольку ни одной стране в мировой истории это не удавалось в столь сжатые сроки [2].

Существенное ускорение динамики уменьшения социального риска ожидалось на период с 2022 по 2024 гг., но для достижения прогнозируемого значительного снижения количества погибших в ДТП были необходимы выработка и применение новых подходов к повышению безопасности дорожного движения [3, с. 313]. Осознание данного факта послужило основанием для смещения конечного года достижения показателя социального риска с 2024 на 2030 г. Целью действующих программных документов в сфере дорожного движения является поэтапное снижение социального риска к 2024 г. — до 8,4, а к 2030 г. — до 4.

Сегодня российские показатели криминальных дорожно-транспортных происшествий неблагоприятнее зарубежных аналогов [10; 11; 12; 13; 14]. Человеческий

¹ Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в европейском регионе ВОЗ 2019 // Европейское региональное бюро ВОЗ : [сайт]. URL: <https://www.euro.who.int/ru/publications/abstracts/european-regional-status-report-on-road-safety-2019> (дата обращения: 12.10.2021).

фактор, оставаясь преобладающим в механизме их совершения, по-прежнему оказывает крайне негативное влияние на уровень дорожно-транспортного травматизма и тяжесть его последствий.

Согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 74/229 период с 2021 по 2030 гг. провозглашен Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения, его целью является снижение смертности и травматизм в результате ДТП не менее, чем на 50%. В ней отмечается, что «дорожно-транспортные происшествия ежегодно являются причиной почти 1,3 миллиона предотвратимых смертей и приблизительно 50 млн травм, что делает их главной причиной смертности среди детей и молодых людей во всем мире¹. В докладе ВОЗ 2020 г. ДТП названы ведущей причиной смерти детей в возрасте от 5 до 14 лет.

В 2020 г. в России было зарегистрировано более 145 073 ДТП, где погибли 16 152 человека. При этом 13% из них представляли собой дорожно-транспортные преступления, а каждое девятое было со смертельным исходом. В период 2017–2020 гг. наблюдалось уменьшение числа преступлений против безопасности дорожного движения, квалифицируемых по ст. 264 УК РФ. Если в 2017 г. их было совершено 21 007 (–4,6%), то в 2018 – 20 144 (–4,1%), в 2019 – 19 618 (–2,6%), 2020 – 18 629 (–5%) [4]. Хотя их число имело тенденцию к снижению, каждое одиннадцатое ДТП в России приводило к смертельному исходу, а каждый шестой смертельный случай приходился на водителей, находящихся в состоянии опьянения, а таковым был каждый тринадцатый водитель.

В 2020 г. число осужденных по ст. 264 УК РФ составило 7698 человек, из которых 41% были осуждены по частям 3–6 ст. 264 УК РФ, предусматривающим последствия в виде смерти людей [5].

В России ежегодно жертвами ДТП становится наиболее социально-активная и трудоспособная часть населения страны, а также дети. В размещенной на сайте НИЦ БДД России² информации о показателях аварийности, отдельное внимание уделено распределению лиц, виновных и погибших в дорожно-транспортных происшествиях, по возрасту, гендерному признаку и уровню образования.

Согласно данным статистики, в 81% случаев виновными в дорожно-транспортных происшествиях являются мужчины. Тяжесть последствий совершенных по их вине деяний в 1,5 раза выше, чем у виновных женщин. В 2020 г. 91,4% осужденных за преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ, были лицами мужского пола.

Дифференциация осужденных по возрасту показала, что более склонными к совершению преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта по неосторожности оказались лица в возрасте до 24 и старше 50 лет. Аналитики объясняют это сравнительно небольшим опытом управления автомобилем у молодых людей, а также психофизиологическими особенностями людей пожилого возраста, оказывающих негативное влияние на активную безопасность водителя [5].

Официальные данные свидетельствуют об увеличении числа ДТП, совершенных лицами в возрасте до 15 лет. Их доля в 2020 г. увеличилась на 30,1%, а в возрасте от 16–17 лет – на 4,2%. К негативным тенденциям относился рост всех основных показателей аварийности по вине водителей моложе 20 лет. Количество совершенных по их вине ДТП возросло на 6,7%, погибших – на 11,1%, раненых – на 5,4%³. Значимую роль играло снижение среднего возраста водителей в целом и нарушителей в частности.

Высокий риск для участников дорожно-го движения исходил от водителей в возрасте 30–39 лет, ставших в 2020 г. виновниками

¹ Глобальный план Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2021–2030 гг. // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. <https://www.who.int/ru/publications/m/item/global-plan-for-the-decade-of-action-for-road-safety-2021-2030> (дата обращения: 12.10.2021).

² Научный центр безопасности дорожного движения. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> / (дата обращения: 12.11.2021).

³ Глобальный план Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2021–2030 гг.

почти каждого четвертого ДТП (24,4%), где наблюдалось наибольшее число погибших (21,7%) и раненых (25,6%). При этом имел место рост погибших на 0,8% в ДТП, совершенных водителями в возрасте от 35 до 39 лет.

Наибольшая тяжесть последствий (9,7) была характерна для водителей старше 80 лет. На 31,8% возросло число погибших по вине лиц в возрасте 70–74 года. На основании этого очевиден вывод о том, что, что тяжесть последствий дорожно-транспортных преступлений возрастает одновременно с увеличением возраста водителей автотранспорта. В этой связи не лишены оснований выгледят предложения об установлении предельного возраста лиц, дающего право на управление автотранспортом.

Между тем распространенным на протяжении многих лет считается возраст водителей-нарушителей от 18 до 24 лет. Совершение по их вине значительного объема дорожно-транспортных происшествий связано с небольшим опытом вождения транспортных средств, который сочетается с завышенной оценкой своих возможностей, склонностью к лихачеству, частому употреблению спиртных напитков, низким уровнем развития и т. д.

В возрастной группе молодежного и зрелого возраста находится наибольшее число водителей, явившихся субъектами агрессивного вождения, среди которых 70% составляют лица мужского пола [6, с. 35]

Спецификой социального статуса и уровня образования характеризовались субъекты дорожно-транспортных преступлений. В прошедшем году преобладающую часть среди осужденных по ст. 264 УК РФ составили трудоспособные лица, не имеющие постоянного источника дохода, доля которых была 38,9%, а также рабочие — 35,5%.

Показатели дорожно-транспортной аварийности демонстрируют преобладание виновных лиц со средним профессиональным образованием, доля которых в 2020 г. составила 42,8%. При этом среди осужденных за преступные нарушения правил дорожного движения лица, имеющие среднее профессиональное образование, составили 39%. В свою очередь лица со средним

образованием были признаны виновными в 29,2% дорожно-транспортных происшествий, а 20,3% происшествий произошло по вине тех, кто имел высшее образование. Наименьшая доля ДТП прихлась на лиц, не имеющих или не получивших образование, составив 0,1%, а также лиц, имеющих ученую степень — 0,02%.

В дорожно-транспортных происшествиях прослеживалась ярко выраженная зависимость между тяжестью последствий дорожных аварий и уровнем образования их виновников. Так, тяжесть последствий в ДТП, совершенных по вине лиц со средним или средним профессиональным образованием выше, чем у участников с более высоким уровнем образования. Наиболее высокая тяжесть последствий (11,1) наблюдалась в ДТП по вине лиц, не имеющих или не получивших образование. Она составила у лиц со средним образованием — 9,5, средним профессиональным — 8,4, высшим образованием — 5,3, а у лиц, имеющих ученую степень — 2,4.

Наибольший социальный риск наблюдался в дорожно-транспортных преступлениях, совершенных по вине участников, имеющих среднее (22,2) и среднее профессиональное (12,9) образование, а наименьшее — по вине лиц, имеющих ученую степень (0,1).

От уровня образования участника дорожного движения зависит не только вероятность стать виновником, но и быть жертвой ДТП [7]. Наиболее высокий показатель социального риска, составляющий 32,9 характерен группе погибших, имеющих среднее образование. Показатели социального риска других групп ниже в 1,5 и более раза. Его наименьшее значение наблюдалось у лиц, имеющих ученую степень, где показатель социального риска был меньше в 41 раз и составил 0,8 [4].

Анализ гендерных характеристик погибших показал, что чаще ими становились мужчины в возрасте 30–34 лет. Риск смерти в результате автотранспортных преступлений для мужчин составил 74% погибших. Однако у женщин-водителей больше шансов получить травмы при аварии.

В разделе Глобальной программы по обеспечению безопасности дорожного

движения, посвященном учету гендерной проблематики в процессе транспортно-го планирования, указано, что, «несмотря на то, что женщины более уязвимы в случае аварии, у них гораздо меньше шансов погибнуть в результате ДТП, чем у мужчин. Обычно они гибнут, будучи пешеходами и пассажирами. Мужчины-водители автомобилей и мотоциклов повергаются в 2–4 раза более высокому риску в расчете на километр, чем женщины. Однако у женщин риск получения серьезных травм в результате ДТП на 47 % выше, чем у мужчин. Анатомические гендерные различия могут быть причиной более высокого травматизма среди женщин»¹.

В 2020 г. повышенную виктимность демонстрировали лица в возрасте от 15 до 29 лет, из числа погибших ими становился каждый пятый (24 %). Однако на вероятность становления жертвой дорожных аварий влияет не только вид участника дорожного движения, но и его сочетание с возрастом. В 2020 г. каждый четвертый погибший являлся пешеходом, 11 % составляли мотоциклисты, 5 % — велосипедисты. Возрастные коэффициенты смертности пешеходов росли с увеличением возраста, достигая максимума в старших возрастах, особенно после 75 лет. В свою очередь возрастной профиль смертности у водителей и пассажиров имел высокий показатель в возрасте с 15 до 25 лет, достигает пика в 25–29 лет. Однако данные особенности не находят отражения в стратегиях безопасности дорожного движения в качестве приоритетных направлений. Единственным возрастным индикатором смертности является ее оценка применительно к детскому дорожно-транспортному травматизму.

На определении уровня виктимности участника дорожно-транспортного преступления основывается эффективность деятельности по минимизации виктимологических рисков в сфере дорожного движения [8]. И хотя возраст, пол, образование и род занятий участников дорожного движения сложно скорректировать с целью

повышения их безопасности, важно эффективно реализовать программы, которые применяются в данном направлении на международном и национальных уровнях.

Сегодня для анализа национальной динамики состояния безопасности дорожного движения показатель социального риска не всегда оказывается продуктивен. В России, где население практически стабильно, кривая социальных рисков в точности воспроизводит кривую абсолютных показателей смертности в ДТП. Справедливо мнение, что более информативный показатель — количество погибших в расчете на единицу суммарного пробега автомобильного парка [9, с. 19]. В аналитических сводках МВД России наряду с социальным риском, активно используются показатели транспортного и дорожного рисков, характеризующие число лиц, погибших в ДТП, соответственно на 10 тысяч транспортных средств и на 100 км протяженности дорог.

Цели в области устойчивого развития на период до 2030 года, а также 12 глобальных целевых показателей в области обеспечения безопасности дорожного движения включают активное принятие мер по 50 % сокращению дорожно-транспортной смертности². Одним из направлений достижения поставленных целей может стать воздействие на участников дорожного движения с учетом опасности и уязвимости связанных с ними факторов.

Заключение

Особенности участников дорожного движения, связанные с их половозрастной, образовательной спецификой, имеют важное значение для оценки социальных рисков в дорожно-транспортной сфере, а также их общественной опасности и потенциальной виктимности, могут быть использованы для прогнозирования дорожно-транспортного травматизма.

В связи с тем, что участники дорожного движения в разных возрастных группах подвержены разным рискам смерти, то приоритеты в формировании политики в области безопасности дорожного

¹ Глобальный план Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2021–2030 гг.

² Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в европейском регионе ВОЗ 2019.

движения должны быть расставлены с учетом этих особенностей.

В настоящее время определяющей целью снижения аварийности на дорогах остается воздействие на участников дорожного движения с учетом

их социально-демографических, ролевых особенностей. Представляется, что улучшение количественных и качественных особенностей дорожно-транспортных преступлений будет связано с учетом специфики характеристик в нем людского фактора.

Список источников

1. Ищенко Е. П. Смертельно опасная триада, или все о дорожной безопасности. Москва, Проспект. 2021. 368 с.
2. Пьянкова А. И., Фаттахов Т. А. Смертность от дорожно-транспортных происшествий в России: подходы к оценке, тенденции и перспективы // Демографическое обозрение. 2019. № 3. С. 58–84.
3. Миронов В. Л. Социальный риск как один из показателей безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2019. № 1 (2). С. 311–315.
4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 год. Информационно-аналитический обзор. Москва : НЦ БДД МВД России, 2021. 79 с.
5. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году. Информационно-аналитический обзор. Москва : НЦ БДД МВД России, 2021. 75 с.
6. Кузнецова И. И. Личностные особенности водителей, демонстрирующих опасный стиль вождения, приводящий к дорожно-транспортным происшествиям // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 34–38.
7. Майоров А. В., Царакова А. П. Виктимологические аспекты дорожно-транспортных происшествий : монография. Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2009. 181 с.
8. Кашкарова Н. А. О необходимости активизации проведения виктимологических исследований дорожно-транспортной преступности в современных условиях // Виктимология. 2017. № 3 (13). С. 70–73.
9. Блинкин М. Я., Решетова Е. М. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институты. Москва : 2013. 240 с.
10. Bekar E. Injury and death offences in traffic accidents caused by criminal negligence // Journal of penal law and criminology-Ceza hukuku ve kriminoloji dergisi. 2016. Vol. 4, No. 1. P. 105–117.
11. Cabrera-Arnau C., Prieto Curiel R., Bishop S. R. Uncovering the behaviour of road accidents in urban areas // Royal Society Open Science. 2020. Vol. 7. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsos.191739> (дата обращения: 29.10.2021).
12. Erdogan S. Explorative spatial analysis of traffic accident statistics and road mortality among the provinces of Turkey // Journal of safety research. 2009. Vol. 40. No 5. P. 341–351. DOI: 10.1016/j.jsr.2009.07.006
13. Hayakawa H., Fischbeck P. S., Fischhoff B. Traffic accident statistics and risk perceptions in Japan and the United States // Accident; analysis and prevention. 2000. Vol. 32. No 6. P. 827–835. DOI: 10.1016/S0001-4575(00)00007-5
14. Risk factors for extremely serious road accidents: Results from national Road Accident Statistical Annual Report of China / Liu G. [et al.]. // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. No 8. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0201587>

References

1. Ishchenko E. P. *Deadly triad, or all about road safety*. Moscow, Prospect. 2021. (In Russ.)
2. Pyankova A. I., Fattakhov T. A. Mortality from road traffic accidents in Russia: approaches to assessment, trends and prospects. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. 2019;(3):58–84. (In Russ.)

3. Mironov V.L. Social risk as one of the indicators of road safety. *Upravlenie deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya* [Management of activities to ensure road safety: state, problems, ways of improvement]. 2019;(1):311-315. (In Russ.)
4. *Road traffic accidents in the Russian Federation for 2020. Informational and analytical review*. Moscow, 2021. (In Russ.)
5. *Law enforcement activities in the field of road safety in 2020. Informational and analytical review*. Moscow, 2021. (In Russ.)
6. Kuznetsova I.I. Personal characteristics of drivers demonstrating a dangerous driving style that leads to road accidents. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov]. 2020;(3):34-38. (In Russ.)
7. Mayorov A. V., Tsarakova A. P. *Victimological aspects of road accidents: monograph*. Chelyabinsk, 2009. (In Russ.)
8. Kashkarova N.A. On the need to intensify victimological studies of road traffic crime in modern conditions. *Viktimologiya* [Victimology]. 2017;(3):70-73. (In Russ.)
9. Blinkin M. Ya., Reshetova E. M. *Road safety: background, international experience, basic institutions*. Moscow, 2013. (In Russ.)
10. Bekar E. Injury and death offences in traffic accidents caused by criminal negligence. *Journal of penal law and criminology-Ceza hukuku ve kriminoloji dergisi*. 2016;4(1):105-117.
11. Cabrera-Arnau C., Prieto Curiel R., Bishop S. R. Uncovering the behaviour of road accidents in urban areas. *Royal Society Open Science*, 2020;7. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsos.191739> (accessed 29.10.2021).
12. Erdogan S. Explorative spatial analysis of traffic accident statistics and road mortality among the provinces of Turkey. *Journal of safety research*. 2009;40(5):341-51. doi: 10.1016/j.jsr.2009.07.006
13. Hayakawa H., Fischbeck P. S., Fischhoff B. Traffic accident statistics and risk perceptions in Japan and the United States. *Accident; analysis and prevention*. 2000;32(6):827-835. doi: 10.1016/s0001-4575(00)00007-5
14. Liu G., Chen S., Zeng Z., Cui H., Fang Y., Gu D., Yin Z., Wang Z. Risk factors for extremely serious road accidents: Results from national Road Accident Statistical Annual Report of China. *PLoS ONE*. 2018;13(8):e0201587. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0201587>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранчикова Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова.

302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2.
marina-baranchikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2707-9874>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Baranchikova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Psychology, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov.

2 Ignatova st., Orel 302027, Russia.
marina-baranchikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2707-9874>

Дата поступления статьи / Received: 05.11.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.11.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 13.12.2021.

Особенности установления признаков и свойств потерпевшего в процессе квалификации краж по российскому законодательству

Дмитрий Юрьевич Кузнецов

*Орловский ЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
demetrio.k@yandex.ru, SPIN-код: 9930-9815, Author ID: 1111713*

Аннотация. Статья посвящена важной для современной юридической науки и правоприменительной практики проблеме установления отдельных признаков и свойств потерпевшего от тайных хищений имущества. На сегодняшний день кражи, совершаемые с незаконным проникновением в различные объекты с ограниченным правом доступа, являются одними из наиболее часто совершаемых преступлений. При этом в практике следственных органов квалификация действий виновного зачастую ставится в зависимость от ряда признаков потерпевшего, которые, как правило, не имеют объективного подтверждения и устанавливаются со слов. В этой связи соответствующие законодательные нормы, устанавливающие ответственность за квалифицированные виды кражи, не только не решают проблему, но вовсе порождают неоднозначные подходы к правоприменению ввиду абстрактности и неоднозначности ряда важных правовых категорий и дефиниций. Опираясь на практический опыт, автор рассматривает проблему как в теоретико-правовом, так и прикладном аспектах, предлагая отдельные подходы к установлению и учету юридически значимых свойств потерпевшего в процессе квалификации краж.

Ключевые слова: потерпевший, кража, жилище, нежилое помещение, незаконное проникновение, значительный ущерб

Для цитирования: Кузнецов Д. Ю. Особенности установления признаков и свойств потерпевшего в процессе квалификации краж по российскому законодательству // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 344–350.

Scientific article

Peculiarities of Establishing the Features and Properties of the Victim in the Process of Qualification of theft under Russian Law

Dmitry Yu. Kuznetsov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia, demetrio.k@yandex.ru, SPIN-код: 9930-9815, Author ID: 1111713

Abstract. The article is devoted to the problem of establishing individual signs and properties of the victim of secret theft of property, which is important for modern legal science and law enforcement practice. To date, thefts committed with illegal penetration into various objects with restricted access rights are among the most frequently committed crimes. At the same time, in the practice of investigative bodies, the qualification of the actions of the culprit is often made dependent on a number of signs of the victim, which, as a rule, do not have objective confirmation and are established from words. In this regard, the relevant legislative norms establishing liability for qualified types of theft not only do not solve the problem, but even generate ambiguous approaches to legal application due to the abstractness and ambiguity of a number of important legal categories and definitions. Based on practical experience, the author considers the problem in both theoretical and legal and applied aspects, offering separate approaches to the establishment and accounting of legally significant properties of the person who suffered in the process of qualifying thefts.

Keywords: victim, theft, dwelling, non-residential premises, illegal entry, significant damage
For citation: Kuznetsov D. Yu. Peculiarities of Establishing the Features and Properties of the Victim in the Process of Qualification of theft under Russian Law. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 344-350. (In Russ.)

Введение

Кража традиционно рассматривается как наиболее часто совершаемое преступление. Обилие накопленной судебной практики, ее постоянное обобщение и анализ на научном уровне свидетельствуют о значительном внимании к проблемам квалификации данного преступления, разграничения со смежными составами, а также расследования соответствующих уголовных дел со стороны законодателя и правоприменителей всех уровней.

Будучи имущественным преступлением, кража может посягать не только на отношения собственности, но и затрагивать иные интересы потерпевших [1], что требует единообразных подходов к оценке дополнительных объектов ее воздействия.

Постановка проблемы

Совершение тайного хищения чужого имущества всегда влечет столкновение

интересов потерпевшего, который заинтересован в наиболее полном восстановлении нарушенных имущественных прав, с одной стороны, и виновного лица, которое заинтересовано в минимизации уголовно-правовых последствий содеянного, с другой. Объективная задача для правопорядка в данном случае заключается в применении такого подхода, который позволит в процессе уголовного судопроизводства учесть все интересы заинтересованных лиц, восстановить права потерпевшего и, наконец, назначить виновному справедливое наказание.

Как следует из положений статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, уголовные дела о краже относятся к делам публичного обвинения. С учетом этого, представляется, что уже в силу одного этого обстоятельства потерпевшая сторона призвана оказывать минимальное влияние на процесс квалификации

действий совершившего тайное хищение чужого имущества лица и его последующее уголовное преследование.

Однако анализ правоприменительной практики по ряду квалифицированных составов кражи показывает, что зачастую именно от субъективной позиции потерпевшего, то есть жертвы преступления, во многом зависит возможность вменения виновному лицу ряда квалифицирующих признаков.

Вместе с тем, важно отметить, что и учет позиции потерпевшего от кражи имеет принципиальное значение, поскольку неразрывно связан с важнейшими с процессуальной и криминологической точек зрения вопросами обеспечения прав и восстановления правового положения лиц, которыми преступлением причинен соответствующий вред.

Описание проводимого исследования

Значительные сложности в процессе квалификации традиционно вызывают тайные хищения чужого имущества, совершенные с незаконным проникновением в жилище. Между тем, практика расследования уголовных дел о данных преступлениях показывает, что возможность вменения виновному лицу отмеченного квалифицирующего признака зачастую находится в прямой зависимости от позиции и юридически значимых действий потерпевшего.

Данная проблема коренится в размытой формулировке понятия жилища, которое содержится в законе. Так, в соответствии с легальным определением, которое содержится в примечании к статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), жилищем может быть признано, в принципе, любое помещение, которое пригодно для временного проживания.

Подобный законодательный подход, к сожалению, не может быть признан удачным. Так, А. В. Верещагина справедливо называет легальное определение понятия жилища «гуттаперчевым» [2, с. 111–112]. Подобная размытость, по мнению автора, способна привести к неверной квалификации действий виновного (занижению либо завышению степени общественной

опасности содеянного), а также нарушить единообразие судебной практики по уголовным делам данной категории.

Опыт работы автора настоящей статьи в следственных органах показывает, что зачастую вопрос об отнесении помещения к жилому разрешается по воле потерпевшего, что не вполне справедливо.

К сожалению, правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации относительно спорных вопросов квалификации кражи¹, несмотря на то, что она регулярно дополняется и актуализируется, не учитывает всех проблем в установлении признаков совершенного преступления, которые регулярно возникают на практике. В частности, это касается возможности отнесения места совершения хищения к жилищу либо нежилому помещению. Такое положение дел делает саму трактовку уголовно-правового понятия жилища оценочным суждением правоприменителя и порождает разные подходы в правоприменительной практике.

С одной стороны следует признать однозначно справедливым законодательный подход, связанный с использованием категории «жилище» вместо более узкого — «жилое помещение». В данном случае следует согласиться с мнением исследователя С. А. Кузнецова, который отмечает, что «применение законодателем более широкого термина позволяет квалифицировать как «квартирную» кражу, совершенную с незаконным проникновением в такие объекты как чум, цыганская кибитка, шалаш и прочие, которые фактически на момент совершения преступления обнаруживают признаки жилища в соответствии с уголовным законом» [4, с. 60].

Однако на практике нередко встречаются ситуации, когда отнесение объекта к жилищу вызывает значительные трудности. К таким примерам можно отнести кражу, совершенную с незаконным проникновением в дачный дом. Подобные объекты зачастую не характеризуются признаками жилого помещения и не зарегистрированы

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

соответствующим образом. Кроме того, даже подробный осмотр места происшествия иногда не позволяет сделать однозначный вывод о том, является ли такой дом жилищем.

Обобщая собственный следственный правоприменительный опыт, с одной стороны, следует отметить, что, если подобное хищение происходит в летний период, то содеянное неизбежно квалифицируется по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, то есть как «квартирная» кража. Подобный подход однозначно согласуется с легальным определением жилища. Кроме того, дачные дома в летний период обычно используются собственниками как раз для временного проживания: люди в них отдыхают, принимают пищу, нередко ночуют и т. д. Но, с другой стороны, если подобное хищение совершается в зимний период, то квалификация содеянного не представляется однозначной.

На практике для того, чтобы квалифицировать такое хищение как квартирную кражу зачастую достаточно всего лишь «правильно» допросить потерпевшего, отразив в процессуальных документах, что в период совершения кражи он периодически проживал в доме либо иногда там присутствовал [3]. Подобное является закономерным следствием размытой законодательной формулировке о пригодности помещения для временного проживания. Хотя, вопрос об уголовно-правовом статусе помещения должен быть гораздо сложнее, чем просто учет позиции потерпевшего, который, как правило, заинтересован в завышении квалификации преступления. Кроме того, в завышении квалификации содеянного будут заинтересованы и оперативные службы, если будет установлено и изблечено лицо, совершившее преступление. Так, правоприменение постепенно пришло к порочной тенденции, при которой одно и то же преступление квалифицируется как «квартирная» кража, если установлено лицо его совершившее, и, как кража с незаконным проникновением в помещение, не являющееся жилищем, если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

Важность же проблемы состоит в том, что указанные составы отличаются по категориям. Кража с незаконным проникновением в жилище является тяжким

преступлением и, в отличие от хищения из не являющегося жилищем помещения, не допускает многих правовых льгот для виновного лица, прежде всего, примирения с потерпевшим. Поэтому методологическая верность квалификации в данном случае является, своего рода, гарантией того, что лицо не будет необоснованно осуждено за тяжкое преступление только на основании позиции потерпевшей стороны и усмотрения правоприменителя.

Думается, что об однозначном отношении объекта к жилищу даже в холодное время года свидетельствует его фактическое использования для проживания. На это могут указывать обнаруженные и тщательно зафиксированные в протоколе осмотра места происшествия основные жилищно-бытовые коммуникации, необходимые для более или менее комфортного проживания, такие как, электропроводка, сети водоснабжения и газоотведения, а также предметы мебели, в том числе оборудованные спальные места, личные вещи проживающих и прочие элементы быта.

Иными словами, жилище должно фактически стать таковым, чтобы кража из него квалифицировалась соответствующим образом. При этом, как уже было отмечено, такой подход прямо не установлен ни уголовным законодательством, ни какими-либо обобщениями практики его применения, в том числе, документами Верховного Суда. Нормативная неурегулированность и нерешенность данного вопроса необоснованно расширяет сферу усмотрения правоприменителя и допускает возможность принципиально разного подхода к типовым ситуациям. Кроме того, гипотетически возможна и ситуация, когда в одном случае виновный достигнет определенного соглашения с потерпевшим, в результате чего последний укажет, что на момент совершения кражи в помещении не проживал. Тогда виновный понесет ответственность по менее тяжелой норме, тогда как в отсутствие подобного соглашения с потерпевшим он, в конечном счете, будет осужден за тяжкое преступление.

Представляется, что отменная проблема является весьма актуальной в сфере правоприменения, но, в то же время,

недостаточно изученной в теории, в силу чего, возможно, не привлекает к себе должного внимания законодателя.

Вместе с тем, при рассмотрении вопросов установления признаков и свойств потерпевших от тайных хищений имущества нельзя не коснуться также другой важной проблемы. Речь идет об оценочной категории причинения значительного вреда законному владельцу похищенного имущества. Действующее законодательство в нормах статьи 158 УК РФ содержит указание на то, что юридически значимый факт причинения значительного ущерба определяется с учетом имущественного положения потерпевшего. Подобная норма при всей своей разумности и ориентировании в сторону обеспечения справедливости, рождает новую возможность злоупотребления правом.

В настоящее время ни на законодательном уровне, ни на уровне правоприменения до конца не решен вопрос, о том, каким обстоятельствам должен отдаваться приоритет при установлении факта причинения потерпевшему значительного имущественного ущерба: неким объективным данным, собранным в ходе проверки сообщения о преступлении и осуществления предварительного расследования, либо позиции потерпевшего.

В первом случае возникает справедливый вопрос о том, какие сведения об имущественном положении потерпевшего следует призвать объективными и могущими быть положенными в основу юридической квалификации совершенного противоправного деяния. Как известно, любой следователь, расследующий уголовное дело о краже, принимает определенные меры по установлению имущественного положения как лица, совершившего преступление, так и потерпевшего. Однако часто на практике возникает ситуация, когда потерпевший в своих показаниях указывает, что причиненный ему имущественный ущерб является для него значительным, несмотря на наличие объективно установленного факта владения им объектами недвижимого имущества, крупными денежными средствами и иными ценностями. Иными словами, непонятно, чему следует отдавать приоритет — мнению

правоприменителя, основанному на анализе имущественных фондов потерпевшего, либо же мнению самого потерпевшего. Кроме того, данная проблема обнаруживает, помимо прочего, и этический аспект — насколько возможно оценивать имущественное положение потерпевшего в тех же пределах и на тех же основаниях, что и виновного лица; и насколько справедливо делать какие-либо выводы, не учитывая мнение самого потерпевшего.

Во втором случае, если при установлении факта причинения потерпевшему значительного имущественного ущерба делать акцент на субъективном мнении самого потерпевшего, то правоприменитель частично разрешает отмеченную выше проблему. Действительно, «сухой» сбор следователем характеризующего материала в установление имущественного положения потерпевшего не учитывает многих обязательств, которые тот исполняет. Так, даже внешне состоятельный потерпевший может содержать на иждивении нетрудоспособных членов семьи, выплачивать кредиты и нести иные обязанности. В таком случае уровень значительности причиняемого ему преступлением имущественного ущерба существенно снижается. Однако, с другой стороны, подобный подход порождает новую проблему — возможность потерпевшего злоупотребить своим правовым положением и максимизировать степень причиненного ему вреда, а, следовательно, искусственно повысить степень общественной опасности содеянного, что, в конечном итоге, приведет к завышению квалификации содеянного и необоснованного вменения лицу, совершившему преступление, квалифицированного состава кражи.

Результат исследования

Отмеченные особенности установления свойств и признаков потерпевшего в процессе квалификации краж, очевидно, являются следствием недостаточного законодательного урегулирования проблемы, существенно и, в ряде случаев, необоснованно расширяющего сферу усмотрения правоприменителя.

В этой связи, думается, что начинать в решении обозначенной проблемы следует

с некоторого пересмотра таких законодательных категорий и терминов, как «жилище» и «значительный имущественный ущерб». Данные правовые категории относятся к весьма часто применяемым на практике квалифицирующим признакам кражи. Их присутствие в составе преступления существенно повышает степень общественной опасности содеянного, а потому установление данных признаков не может ставиться в зависимость от установления признаков и свойств потерпевшего. Необходимо однозначное строго интерпретируемое легальное определение указанных категорий, дабы правоприменительная практика могла выработать единый подход в применении соответствующих уголовно-правовых норм, соблюдая баланс между

субъективными интересами потерпевшего и объективно установленными признаками.

Заключение

Методологически верный подход к квалификации краж, основанный на однозначно интерпретируемых непротиворечивых законодательных нормах и устойчивой единообразной практики их применения, способен повысить эффективность механизма реализации уголовной ответственности и обеспечить учет прав и законных интересов потерпевших при строгом соблюдении баланса с полным и справедливым вменением виновным в преступлении лицам квалифицирующих признаков, соответствующих фактическим и объективным обстоятельствам.

Список источников

1. Баранчикова М. В. Имущественные преступления : учебное пособие. Орел, 2008. 44 с.
2. Верещагина А. В. Место совершения преступления (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ): некоторые аспекты криминологической и уголовно-правовой характеристик // Уголовное право. 2016. № 5. С. 109–112.
3. Кузнецов Д. Ю. Вопросы разграничения «квартирной» кражи и кражи, совершенной с незаконным проникновением в помещение // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2020. № 1. С. 27–32.
4. Кузнецов С. А. К вопросу о понятии жилища, жилого помещения, помещения, хранилища для целей УК РФ (в контексте норм конституционного и жилищного права) // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 59–61.

References

1. Baranchikova M. V. *Property crimes*: a textbook. Orel, 2008. (In Russ.)
2. Vereshchagina A. V. The crime scene (item “a” of part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation): some aspects of criminological and criminal law characteristics. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2016;(5):109-112. (In Russ.)
3. Kuznetsov D. Yu. Issues of differentiation of “apartment” theft and theft committed with illegal entry into the premises. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova]. 2020;(1):27-32. (In Russ.)
4. Kuznetsov S. A. On the question of the concept of housing, living quarters, premises, storage for the purposes of the Criminal Code of the Russian Federation (in the context of the norms of constitutional and housing law). *Rossiyskaya yusticiya* [Russian Justice]. 2017;(5):59-61. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Дмитрий Юрьевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова.

302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

demetrio.k@yandex.ru

SPIN-код: 9930-9815, Author ID: 1111713

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitry Yu. Kuznetsov, Candidate of Law Sciences, lecturer, Department of Criminal Law, Criminology and Psychology, V. V. Luki-anov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

2 Ignatova st., Orel 302027, Russia.

demetrio.k@yandex.ru

SPIN-код: 9930-9815, Author ID: 1111713

Дата поступления статьи / Received: 05.11.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.11.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 13.12.2021.

Фетальные преступления

Иван Яковлевич Козаченко¹, Данил Назипович Сергеев²

^{1,2}Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

¹uglaw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5641-7812>

²dnse@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4870-8425>

Аннотация. В статье рассматривается фетальное преступление — деяние, совершаемое в отношении зачатого, но еще не родившегося ребенка. Рассматриваются вопросы разграничения отдельных понятий, в том числе «концептус», «эмбрион», «плод», «неродившийся ребенок». Анализируется действующее российское уголовное законодательство и зарубежный опыт (Германия, Польша, США) построения моделей защиты зачатых, но не родившихся детей. Предлагается приравнять правовую защиту плода, способного к самостоятельному развитию вне организма матери, к защите жизни человека. Во всех иных случаях деяния в отношении неродившихся детей следует рассматривать как посяательства на конституционные права родителей. Авторы предлагают ввести несколько составов преступлений в отношении эмбрионов (концептусов), в частности: (1) похищение криоконсервированного человеческого эмбриона, предназначенного для переноса в организм матери; (2) умышленное уничтожение криоконсервированного человеческого эмбриона, предназначенного для переноса в организм матери; (3) умышленная подмена человеческого эмбриона при его переносе в организм матери; (4) нарушение правил подготовки, хранения, транспортировки и разморозки криоконсервированных человеческих эмбрионов, предназначенных для переноса в организм матери, повлекшее по неосторожности гибель эмбриона.

Ключевые слова: криминализация; объект уголовно-правовой охраны; потерпевший; эмбрион; плод

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 18-29-14028 «Проект криминализации деяний в сфере исследования генома человека и других организмов».

Для цитирования: Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Фетальные преступления // Викимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 351–361.

Scientific article

Fetal Crimes

Ivan Ya. Kozachenko¹, Danil N. Sergeev²

^{1,2}Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia

¹uglaw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5641-7812>

²dnse@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4870-8425>

Abstract. The article devoted to the fetal crime, an act committed against a child who is conceived but not yet born. The authors consider issues of differentiation of separate concepts, including “conceptus”, “embryo”, “fetus”, “unborn child”. The authors analyze the current Russian criminal legislation and foreign experience (Germany, Poland, USA) in creating protection models of conceived but unborn children. The authors propose to equate the legal protection of fetuses capable of independent development outside the mother’s body with the protection of human life. In all other cases, actions against unborn children should be regarded as violations of the constitutional rights of the parents. The authors suggest to introduce several offences in relation to embryos (conceptus), in particular: (1) the theft of a cryopreserved human embryo intended for transfer to the mother’s body; (2) the intentional destruction of a cryopreserved human embryo intended for transfer to the mother’s body; (3) the intentional substitution of a human embryo during its transfer to the mother’s body; (4) violation of the rules of preparation, storage, transportation and thawing of cryopreserved human embryos intended for transfer to the mother’s body, resulting in the negligent death of the embryo.

Keywords: criminalization; object of criminal law protection; victim; embryo; fetus

Funding: The research has been funded by the Russian Foundation for Basic Research within Grant No. 18-29-14028 “A Project of Criminalizing Acts in Researching the Human Genome and Other Organisms”.

For citation: Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. Fetal Crimes. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 351-361. (In Russ.)

Введение

Процесс воспроизводства человека насыщен богатым проявлением свойств, его составляющих, и трудной предсказуемостью результатов, которые могут наступить. В свою очередь эти результаты вовсе не есть нечто завершенное и застывшее надолго, а тем более, навсегда. Известно, что только в движении возможна жизнь, только в нем процесс воспроизводства человека может способствовать органичному и непрерывному переходу живого существа от одного состояния к другому. Своеобразие воспроизводства человеческого организма характеризуется целым рядом специфических социально-биологических черт.

Во-первых, процесс воспроизводства человека предопределен природой. Сама природа есть бесконечное превращение одной формы жизни в другую. Причем постоянность превращений не означает наслоение

одного явления на другое, не есть хаотическое взаимодействие одного с другим. В кажущемся хаосе, царящем в природном естестве, проявляет себя неумолимый переход одного качественного состояния соответствующего элемента (процесса) воспроизводства в другое.

Во-вторых, любое, даже внешне безобидное вмешательство человека в этот процесс чревато непредсказуемостью природного вектора последующего развития событий. Человек, несмотря на научно-технологическое превосходство перед другими животными, все же еще не способен в полной мере управлять природным процессом, отдавая себе полный отчет о возможных последствиях его воздействия.

В-третьих, даже исключительно выведенные манипуляции с живыми зарождающимися организмами, в конечном счете, могут привести к нежелательным, а тем более

опасным последствиям для других и даже неопределенного числа лиц, которые могут оказаться пострадавшими не по своей воле.

В-четвертых, вряд ли можно исключать проявление преступного характера с целью извлечения из этого процесса материальной выгоды, что создает (не исключает) возможность манипуляций с экспериментальным материалом и поставить их на промышленный (экономический) теневой поток. Не исчезли и примитивные формы посягательств на неродившегося человека (которые приводят к его увечью или гибели).

В-пятых, сегодня специалисты различных научных и научно-практических направлений прилагают усилия к поиску достаточно сложного ответа на, казалось бы, простой вопрос — неродившийся ребенок — это *что* или он — это *кто*? Если он — это *что*, то нужно охранять природу, так как он в таком случае есть ее физическая субстанция. А, если же он — это *кто*, то следует охранять, в том числе и уголовно-правовыми средствами, человека на всех стадиях его развития, так как неродившийся ребенок в этом смысле есть, помимо всего сказанного, развивающееся живое существо.

Однако прежде чем вести разговор о последствиях внешнего вмешательства в размеренный ход событий природного характера, имеет смысл обозначить требуемые для этого понятия. Нам представляется не всегда уместным использование словосочетания «неродившийся ребенок». В зарубежной литературе и в законодательстве оно между тем активно употребляется¹. Однако представляется, что «неродившийся ребенок» — понятие более широкое, чем «ребенок *in utero*», «ребенок в утробе матери». Неродившимся ребенок может быть и потому, что он еще даже не был зачат, но был желанным, или быть неродившимся вследствие прерывания беременности по естественной или неестественной причине и т. д. «Ребенок *in utero*» — термин также не слишком пригодный для использования в законодательстве, тем более, что развитие современных технологий позволяют

говорить о частичном эктогенезе, то есть развитии организма вне тела матери (в настоящее время полный эктогенез еще не был осуществлен). Родственные понятия «эмбрион» и «плод», которые используются в законодательстве, семантически более узкие. Эмбриогенез начинается моментом оплодотворения яйцеклетки и образования зиготы, завершается этот процесс рождением человека либо прерыванием беременности по какой-либо причине. Эмбриогенез в своем завершенном представлении в клинической эмбриологии принято подразделять на три периода²: начальный (первая-вторая недели развития), зародышевый или эмбриональный (третья-восьмая недели) и плодный (от девятой недели и до рождения ребенка). В первом периоде организм принято называть концептусом (проходит в свою очередь стадии зиготы, морулы и бластоциста), в эмбриональном — эмбрионом, в плодном — плодом или фетусом [8, с. 134–135]. Слово «пренатальный» используется для характеристики завершающего этапа внутриутробного развития. Термин «фетальный», хотя и является производным от «фетуса», между тем часто используется для характеристики всего периода эмбриогенеза. Поэтому под «фетальным преступлением» мы будем понимать преступление, совершаемое или совершенное в отношении уже развивающегося, но еще не рожденного ребенка.

Но как называть потерпевшего от фетального преступления? Для удобства, чтобы не отвлекаться на специальные пояснения, ребенка от зачатия (искусственного оплодотворения) до начала родов мы будем называть *насцитурус*, используя при этом термин из римского права, либо эмбрион (*плод*), либо, когда это уместно, — *неродившийся ребенок*.

1. Жизнь неродившегося ребенка и юридическая фикция. Дискуссия о том, с какого момента зарождается человеческая жизнь, ведется не одно столетие. Аристотель считал, что эмбрион

¹ Например, термин «unbornchild» употребляется в уголовном законодательстве ряда штатов США (Аляска, Арканзас, Флорида, Джорджия и т. д.)

² Существует также эмбриологическая периодизация, которая отражает основные процессы эмбриогенеза на разных этапах. Применительно к цели данной статьи эта периодизация не имеет большого значения.

зарождается как некая субстанция, которая оживает благодаря душе. Одушевление происходит последовательно: обретая растительную (питательную) душу зародыш становится похожим на растение, обретая сенсуальную душу эмбрион принимает черты животного, и лишь после обретения рациональной души — становится человеком. Аристотель даже назвал сроки обретения человеческой души — 40 дней для мужского организма и 90 — для женского. По мнению древнегреческого мыслителя уничтожение зарождающейся жизни на любом этапе должно оцениваться как преступное [1, р. 39]. Раннехристианский мыслитель Тертуллиан не без влияния трудов Аристотеля писал: «Нам раз навсегда запрещено убивать — даже зародыш во чреве матери: нельзя выпускать кровь, когда она еще только сгущается в человеке. Помешать рождению — то же самое, что потропиться с убийством: лишить жизни уже родившегося, или воспрепятствовать рождению — какая разница? — тот, кто будет человеком, уже человек: плод есть уже в семени» [9, с. 180]. Это изречение Тертуллиана предопределило бытующее в большинстве церквей негативное отношение к возможности прерывания беременности.

Ф. Энгельс точно и образно описал спор об определении начала жизни: «...мы, например, в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени запутанный вопрос, трудности которого прекрасно известны юристам, тщетно пытавшимся открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери можно считать убийством» [10, с. 17]. С точки зрения биологии жизнь человека как биологического индивидуума начинается с момента слияния ядер мужской и женской гамет и образования единого ядра, содержащего неповторимый генетический материал. С позиции биологии на всем протяжении внутриутробного развития новый человеческий организм не может считаться частью тела матери, поскольку его нельзя уподобить органу или части органа материнского организма [4, с. 27].

Рациональная граница, о которой писал Энгельс, и в определении которой не нуждаются естественные науки, была впоследствии прочерчена в правоповедении с помощью приема юридической фикции. Для многих юридических фикций характерно постулирование заведомо неправильных утверждений в целях устранения некоторых неразрешимых противоречий. Фикция о начале жизни оказалась настолько удобной, что была многократно воспроизведена в российских и зарубежных учебниках по уголовному праву: жизнь человека охраняется с момента его рождения, а посягательство на зародыш или плод — посягательство на организм матери, с которым еще не родившийся ребенок неразрывно связан [2, р. 491; 7, с. 62–63; 5, с. 364].

Основанные на приведенной фикции утверждения встречаются в судебных актах самых разных государств. «Нам известно, что плод не существует отдельно и может существовать только в утробе матери. Поэтому даже если мы признаем права плода, нельзя говорить о том, что они должны превалировать над правами матери» (Верховный Суд Непала, *Lakshmi Dhikta против Непала*). «Конституционная ценность еще не рожденной человеческой жизни может... охраняться только при условии, что эта защита не приведет к вмешательству в самую суть свободы женщины и ее права на неприкосновенность личной жизни» (Конституционный Суд Словацкой Республики, Решение о конституционности закона об искусственном прерывании беременности). «Если нерожденный ребенок имеет «право» на «жизнь», то оно косвенным образом ограничивается правами и интересами матери» (Европейский Суд по правам человека, *Во (Vo) против Франции*)¹.

Однако важно понимать, что данная фикция возникла более ста лет назад, когда жизнь насчитуруса была немыслима вне организма матери. С момента возникновения вспомогательных репродуктивных технологий и способов выхаживания

¹ Цит. по: Кому предоставлено право на жизнь? Права женщин и пренатальные гарантии в свете прав человека и сравнительного правоповедения. New York, 2014. С. 14.

недоношенных детей эта фикция однозначно устарела и нуждается в пересмотре.

М. И. Ковалев в 1996 г. сделал попытку «приспособить» названную юридическую фикцию к современным условиям. Он признавал, что «у зародыша в процессе его развития задолго до появления на свет формируются наружные и внутренние органы, начинается биться сердце (т. е. возникает кровообращение), он получает питание, шевелится» [4, с. 27]. Профессор Ковалев отмечал, что фикция не носит абсолютный характер, это всего лишь юридический прием. Если мы признаем моментом начала жизни рождение человека, это вовсе не означает, что жизнь и биологически начинается в этот момент: «жизнь его фактически начинается в материнской утробе, однако с точки зрения социальной человек живет в общении с природой, с себе подобными и может каким-то образом воздействовать на окружающую действительность» [4, с. 27]. Мнение М. И. Ковалева о социально-правовом происхождении юридической фикции о моменте начала жизни стало отправной точкой для наших дальнейших рассуждений.

2. Уголовная ответственность за посягательство на плод (эмбрион) по современному уголовному законодательству России. По действующему уголовному закону России жизнь человека охраняется с момента начала родов. Посягательство на плод в момент рождения образует состав ст. 106 УК РФ. Данная норма часто критикуется за существенную неопределенность словосочетания «во время родов». С какого момента считать роды начавшимися? Даже в медицинской литературе мы не встретим единства мнений относительно этого вопроса (кто-то считает за эту временную точку излитие околоплодных вод, другие — начало схваток или момент раскрытия плода). Роды — длительный процесс, который принято подразделять на стадии. На какой стадии родов перед нами плод, а на какой — человек, — не представляется ясным исходя из текста самой нормы ст. 106 УК РФ.

Необходимость определения времени обусловлено отнюдь не существенной разницей в самом потерпевшем, а вышеуказанной юридической фикцией, которая

требует разграничить ребенка как часть тела матери и ребенка, жизнь которого охраняется отдельно от тела матери. Если абстрагироваться от причин появления этой нормы и сложившейся правоприменительной практики, то диспозиция ст. 106 УК РФ может предстать абсурдной: по какой причине жизнь плода, уже готового к появлению на свет, не охраняется (если при этом не причиняется вред матери), а жизнь родившегося через непродолжительное время ребенка (того же ребенка) — охраняется.

Действия лица, которые привели к прерыванию беременности, квалифицируются как причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111, 113, 114, 118 УК РФ). Но из этого нельзя сделать однозначный вывод о том, что жизнь плода (эмбриона) охраняется данными нормами. Составы причинения тяжкого вреда здоровью предполагают деяние (действие или бездействие, направленное на причинение тяжкого вреда здоровью) и последствие (в интересующем нас случае — прерывание беременности). Таким образом, если прерывание беременности не явилось последствием воздействия на организм матери, а было воздействием исключительно на ребенка *in utero*, то будет ли содеянное квалифицировано по соответствующей статье о причинении тяжкого вреда здоровью? Исходя из буквального толкования закона — нет. Оно будет квалифицироваться только при опосредованном воздействии через организм матери. Зарубежной практике известен подобный случай. Беременная женщина на сроке от 22 до 24 недель получила несколько ножевых ранений. Ей была оказана своевременная медицинская помощь. Менее чем через три недели у женщины случились преждевременные роды. Ребенок прожил 121 день и скончался от бронхо-легочного заболевания, обусловленного ранним появлением на свет¹.

Будет ли ответственность у медицинского работника в связи с несвоевременным или халатным оказанием медицинской помощи, которые привели

¹ Judgments — Attorney General's Reference No. 3 of 1994. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld199798/ldjudgmt/jd970724/gneral01.htm#end> (дата обращения: 20.12.2021).

к гибели плода, но не причинили вреда здоровью матери? Ответ на этот вопрос будет еще более дискуссионным. Но фактически такой ответственности сегодня нет, на что обратил внимание Следственный комитет России, представивший в 2018 г. законопроект о введении ст. 124.1 в УК РФ. Данный проект предполагал введение уголовной ответственности за нарушение медработником установленных стандартов оказания медпомощи, которое повлекло в том числе по неосторожности гибель плода человека¹.

Норма ст. 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности» предусматривает ответственность за соответствующие действия только в случае, если субъект не имеет профильного высшего медицинского образования. Эта норма вступает в существенное противоречие с регулятивным законодательством. Так, в соответствии со ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» искусственное прерывание беременности возможно по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, при наличии социальных показаний — при сроке до 22 недель, при наличии медицинских показаний — при любом сроке беременности. Та же норма предусматривает, что незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой административную или уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Состав ст. 123 УК РФ не охватывает случаи искусственного прерывания беременности при нарушении сроков, указанных в ст. 56 названного федерального закона. Между тем, данные сроки — 12 и 22 недели — введены в закон на основе медицинских знаний о стадиях развития человеческого плода (эмбриона). Думается, что проведение искусственного прерывания беременности с нарушением сроков и оснований, предусмотренных

законом, также должно охватываться составом ст. 123 УК РФ.

По современному российскому уголовному законодательству действия с концептусами и эмбрионами, находящимися вне тела матери, не образуют отдельных составов преступления и могут быть оценены только как преступления против собственности при наличии соответствующих оснований. Вместе с тем, даже беглый взгляд на объект уголовно-правовой охраны в случае посягательства на человеческий зародыш вне тела матери позволяет увидеть очевидность того, что страдают не только и не столько общественные отношения по охране собственности, сколько конституционные права родителей. Таким образом, существующих норм о собственности недостаточно для полной уголовно-правовой оценки подобных деяний.

3. Посягательства на плод (эмбрион) в некоторых зарубежных государствах. 3.1. Германия. Плод (фетус) в Германии, как и в России, не охраняется отдельно от матери, рассматривается как часть матери. Вместе с тем в Германии действует закон о защите эмбрионов, один из самых строгих в мире. И это именно уголовный закон, устанавливающий ответственность за противоправные деяния. Предусмотренные германским законом о защите эмбрионов составы преступлений которые можно сгруппировать следующим образом: 1) раздвоенное материнство; 2) замещающее (суррогатное) материнство; 3) создание и использование эмбрионов для чужеродных, особенно исследовательских, целей; 4) доведение до беременности с больше чем тремя эмбрионами; 5) намеренное создание лишних эмбрионов; 6) планирование пола будущего ребенка; 7) намеренное искусственное оплодотворение семенем умершего; 8) клонирование; 9) создание химер и гибридов; 10) искусственное оплодотворение, трансфер, консервация эмбрионов, произведенные не врачом. Как видно, не все 28 составов преступления в указанном законе направлены на защиту собственно эмбрионов. Германия дает нам пример излишне жесткой модели криминализации действий с человеческими эмбрионами.

¹ Представители СК рассказали подробности о введении уголовной ответственности врачей // Адвокатская газета : [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/predstaviteli-sk-rasskazali-podrobnosti-o-vvedenii-ugolovnoy-otvetstvennosti-vrachey/> (дата обращения: 20.12.2021).

3.2. США. В настоящее время нормы об убийствах плода (fetal homicide) действуют как минимум в 38 штатах: Алабама, Аляска, Аризона, Арканзас, Калифорния, Флорида, Джорджия, Айдахо, Иллинойс, Индиана, Канзас, Кентукки, Луизиана, Мэриленд, Массачусетс, Мичиган, Миннесота, Миссисипи, Миссури, Монтана, Небраска, Невада, Нью-Гэмпшир, Северная Каролина, Северная Дакота, Огайо, Оклахома, Пенсильвания, Род-Айленд, Южная Каролина, Южная Дакота, Теннесси, Техас, Юта, Вирджиния, Вашингтон, Западная Вирджиния и Висконсин. По крайней мере в 29 штатах эти нормы применяются к самым ранним стадиям беременности. Например, Кодекс штата Алабама в § 13A-6-1 (2006) под потерпевшим по делу об убийстве понимает в том числе нерожденного ребенка в утробе матери на любой стадии развития, независимо от его жизнеспособности¹. В Аризоне применительно к причинению смерти по неосторожности, непредумышленному убийству, а также убийствам первой и второй степени указано, что данные нормы распространяются на будущего ребенка на любом этапе его развития. Нерожденный ребенок по своему статусу приравнен к несовершеннолетним в возрасте до 12 лет. Более того, осужденный к пожизненному лишению свободы не может быть освобожден по отбытии 35 лет, если потерпевший был моложе 15 лет или был нерожденным ребенком².

Увлечение законодательных органов штатов криминализацией посягательств на нерожденных детей на любой стадии развития привело к «ползучей криминализации беременности» в США³. В качестве антипримера можно привести дело Шуай Бэйбэй, которая совершила неудачную попытку самоубийства, будучи при этом беременной. Покушение привело к выкидышу. В отношении Шуай было начато

уголовное преследование, и она была признана виновной в преступном безрассудстве (criminal recklessness)⁴. Проблема заложена в самих законах, которые не предусмотрели инструментарий для разграничения действительно преступных посягательств от непроступных случаев потери ребенка.

3.3. Польша. Комиссия по кодификации уголовного права Польши в 2013 г. предложила внести поправки в Уголовный кодекс в части ответственности за посягательства на плод (раздел XIX). Данные поправки так и не были приняты, однако они представляют значительный интерес. В законопроекте предложено создать триединство следующих понятий:

- 1) ребенок, зачатый, но не способный к самостоятельной жизни вне организма матери;
- 2) ребенок, зачатый и способный к самостоятельной жизни вне организма матери;
- 3) ребенок-человек (живорожденный ребенок) [3, p. 57].

Проект предложил приравнять охрану человека и ребенка, зачатого и способного к самостоятельной жизни вне организма матери. Также высказано предложение об установлении уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности ребенку, зачатому, но не способному к самостоятельной жизни вне организма матери. Проект нормы предполагает ответственность со специальным субъектом — лицом, на котором лежит обязанность по опеке и защите этого ребенка (например, мать, отец и врач) [3, p. 59–60].

Польский проект вызван развитием биомедицинских технологий и перинатальной медицины, позволяющих обеспечивать развитие ребенка, способного к развитию вне тела матери, в искусственных условиях инкубатора.

4. Нужно ли приравнять плод к человеку? Несмотря на то, что искусственное прерывание беременности по социальным показаниям допустимо при сроке беременности до 22 недель, уже с 21 недели беременности плод с разной степенью

¹ The Code of Alabama 1975. URL: <http://alisondb.legislature.state.al.us/alison/codeofalabama/1975/coatoc.htm> (дата обращения: 20.12.2021).

² Entire Arizona Revised Statutes. URL: <https://www.azleg.gov/ars/13/01102.htm> (дата обращения: 20.12.2021).

³ Pilkington E. Outcry in America as pregnant women who lose babies face murder charges // Guardian, 2011. 24 Ju.

⁴ Bei Bei Shuai Pleads Guilty In Baby's Death // Huffington Post, 2013. 2 Aug.

выживаемости способен развиваться вне организма матери при условии оказания перинатальной помощи. Сроки, при которых возможна выживаемость преждевременно родившегося ребенка, постоянно уменьшаются вслед за успехами перинатальной медицины. Если посягательство на развивающийся нормально в организме матери плод при сроке беременности не менее 21 недели, приведет к его гибели или нанесению травмы, другого увечья, то чем такое деяние будет отличаться от преступления против жизни и здоровья человека? Очевидно, что ничем. Ведь плод, способный уже на данном этапе к самостоятельному развитию, *мог бы* родиться и выжить при условии оказания специализированной помощи.

Вместе с тем, приравнивание жизни плода, способного к развитию вне организма матери, к жизни человека может быть допустимым лишь при некоторых оговорках.

4.1. При введении соответствующей поправки в уголовный закон мы столкнемся с необходимостью описать, какой плод и при каких обстоятельствах можно считать способным к развитию вне организма матери. Здесь возможно несколько подходов. Во-первых, способным к развитию вне организма матери можно признать любого ребенка *in utero*, на определенном сроке беременности. Поскольку развитие перинатальной помощи может привести к дальнейшему сокращению минимальных сроков, при которых возможно успешное инкубирование недоношенных детей, такой срок можно установить непосредственно в уголовном законе или ввести ссылку на подзаконный акт, который будет актуализироваться по мере совершенствования технологий. Во-вторых, можно не делать привязку к сроку беременности, а полагаться на заключение судебно-медицинской экспертизы по каждому конкретному случаю. Для целей процессуальной экономии можно предусмотреть срок беременности, при котором проведение такой экспертизы не требуется (например, 21 неделя). Судебно-медицинская экспертиза потребует также в каждом случае, когда есть сомнения в жизнеспособности плода.

4.2. Уголовно-правовая охрана жизни плода обусловит необходимость решения вопроса о коллизии между правом женщины, вынашивающей ребенка, на личное достоинство и планирование беременности, и правом ребенка на жизнь. При неурегулировании данной коллизии мы можем получить «эффект криминализации беременности», с которым столкнулись отдельные штаты США. Общественное мнение также не будет одобрять неопределенность в данном вопросе. В качестве антипримера можно привести вызвавший массовые протесты приговор Конституционного трибунала Польши от 22 октября 2020 г. «Планирование семьи, защита человеческого плода и условия допустимости прерывания беременности»¹, который признал неконституционным положение закона, допускающего прерывание беременности, если медицинским осмотром установлено наличие у плода тяжелого и неотвратимого порока или неизлечимой болезни, которая угрожает его жизни. Суд назвал эту норму легализацией евгенической практики.

Поскольку ребенок *in utero* непосредственно связан с матерью, их жизни и здоровье являются взаимозависимыми, решение вопроса о сроках и основаниях допустимого прерывания беременности необходимо указать в качестве примечания к соответствующей уголовно-правовой норме.

4.3. Сложным в ряде случаев будет вопрос о причинной связи при причинении смерти плоду при неосторожных действиях матери. Например, будет ли наступать уголовная ответственность, если гибель плода произошла вследствие злоупотребления матерью алкоголем, наркотическими средствами и психотропными веществами, или вследствие грубой неосторожности матери при занятиях травмоопасными видами спорта? От решения данных вопросов при приравнивании

¹ Sygn. akt K 1/20 «Planowanie rodziny, ochrona płodu ludzkiego i warunki dopuszczalności przerywania ciąży». URL: <https://trybunal.gov.pl/postepowanie-i-orzeczenia/komunikaty-prasowe/komunikaty-przed/art/11297-planowanie-rodziny-ochrona-plodu-ludzkiego-i-warunki-dopuszczalnosci-przerywania-ciazy> (дата обращения: 20.12.2021).

жизни плода к жизни человека нельзя абстрагироваться. В этом случае необходимо либо сделать оговорку, полностью исключаящую уголовную ответственность матери за неосторожные действия, повлекшие гибель плода, либо ввести соответствующий привилегированный состав.

5. Посягательства на концептус и эмбрион. Концептусы эмбрион сегодня не могут развиваться вне организма матери продолжительное время, пока не создана технология, обеспечивающая полный эктогенез. Однако они могут сохраняться на ранней стадии развития в пригодном для переноса (имплантации) состоянии длительное время в криоконсервированном виде.

Эмбрион (концептус), созданный, но не перенесенный в организм матери, — не защищен иначе как предмет преступления против собственности. Достаточно ли норм о преступлениях против собственности для уголовно-правовой оценки возможных посягательств на эмбрион (концептус)? Если сравнить объекты уголовно-правовой охраны, то можно уверенно утверждать, что нет. Хотя для производства, хранения и использования эмбриона затрачиваются определенные денежные средства, сам этот предмет не находится в свободном обороте и предназначен не для экономических, а для репродуктивных или научных целей. Для родителей эмбрион (концептус) — не просто имущество, а средство реализации конституционных репродуктивных прав. Посягательство на эмбрион (концептус) может совершаться, в отличие от большинства преступлений против собственности, без корыстных целей и напоминать по своему вредному воздействию подмену ребенка или похищение человека.

Нарушение правил обращения с эмбрионами (концептусами) также представляет большую общественную опасность в сравнении с уничтожением или повреждением чужого имущества, поскольку в этом случае наступает вполне определенное последствие в виде лишения зародыша перспектив дальнейшего развития, рождения и жизни. Мы не должны исключать особую природу эмбриона из поля зрения. Поэтому целесообразно предусмотреть отдельные нормы об уничтожении эмбриона.

Мы предлагаем ввести следующие составы:

(1) похищение криоконсервированного человеческого эмбриона, предназначенного для переноса в организм матери;

(2) умышленное уничтожение криоконсервированного человеческого эмбриона, предназначенного для переноса в организм матери;

(3) умышленная подмена человеческого эмбриона при его переносе в организм матери;

(4) нарушение правил подготовки, хранения, транспортировки и разморозки криоконсервированных человеческих эмбрионов, предназначенных для переноса в организм матери, повлекшее по неосторожности гибель эмбриона.

При этом важно сделать две оговорки:

5.1. Необходимо соотносить умышленное уничтожение криоконсервированного человеческого эмбриона с правом родителей отказаться от переноса эмбриона в организм матери. Например, в ряде случаев эмбрионы создаются и сохраняются при низких температурах в связи с опасением родителей потерять способность к деторождению. Если такая способность впоследствии не была утрачена, то в сохраненном эмбрионе отпадает необходимость. Можно ли в этом случае сделать отказ от него (согласиться на его уничтожение или передачу для научно-исследовательских целей)? И кто его должен выразить — мать или оба родителя?

5.2. Важно не создать искусственные препятствия развитию науки. По этой причине целесообразно оговорить, что понимать под эмбрионом и каким образом идентифицировать, что данный эмбрион может быть предназначен для переноса в тело матери. Думается, что это можно сделать путем раскрытия терминов в примечании к статье или описав данные вопросы в регулятивном законодательстве.

5.3. Целесообразно при решении вопросов об уголовной ответственности за деяния против эмбрионов (концептусов), находящихся вне тела матери, не создать по существу дискриминационную норму, по которой эмбрион после имплантации в тело матери естественным или искусственным путем и до достижения им уровня развития,

позволяющего самостоятельно существовать вне тела матери, никак не будет защищен. Такой неродившийся ребенок может защищаться двумя путями (не взаимоисключающими): как часть тела матери, при одновременном посягательстве на мать; и как самостоятельный объект (предмет) при прямом посягательстве на него, повлекшем его гибель. Нельзя сказать, что современное уголовное право полностью игнорирует гибель эмбриона (плода), однако в большинстве случаев, она может признаваться иным тяжким последствием или же обстоятельством, отягчающим ответственность виновного.

Заключение

Эмбрион и плод, планирование семьи и прерывание беременности — в первую очередь вопросы из сферы частной жизни индивида. Любое, а тем более уголовно-правовое вмешательство в нее должно быть аккуратным и разумным, оно должно быть взвешенным и пропорциональным защите того блага, ради которого эта социально-нормативная интервенция может быть реализована.

В. Е. Квашиш пишет о двух параллельных тенденциях, характеризующих отношение общества к отдельным вопросам частной

жизни. С одной стороны, технологические изменения отражаются на возможностях человечества и формируют интерес к тому, к чему ранее он попросту не мог возникнуть. Разве мог, к примеру, древний грек думать о защите криоконсервированного эмбриона? С другой стороны, «вопрос о пределах допустимого вмешательства государства в частную жизнь зависит от выбора концептуальной парадигмы, определяющей соотношение личных и коллективных интересов, от философии системы приоритетов политического и общественного развития» [6, с. 9–10].

Предложенные нами идеи о коррекции уголовного закона с одной стороны отражают технологическую готовность к таким изменениям, но они могут быть реализованы только при наличии общественного интереса к ним. На сегодня накопились многочисленные примеры преступлений, состоявшихся в легкоранимой сфере генетики и эмбриологии, которые по существу не были надлежащим образом оценены из-за неготовности уголовного закона. Полагаем, что такое накопление — важный сигнал, что общественный интерес к решению вопроса о новой криминализации уже есть.

Список источников

1. Dunstan G. R. The moral status of the human embryo: a tradition recalled // Journal of medical ethics. 1984. vol. 10, No. 1. P. 38–44. doi: <https://doi.org/10.1136/jme.10.1.38>
2. Jackson M. Criminal Law in Hong Kong. Hong Kong, 2003. 789 p.
3. Kulesza J. Prawno karna ochrona życia człowieka w fazie prenatalnej (w projekcie Komisji Kodyfikacyjnej Prawa Karnego) // Państwo I Prawo. 2015. № 7. P. 56–73.
4. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: монография / под ред. И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеева. Москва : Проспект, 2021. 200 с.
5. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. Москва : Велби ; Проспект, 2006. 560 с.
6. Квашиш В. Е. О пределах вмешательства государства в частную жизнь // Общество и право. 2020. № 1. С. 8–12.
7. Малешина А. В. Преступления против жизни в странах общего права. Москва : Статут, 2017. 480 с.
8. Мяделец О. Д. Гистология, цитология и эмбриология человека. Часть 1. Цитология, эмбриология и общая гистология: учебник. Витебск : ВГМУ, 2014. 440 с.
9. Тертуллиан. Апология // Богословские труды. 1984. № 25. С. 169–225.
10. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Москва : ИПЛ, 1988. 482 с.

References

1. Dunstan G.R. The moral status of the human embryo: a tradition recalled. *Journal of medical ethics*. 1984;10(1):38-44. doi: <https://doi.org/10.1136/jme.10.1.38> (in Eng.)
2. Jackson M. *Criminal Law in Hong Kong*. Hong Kong, 2003. (in Eng.)
3. Kulesza J. Criminal law protection of human life in the prenatal phase (in the project of the Criminal Law Codification Commission). *Panstwo i Prawo* [State and Law]. 2015;7: 56-73. (in Polish.)
4. Kozachenko I. Ya., Sergeev D.N. ed. *Genetic research: legislation and criminal policy*. Moscow: Prospekt, 2021. (in Russ.)
5. Zhalinsky A.E. *Modern German Criminal Law*. Moscow: Welby, Prospect, 2006. (in Russ.)
6. Kvashis V. Ye. On the limits of state interference in private life. *Obshestvo I pravo* [Society and Law]. 2020;1:8-12. (in Russ.)
7. Maleshina A.V. Crimes against life in common law countries. Moscow: Statut, 2017. (in Russ.)
8. Myadel O.D. *Human histology, cytology and embryology. Part 1. Cytology, embryology and general histology: textbook*. Vitebsk: VGMU, 2014. (in Russ.)
9. Tertullian. Apology. *Bogoslovskiye trudy* [Theological works]. 1984;25: 169-225. (in Russ.)
10. Engels F. *Anti-Dühring: The Revolution in Science by Herr Eugene Dühring*. Moscow: IPL, 1988. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иван Яковлевич Козаченко, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

uglaw@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5641-7812>

Данил Назипович Сергеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

dnse@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4870-8425>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan Ya. Kozachenko, Doctor of Law Sciences, professor, Head of the Criminal Law Department, the Ural State Law University.

21. Komsomolskaya st., Ekaterinburg 620137, Russia.

uglaw@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5641-7812>

Danil N. Sergeev, Candidate of Law Sciences, assistant professor, Criminal Law Department, the Ural State Law University.

21. Komsomolskaya st., Ekaterinburg 620137, Russia.

dnse@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4870-8425>

Дата поступления статьи / Received: 21.12.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.12.2021.

Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 25.12.2021.

Научная статья
УДК 343.852+343.36

Значение режима содержания под стражей в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел для обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений

Гарманов Виктор Михайлович

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
Тюмень, Россия
garmanov.v.m1978@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1601-5333>*

Аннотация. В статье изучаются некоторые практические аспекты защиты полицией жертв преступлений с учетом требований Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года. Режим содержания под стражей в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел рассматривается как требования, позволяющие обеспечить защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

На основе анализа отдельных примеров подчеркивается связь организационно-практической деятельности сотрудников полиции с реализацией идеи о неотвратимости ответственности и наказания лиц, совершивших преступления, а также правовой защиты потерпевших от преступлений. В статье обращено внимание на необходимость совершенствования форм и методов деятельности охранно-конвойных подразделений полиции, отмечается роль предупреждения чрезвычайных происшествий в виде побегов или суицидов лиц, содержащихся под стражей для восстановления социальной справедливости и защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Сделан вывод о важности подготовки сотрудников полиции на основе практических ситуаций, в которых раскрывается роль охранно-конвойных подразделений полиции в механизме защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Ключевые слова: режим содержания под стражей, права и законные интересы потерпевших от преступлений, неотвратимость ответственности и наказания, предупреждение вторичной виктимизации, предупреждение чрезвычайных происшествий, обучение сотрудников полиции

Для цитирования: Гарманов В. М. Значение режима содержания под стражей в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел для обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений // 2021. Т. 8, № 4. С. 362–369.

Original article

The Significance of the Detention Regime in Temporary Detention Facilities for Suspects and Accused Persons of Internal Affairs Bodies to Protect the Rights and Legitimate Interests of Crime Victims

Victor M. Garmanov

*Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia
garmanov.v.m1978@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1601-5333>*

Abstract. This article examines some of the practical aspects of police protection of victims of crime, taking into account the requirements of the Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power, adopted by UN General Assembly Resolution 40/34 of November 29, 1985. The regime of detention in temporary detention facilities for suspects and accused by the internal affairs bodies is considered as a requirement to ensure the protection of the rights and legitimate interests of victims of crimes. Based on the analysis of individual examples, the author emphasizes the connection between the organizational and practical activities of police officers and the implementation of the idea of the inevitability of responsibility and punishment of persons who have committed crimes, as well as legal protection of victims of crimes. The article draws attention to the need to improve the forms and methods of activity of security and escort police units, notes the role of preventing emergencies in the form of escapes or suicides of persons in custody to restore social justice and protect the rights and legitimate interests of victims of crimes. The conclusion is made about the importance of training police officers on the basis of practical situations in which the role of security and escort police units in the mechanism of protecting the rights and legitimate interests of victims of crimes is revealed.

Keywords: regime of detention, rights and legitimate interests of victims of crimes, inevitability of responsibility and punishment, prevention of secondary victimization, prevention of emergencies, training of police officers

For citation: Garmanov V. M. The importance of the regime of detention in temporary detention facilities for suspects and accused of the internal affairs bodies to ensure the protection of the rights and legitimate interests of victims of crimes. *Victimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 362-369. (In Russ.)

Введение.

В подп. «д» п. 4 Резолюции 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года, принявшей Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, подчеркнута необходимость принятия усилий по созданию, выявлению, судебному преследованию и наказанию виновных в совершении преступлений¹.

Вопрос о теоретических и практических аспектах защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений в связи с выполнением полицией обеспечительных мер по содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений не является предметом широкого анализа в соответствующих научных работах. Между тем, актуальным является проведение междисциплинарных исследований,

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью : принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года // Официальный сайт

Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 05.12.2021).

нацеленных на решение практических вопросов реализации законодательных положений о целях применения уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), а также о направлениях уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Эти исследования могут создать основу для совершенствования конкретных организационно-практических мер правоохранительных органов, направленных на воплощение указанных положений, обеспечить в ходе такой деятельности реализацию интересов: 1) потерпевшего, 2) лица, совершившего преступление, 3) общества, 4) государства.

Режим содержания под стражей в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, цели которого названы в ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹, можно рассматривать во взаимосвязи с обеспечением неотвратимости ответственности и наказания виновных, защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, как одного из направлений уголовного судопроизводства согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

При изучении ряда опубликованных материалов судебной практики выделены практические примеры, с помощью которых рассмотрено указанное значение режима содержания под стражей. С применением метода качественного исследования проанализированы некоторые типичные примеры, в которых права и законные интересы потерпевших от преступлений были нарушены или поставлены под угрозу при возникновении чрезвычайных происшествий в процессе содержания и охраны подозреваемых и обвиняемых.

Описание исследования.

В рамках реализации обязанности полиции, закрепленной п. 14 ч. 1 ст. 12

Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», большое значение имеет деятельность изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых и подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, обеспечивающих реализацию отдельных задач, возложенных на полицию, а также интересы правосудия.

Г. Й. Шнайдер писал о том, что «методологически неправильно слишком ограничивать виктимологию только исследованиями отношений между преступником и жертвой или поиском внешних признаков виктимизации. Виктимология — это не только описание и учет фактов и факторов, но еще и анализ» [1, с. 375]. Поскольку задача защиты жертв преступлений реализуется посредством многих направлений деятельности правоохранительных органов, интерес для исследований представляют различные формы защиты жертв преступлений, в том числе и на завершающем этапе, связанном с юридической оценкой поведения лица, совершившего преступление, принятием судебных решений, направленных на защиту пострадавших от преступлений и определяющих меру ответственности. В одном из недавних решений Конституционного Суда Российской Федерации было специально подчеркнута, что существует «обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего, в суде, свои права и законные интересы, а также защищать собственное достоинство любыми не запрещенными законом способами. Иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством»².

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7270/ (дата обращения: 06.12.2021).

² По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского : постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 06.12.2021).

А. И. Марцев, обращая внимание на реализацию ответственности в рамках правовых отношений, указывал на то, что нужно «делать акцент в первую очередь на право государства в лице его органов применять принуждение к правонарушителю» [2, с. 15]. Н. С. Таганцев отмечал, что «карательная деятельность имеет в виду устранение вреда, уже внесенного преступным деянием в общественную жизнь, и такое лечение или заглаживание зла не менее важно для общества, как и его предупреждение» [3, с. 40]. Применение принудительных мер после совершения преступления создает представление у граждан о действии правовых норм, личной и общественной защищенности. Оценка правовых норм с позиций правосознания, по мнению П. А. Фефелова, «вызывает чувство справедливости, утверждает в сознании людей необходимость и целесообразность исполнения правовых предписаний, а сама обстановка неотвратимости наказания выступает в качестве элемента социальной среды, создающего ситуацию, неблагоприятную для антиобщественного (преступного) поведения лиц, склонных к совершению преступлений» [4, с. 209].

Представления граждан о действии правовых норм, восприятие ими своей личной и общественной защищенности формируются в том числе при осуществлении административной деятельности сотрудников полиции, ориентированной на реализацию соответствующих задач по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка, защите общественных отношений в формах и методами, которые характерны именно для этого вида исполнительно-распорядительной деятельности.

При этом практическая деятельность сотрудников полиции должна быть основана на глубоком понимании ими социальной сущности правовых норм, содержания смысла правоохранительной деятельности, обеспечивающей решение целей и задач уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики, представлении о неизбежности ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение служебных обязанностей при нарушении прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Рассматриваемый нами вопрос о значении режима содержания под стражей в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел для обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений можно связать с вопросами уголовно-правовой оценки определенных ситуаций. Во-первых, речь идет об оценке поведения лиц, привлеченных к уголовной ответственности, но уклоняющихся от обязанности претерпевать меры ограничительного характера, от ответственности за содеянное, например, при побеге из-под стражи. Во-вторых, следует вести речь и об ответственности должностных лиц, при бездействии которых, в связи с ненадлежащим выполнением ими своих должностных обязанностей, причиняется существенный вред правам и законным интересам личности (потерпевших и свидетелей при возникновении угрозы их безопасности как участников уголовного процесса и др.), интересам общества и государства (при уклонении лиц, совершивших преступления от уголовной ответственности, дискредитации авторитета органов внутренних дел и др.).

Ранее в одной из работ, посвященных вопросам назначения наказания, мы поднимали вопрос об учете при назначении наказания такого отягчающего наказание обстоятельства, как «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления» (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ) в случае установления деяния лица, которому дается юридическая оценка и последствий, находящихся за рамками состава соответствующего преступления, но состоящих в причинной связи с совершением конкретного преступления. В материалах уголовного дела, рассмотренного Курганским областным судом в 2001 году, обстоятельством, отягчающим наказание Р., К. и Ф. за пособничество Р. С. в совершении побега из-под стражи, было признано наступление тяжких последствий в результате совершения ими данного преступления. Тяжкие последствия, как было указано судом, заключались в том, что действия виновных повлияли на продолжение Р. С. преступной деятельности, что привело к совершению

нескольких особо тяжких преступлений и гибели шести человек (в указанной ситуации, Р. С., первоначально привлеченный к уголовной ответственности за бандитизм и иные преступления, создал новую банду и возобновил преступную деятельность) [5, с. 77].

Считаем, что этот пример является показательным, поскольку тяжесть наступивших последствий при совершении лицом побега из-под стражи обусловлена не только причинением вреда потерпевшим от преступления или свидетелям по уголовному делу (в виде морального ущерба, эмоциональных переживаний в связи с опасениями за свою безопасность и т. п.), но и тем реальным вредом, который может наступить при возобновлении преступной деятельности, то есть при расширении круга жертв преступной деятельности, или совершении преступлений по мотивам мести в отношении потерпевших или свидетелей по уголовному делу. Этим примером также подчеркивается то, что надлежащее выполнение конкретных организационно-практических мероприятий сотрудниками полиции, исключающих возможность лицом побега из-под стражи, является одним из способов предупреждения вторичной виктимизации в деятельности полиции. По нашему мнению, в специальной научной литературе в области виктимологии и при исследовании вопросов организации деятельности конкретных подразделений полиции, в том числе охранно-конвойных подразделений полиции, необходимо обстоятельно изучать явление вторичной виктимизации, что позволит выработать и использовать эффективные практические меры для минимизации этого явления.

При изучении различных направлений административной деятельности полиции могут использоваться качественные методы исследования, например, анализ конкретного случая. Рассмотрение характерных практических вопросов в области защиты жертв преступлений может проводиться на основе содержания практических ситуаций и связанных с ними процессов, данных о личном отношении потерпевших к данной ситуации, ее восприятию и оценки

со стороны общественности. Полагаем, что это позволит не только изучать содержание конкретных форм административной деятельности полиции и ее нормативные основы, но и указать на социальные последствия таких ситуаций, нравственно-этическое содержание поведения участников событий, показать роль полиции в предупреждении преступлений и правонарушений, обеспечении защиты охраняемых интересов личности, общества и государства.

Выявление проблемных вопросов в этой области (например, при наличии признаков вторичной виктимизации) и анализ различных условий, характерных для конкретной ситуации, использование таких данных при подготовке сотрудников полиции является одним из средств практической реализации предложенной А. В. Майоровым концепции виктимологического предупреждения преступлений, согласно которой «защита личности должна стать основополагающей идеей эффективного противодействия преступности, прежде всего, со стороны правоохранительных органов» [6, с. 124].

Использование качественных методов исследования позволяет раскрыть и вопрос о значении режима содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых и эффективности защиты прав и законных интересов потерпевших в деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции. Материалы судебной практики по фактам чрезвычайных происшествий при содержании, охране и конвоировании подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений показывают примеры дальнейшей невозможности реализации мер уголовной ответственности (при совершении суицидальных действий лицом, содержащимся под стражей), либо затруднений в ходе реализации государством функции принуждения при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения (при уклонении лица от ответственности в случае побега из-под стражи).

По одному из уголовных дел было установлено, что вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей сотрудниками полиции, подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4

ст. 132 УК РФ, находясь под стражей в изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых, совершил самоубийство. Предупреждение суицидального поведения лица, содержащегося под стражей в данной ситуации, минимизация социальных факторов риска этого поведения, повышение уровня информированности лиц, противодействующих данному явлению, являются важными для восстановления социальной справедливости и защиты прав и законных интересов потерпевших, например, по делам о преступлениях половой неприкосновенности и половой свободы личности, преступлениях против жизни, традиционно вызывающих большой общественный резонанс.

В другом случае, лица, осужденные к лишению свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, совершили побег из-под стражи. Материалами дела было установлено, что одна из потерпевших, будучи основным свидетелем по уголовному делу, в результате побега осужденных из-под стражи опасалась за свою жизнь и здоровье, а также за своего ребенка, считала, что осужденные могут ей отомстить. Один из потерпевших по уголовному делу считал, что в результате побега лиц, содержащихся под стражей, были нарушены его права, поскольку осужденные уклонились от назначенного судом наказания.

Приведенный пример свидетельствует о том, что отдельные нарушения, допущенные должностными лицами в указанной ситуации, и послужившие условием для совершения побега лиц, нарушивших режим содержания под стражей, не только противоречат требованиям, касающимся организации несения службы, но и создают угрозу законным интересам потерпевших и иных лиц, выступающих в качестве свидетелей по уголовным делам. Данная угроза непосредственно связана с указанным чрезвычайным происшествием в виде побега лиц из-под стражи, имеет последствие в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества или государства, как обязательный признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ.

Нужно сказать и о важности предупреждения нарушений лицами, содержащимися под стражей, Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденных приказом МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950¹. Например, при незаконном использовании подозреваемым или обвиняемым в месте содержания под стражей сотового телефона, который ему при себе иметь запрещено, возникает угроза уничтожения доказательств по уголовному делу, возможен сговор с соучастниками преступления и противодействие линии обвинения, незаконное воздействие на потерпевших от преступлений и свидетелей по уголовным делам, подготовка к совершению противоправных действий и т. п.

Таким образом, возможные нарушения подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений режима содержания под стражей, который обеспечивается применением различных правовых и организационных средств, заставляют обратить особое внимание на совершенствование форм и методов административной деятельности соответствующих подразделений полиции, конкретных условий, направленных на предупреждение этих ситуаций. Кроме того, приведенный пример группового побега подчеркивает значимость обеспечения полицией защищенности жертв преступлений с учетом требований подп. «д» п. 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года, о том, чтобы «судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем принятия мер для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых : приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 (ред. от 27 мая 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56995/ (дата обращения: 06.12.2021).

и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести»¹.

Понимание содержания обеспечивающей функции охранно-конвойных подразделений полиции в механизме защиты жертв преступлений является значимым компонентом: 1) для организации повседневной деятельности сотрудников этих подразделений; 2) обучения сотрудников полиции, формирования их морально-психологической готовности к качественно-му выполнению служебных обязанностей; 3) обеспечения соблюдения сотрудниками полиции профессионально-этических стандартов поведения. Следовательно, в процессе обучения сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции, в том числе их руководящего состава, следует делать особый акцент на такой подготовке, которая в соответствии с п. 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года, позволит «обеспечить понимание ими потребности жертв»².

При обучении сотрудников полиции следует анализировать многочисленные положительные примеры служебной деятельности, в которых благодаря правильной организации службы, выполнении требований по обеспечению режима содержания под стражей, бдительности сотрудников, удается предупреждать суицидальное поведение, членовредительство или побег лиц, содержащихся под стражей. Эти примеры показывают реализацию идеи о неотвратимости ответственности лиц, совершивших преступления, а также правовой защиты потерпевших от преступлений.

В Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России,

выполняющем функции учебно-научного центра по приоритетному профилю подготовки «Деятельность охранно-конвойных подразделений полиции», указанному методическому приему при проведении учебных занятий уделяется особое внимание.

Заключение.

В государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345, закреплено положение о том, что повышение уровня профессионализма сотрудников органов внутренних дел достигается путем совершенствования подготовки сотрудников органов внутренних дел по образовательным программам профессиональной (первоначальной) подготовки, повышения квалификации, профессиональной переподготовки³. Поэтому в ходе реализации образовательных программ необходимо включение рассматриваемой проблематики в учебные вопросы, а также изучение практических ситуаций, в которых раскрывается роль охранно-конвойных подразделений полиции в механизме защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Подводя итог, отметим, что дальнейшее исследование сформулированного нами вопроса может оказать влияние на совершенствование организационных аспектов деятельности охранно-конвойных подразделений полиции, предупреждение чрезвычайных происшествий в виде побегов или суицидов лиц, содержащихся под стражей, повышение эффективности защиты жертв преступлений.

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года.

² Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года.

³ Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности : Государственная программа Российской Федерации : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2021 г. № 1541) // Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109150012> (дата обращения: 11.12.2021).

Список литературы

1. Шнайдер Г. Й. Криминология. Москва : Прогресс : Универс, 1994. 501 с.
2. Марцев А. И. Избранные труды. Омск : Омская академия МВД России, 2005. 272 с.
3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 2. Москва : Наука, 1994. 393 с.
4. Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. Москва : Наука, 1992. 229 с.
5. Гарманов, В. М. Назначение наказания при наличии исключительных обстоятельств: монография. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007. 124 с.
6. Майоров А. В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности : монография. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2013. 182 с.

References

1. Shnyder G. Y. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Progress: Univers; 1994. (In Russ.)
2. Martsev A. I. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005 (In Russ.)
3. Tagantsev N. S. *Russkoye ugolovnoye pravo*. [Russian criminal law]. Lectures. Part General. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1994. (In Russ.)
4. Fefelov P. A. *Mekhanizm ugolovno-pravovoy okhrany: Osnovnyye metodologicheskiye problem* [The mechanism of criminal law enforcement: Basic methodological problems]. Moscow: Nauka, 1992. (In Russ.)
5. Garmanov V. M. *Naznacheniyе nakazaniya pri nalichii isklyuchitel'nykh obstoyatel'stv* [Appointment of punishment in the presence of exceptional circumstances]. Tyumen: Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. (In Russ.)
6. Maiorov A. V. *Kontseptual'nyye osnovy viktimologicheskogo protivodeystviya prestupnosti* [Conceptual foundations of victimological counteraction to crime]. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2013. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гарманов Виктор Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации деятельности охранно-конвойных подразделений органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.
garmanov.v.m1978@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Victor M. Garmanov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Organization of the Activities of Security and Convoy Units of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75 Amurskaya st., Tyumen 625049, Russia.
garmanov.v.m1978@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.12.2021.

Дата рецензирования статьи: есть 18.12.2021.

Дата принятия статьи к опубликованию: 18.12.2021.

Виктимологическая экспертиза системы уголовного правосудия (обзор рекомендаций ООН)

Андрей Владимирович Майоров

*Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
ab_majorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>*

Аннотация. Внимание к фигуре жертвы преступления с каждым годом становится больше в проводимых исследованиях международного уровня. Роль жертвы преступления в системе правосудия обсуждается учеными многих стран. Виктимологические познания дают возможность расширить границы исследуемых направлений в сфере права. В данной статье развивается перспектива виктимологического исследования системы уголовного правосудия России, основанная на обзоре основных критериев удовлетворенности потребностей потерпевших от преступлений. Необходимость проведения оценки системы уголовного правосудия вызвана рекомендациями Организации Объединенных Наций, разработанных для обследования уровня виктимизации в обществе и определения уровня удовлетворенности потребностей потерпевших от преступлений, с целью изучения эффективности национальных и региональных систем правосудия. Проанализирована международная правовая база и точки зрения ученых по заявленной проблеме. Высказана авторская позиция о необходимости регулярного проведения виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия в стране, с учетом особенностей правовой системы и виктимизации российского общества. Внимание автора акцентируется на перспективе применения виктимологической экспертизы в рамках построения стратегии уголовной политики России.

Ключевые слова: виктимологические исследования, виктимизация, потребность потерпевших, жертва преступления, виктимологическая экспертиза, система правосудия, восстановительное правосудие

Для цитирования: Майоров А. В. Виктимологическая экспертиза системы уголовного правосудия (обзор рекомендаций ООН) // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 369–381.

Scientific article

Victimological Expertise of the Criminal Justice System (Review of UN Recommendations)

Andrey V. Mayorov

Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia

ab_majorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

Abstract. Attention to the figure of the victim of crime increases every year in ongoing research at the international level. The role of the victim of crime in the justice system is discussed by scholars in many countries. Victimological knowledge provides an opportunity to expand the boundaries of researched areas in the field of law. This article develops the perspective of the victimological study of the criminal justice system of Russia, based on the review of the main criteria of satisfaction of the needs of crime victims. The necessity of criminal justice system assessment is caused by the recommendations of the United Nations developed to survey the level of victimization in society and determine the level of satisfaction of crime victims in order to study the effectiveness of national and regional justice systems. The international legal framework and the views of scientists on the stated problem are analyzed. The author's position on the necessity of regular victimological examination of criminal justice system in the country, taking into account peculiarities of the legal system and victimization of Russian society is stated. The attention of the author is focused on the prospects of application of victimological expertise in the framework of building the strategy of criminal policy of Russia.

Keywords: victimological research, victimization, victims' need, crime victim, victimological expertise, justice system, restorative justice

For citation: Mayorov A. V. Victimological Expertise of the Criminal Justice System (Review of UN Recommendations). *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 369-381. (In Russ.)

Введение

Неотъемлемой частью системы уголовного правосудия являются жертвы преступлений. Роли жертве преступления в системе уголовного правосудия посвящено немало исследований как зарубежных, так и отечественных ученых. Неоднократно высказывалось общее мнение о том, что без должного внимания к жертвам преступлений невозможно достичь эффективного уголовного преследования. Однако, большинство проводимых исследований ориентировано на преступника.

Во многих системах уголовного правосудия о жертве преступления зачастую не уделяется должного внимания. Не всегда доступно потерпевшим полномасштабное участие в принятии решений, касающихся их самих же, они не получают необходимую помощь, поддержку и защиту. Возмещение вреда потерпевшим, как правило, оказывается недостаточным и поступает

со значительной задержкой, либо они не могут получить компенсацию за вред, причиненный в результате виктимизации. В результате потерпевшие от преступлений подвергаются повторной виктимизации со стороны самой системы правосудия.

В ноябре 1985 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (резолюция 40/34, приложение), рекомендуя меры, которые следует принимать на национальном, региональном и международном уровнях в целях улучшения доступа к правосудию и обеспечения справедливого обращения, реституции, компенсации, защиты и помощи для жертв преступлений и злоупотребления властью. В 1988 г. Экономический и Социальный Совет рекомендовал членам-государствам предпринять необходимые шаги для осуществления положений

Декларации (резолюция 1989/57). В 1998 г. Экономический и Социальный Совет утвердил План действий по осуществлению Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (резолюция 1998/21, приложение). Другие резолюции также направлены на обеспечение руководства по порядку функционирования систем правосудия в отношении различных конкретных групп жертв преступлений.

После принятия указанных правовых актов на международном уровне уважение к положению жертв преступлений во многих системах уголовного правосудия, значительно возросло. Радикально изменилось значение жертвы в судебном процессе. Потерпевших защитили от вторичной виктимизации в ходе судебного преследования, признали более активную роль по сравнению с ролью простого свидетеля обвинения и т. д. Но проблема эффективности системы уголовного правосудия продолжает оставаться не решенной во многих странах. Для разрешения этой проблемы в Организации Объединенных Наций (далее — ООН) разработали рекомендации по оценке системы уголовного правосудия, использование которых позволяет осуществить оценку системы уголовного правосудия как на национальном, так и на региональном уровне¹.

Материалы и методы

В работе проанализированы международные правовые акты, регламентирующие правовую основу реализации эффективной системы уголовного правосудия, защиты жертв преступлений, руководствующие документы ООН по оценке системы уголовного правосудия, научные исследования зарубежных и отечественных ученых по проблеме.

Методологию исследования составили методы анализа и синтеза полученной информации из исследуемых источников, а также методы индукции и дедукции при формулировании новой

дефиниции — виктимологическая экспертиза системы уголовного правосудия.

Одной из причин применения такого подхода к данной работе было то, что мало что было известно в доктрине о понятии, методике и методах проведения такого рода экспертиз.

Постановка проблемы

Большинство исследований, связанных с изучением системы уголовного правосудия, проводимых в стране, ориентированы на полицию, судебную систему и правонарушителей. О проблеме исследования системы уголовного правосудия в виктимологическом контексте известны лишь отдельные труды, посвященные изучению роли потерпевшего в уголовном процессе [См.: 9; 10; 11; 12]. Проблема виктимологической экспертизе системы уголовного правосудия должного внимания не уделено в отечественной доктрине.

Справедливая, эффективная и действенная система уголовного правосудия — это система, в которой уважаются основные права потерпевших, а также подозреваемых и правонарушителей. Задачи такой системы должны определяться необходимостью предотвращения виктимизации, предоставления защиты и помощи потерпевшим, а также отношения к ним с состраданием и уважать их достоинство, обеспечения доступа потерпевших к судебным и другим механизмам для своевременного возмещения причиненного им вреда. В такой системе правосудия жертвы преступлений должны иметь доступ и к специализированной помощи, необходимой для преодоления последствий эмоциональной травмы и для решения других проблем, обусловливаемых виктимизацией².

Говоря об эффективности системы уголовного правосудия необходимо отметить, что ее оценка не может быть полной без тщательного изучения вопросов: какое обращение с потерпевшими предусматривает эта система; как осуществляется доступ потерпевших к эффективным механизмам возмещения нанесенного им вреда; а также в каком объеме потерпевшие могут

¹ Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели : пособие по оценке системы уголовного правосудия. ООН, Нью-Йорк. 2010. 27 с. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_4_Cross-cutting_3_ebook.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

² Там же. С. 1.

получить помощь, защиту и поддержку, в которых они нуждаются. Стоит отметить, что каждый элемент системы уголовного правосудия на основе общих принципов вступает в контакт с потерпевшими, либо принимает решения, имеющие последствия для них, в зависимости от характеристики потерпевших или характера преступления. Наряду с этим, в целях обеспечения защиты и помощи в отношении некоторых особо уязвимых групп потерпевших (например, дети, женщины) предусматриваются специальные меры предосторожности. Кроме того, ввиду международного характера деятельности преступных групп, масштаб угрозы, которую они представляют для потерпевших, не ограничивается территорией одного государства, в силу таких причин для обеспечения защиты и поддержки жертв преступлений и их родственников необходим международный уровень сотрудничества элементов системы уголовного правосудия. Виктимологическую перспективу международного уголовного правосудия подробно исследовали A. Pemberton, R. M. Letschert, A.-M. de Brouwer, R. H. Haveman, основываясь на обзоре основных виктимологических характеристик международных преступлений, рассматривая степени соответствия процедур международного уголовного правосудия тому, чего оно реально может и должно достичь [6].

Закрепление статуса потерпевшего, влечет за собой целый ряд прав в ходе судебного разбирательства. Однако, несмотря на то, что свое независимое место в структуре системы правосудия, жертвы не имеют статуса, эквивалентного статусу Прокурора и защиты. Возможность участия жертв в уголовном процессе, предоставляемая им в силу нормативной базы, более ограничена по объему и характеру, чем права, предоставляемые сторонам. Тем не менее, жертвы имеют право принимать участие в процессах, рассматривающих вопрос об индивидуальной уголовной ответственности предполагаемого преступника (преступников), в специальных процессах с ограниченным объектом и целью, а также в процессах по возмещению ущерба после вынесения приговора.

Процессуальную роль потерпевшего изучали на разных этапах развития системы уголовного правосудия исследователи различных стран [См.: 1; 3; 4; 5; 8]. Основные выводы вытекающие из проведенных исследований говорят о проблемах защиты жертв в международных масштабах. Рассматривая различные подходы к системе правосудия — карательной и восстановительной ученые пришли к выводам о том, что существует ряд не решенных проблем. Жертвы преступлений во многих странах чувствуют себя повторно виктимизированными, не удовлетворены осуществлением коммуникации между жертвой и обвиняемым на различных стадиях судебной процедуры, уязвимы перед системой компенсации причиненного вреда и получили должного сострадания и поддержки, а также не чувствуют восстановления справедливости.

Виктимологическое направление привело к возрождению интереса к жертвам преступлений, и к многочисленным изменениям в том, как система уголовного правосудия реагирует на потерпевших. Еще в конце 80-х гг. прошлого столетия была предпринята попытка поднять вопрос об оценке влияния виктимологии на политику уголовного правосудия и обсудить последствия деятельности государств в интересах жертв преступлений [2].

Анализируя специальную литературу можно сказать, что интеграция жертвы в уголовное правосудие почти завершена, о чем свидетельствует внедрение различных прав жертвы преступления и программ их обслуживания во многих странах. Однако ряд исследователей утверждают, что интеграция практически не осуществлена, приводя в подтверждение существующую практику, связанную с реализацией прав жертв и программам их обслуживания [4]. Роль жертвы порождает страдание. В свою очередь «сострадание — это эмоция, которая заставляет нас понять страдание посредством воображения, которое ставит нас в положение страдающего. Оно обладает когнитивной ценностью, которая сочетает в себе как знание, так и заботу, представляя собой политическое измерение, которое особенно актуально при конструировании

виктимности и определении социального обращения с жертвами» [13].

Возникают вопросы, в чем же заключается успех реализации системы уголовного правосудия? И каковы критерии оценки эффективности системы уголовного правосудия с позиции потерпевшего (жертвы преступления)? Ответ на эти вопросы мы можем найти в положениях, изложенных в документах по оценке системы уголовного правосудия, разработанные ООН в 2004, 2010 гг.¹ Несмотря на то, что предлагаемые положения не обеспечивают детальной оценки положения жертв преступлений в отдельно взятой стране, они могут быть полезны при проведении общей оценки системы правосудия, позволяя определить эффективность различных элементов системы правосудия, а также проблемы, с которыми сталкиваются потерпевшие.

Результаты и обсуждения

Полагаем, что руководство указанными положениями дает возможность проведения так называемой виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия, которая позволяет выявить слабые стороны системы и воздействовать на них с целью снижения виктимизации в обществе, обеспечения реализации прав потерпевших и защиты жертв преступлений.

1. Задачи проведения виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия. Для оценки действующих в стране механизмов обращения с жертвами преступлений, защиты их прав и реагирования на их потребности, необходимо провести предварительный анализ существующих потребностей жертв и имеющихся ресурсов системы правосудия. Согласно рекомендации, разработанных ООН, с целью такой оценки эксперт, осуществляющий

исследование системы уголовного правосудия должен определить:

- уровень виктимизации в зависимости от типа преступления;
 - преобладающие схемы виктимизации и общие характеристики жертв преступлений;
 - потребности потерпевших в рамках юрисдикции и порядке их удовлетворения, включая потребности конкретных групп потерпевших (например, дети, иностранцы, женщины — жертвы насилия и т. д.);
 - доступность имеющихся ресурсов для удовлетворения этих потребностей и потенциал существующих органов для эффективного обеспечения защиты жертв преступлений и предоставления им помощи;
 - какие политические стратегии, процедуры и законы, касающиеся потерпевших, в настоящее время действуют в стране;
 - каким образом — в рамках каждой составляющей системы уголовного правосудия — на потерпевших воздействуют виды существующих процессуальных норм и каковы пути их совершенствования;
 - какой обеспечен для потерпевших доступ к различным формам компенсации, и при каких условиях (если таковые предусмотрены);
 - какое обращение применяется к жертвам злоупотребления властью и какими ресурсами и средствами доступа к возмещению вреда они располагают;
 - какие формы технической помощи были бы наиболее целесообразны для улучшения положения жертв преступлений и злоупотребления властью в стране.
- Источниками получения информации о правовой и нормативной базе защиты прав потерпевших, могут служить следующие документы:
- Законы, указы и постановления, а также принятые на их основе нормативные акты. Соответствующее законодательство как правило сосредоточено в уголовных кодексах, законах уголовного судопроизводства и специальных законах, относящихся к жертвам преступлений.
 - Правительственные программные документы, регламенты, указы и т. д.
 - Правительственные законодательные акты или постановления, учреждающие

¹ Руководство по разработке системы статистических данных в области уголовного правосудия. Методологические исследования. Серия F. № 89 // Статистический отдел Организации Объединенных Наций. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesF/SeriesF_89R.pdf (дата обращения: 20.09.2021); Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели; Manual on Victimization Surveys. UN, Geneva, 2010. 219 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/Manual_on_Victimization_surveys_2009_web.pdf. (дата обращения: 20.09.2021).

конкретные программы для жертв и свидетелей преступлений.

— Законодательные акты, касающиеся конкретных форм виктимизации (например, жестокое обращение с детьми, сексуальная эксплуатация детей, насилие в отношении женщин и т. д.), законодательные акты в области защиты детей, семейное право, законы об иммиграции, гражданстве и защите беженцев; различные аспекты деликтного права и гражданского права (вещное право, договорное право, закон об ответственности, закон о банкротстве)¹.

2. Материалы и методы виктимологической экспертизы. Статистические данные о преступности формируются, как правило, путем сбора данных о происшествиях, которые содержат информацию об инцидентах с уголовно-правовыми последствиями, попавших в сферу внимания полиции, и по правонарушителям, участвовавшим в этих правонарушениях. Сбор данных непосредственно о жертвах преступлений проводится редко. Статистика преступности не всегда обеспечивает надлежащее представление об уровне виктимизации в стране, поскольку она во многом зависит от готовности самих потерпевших сообщать о преступлении в полицию. Зачастую, что жертвы преступлений или злоупотребления властью не сообщают о происшествии органам власти, в том случае если они не доверяют представителям власти, либо не имеют достаточных оснований ожидать от них помощи. Однако, некоторые органы, ответственные за оказание помощи потерпевшим, могут осуществлять сбор данных о численности и характеристике потерпевших, прибегающих к их услугам; однако эти данные носят весьма ограниченный или локальный характер и, как правило, не могут полноценно использоваться для общего понимания положения жертв преступлений в стране. Для получения достоверных данных о жертвах преступлений необходимо проводить в стране, или ее части, обследование виктимизации с целью получения полных данных о жертвах преступлений и об их опыте взаимодействия с системой уголовного правосудия.

При проведении обследования виктимизации в стране или ее части применима стандартизованная методика, что позволяет обеспечить возможность проведения ряда сравнений в этой области на международном уровне. Письменными источниками получения статистических данных, о жертвах преступлений в стране могут служить следующие документы:

- статистика преступности;
- ежегодные сборники судебных решений;
- доклады Министерства юстиции;
- доклады Министерства внутренних дел и национальной полиции о преступности, отчеты пенитенциарной системы;
- некоторые статистические данные в области здравоохранения;
- доклады неправительственных организаций о положении потерпевших;
- материалы исследований, проводимых научными учреждениями.

3. Правовая база системы уголовного правосудия. Внедрение практики обращения с потерпевшими может не требовать внесения изменений в законодательство, однако во многих случаях принятие законодательства, подтверждающего права потерпевших, может нести положительный момент для системы уголовного правосудия страны.

Наиболее важные изменения введены посредством конкретных поправок к законодательству в отношении существующих процедур, требований доказательности, вынесения приговора и других аспектов процессуального права. Некоторые из этих изменений предназначены для конкретной группы потерпевших (например, жертв насилия в отношении женщин, детей-жертв, жертв сексуальных домогательств, жертв торговли людьми и т. д.), другие же могут носить и более общий характер.

4. Оценка доступа к правосудию. Сбор большого объема данных, непосредственно свидетельствующих о предоставлении потерпевшим доступ к правосудию и справедливое обращение, в целом не возможен. Такого рода сбор информации осуществляется на основе реального опыта потерпевших, соприкоснувшихся с системой правосудия, что представляется

¹ Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели. С. 4.

затруднительным ввиду выявления ре-спондентов. Однако общую картину виктимологического анализа составят основные факторы, которые согласно положений рекомендаций ООН, представляют интерес для потерпевших:

— Насколько справедливое и сострадательное обращение с потерпевшими обеспечивают различные составляющие системы уголовного правосудия?

— Получают ли потерпевшие надлежащую защиту?

— Имеют ли потерпевшие доступ к компенсации, в частности реституции?

— Имеют ли потерпевшие доступ к компенсации, обеспечиваемой государством?

— Получают ли потерпевшие достаточную помощь, необходимую для преодоления ближайших и более отдаленных последствий виктимизации, которой они подверглись?¹

Оценивая по этим направлениям следует обратить внимание на то, что некоторые из этих вопросов могут рассматриваться лишь в определенных частях страны, решаться только в интересах определенного типа потерпевших, или же ограничиваться определенными обстоятельствами дела. Следует также учитывать и то, что отдельные группы потерпевших (например дети, женщины, инвалиды), характеризуются особыми потребностями, которым необходимо уделять особое внимание. При этом следует учесть и возможное наличие дискриминационных процессуальных норм, влияющих на обращение с некоторыми группами потерпевших.

Необходимость обеспечения прав потерпевших в рамках всей системы правосудия принимает форму ряда конкретных обязанностей, возложенных на каждый элемент составляющий эту системы. Оценка способности системы правосудия должна включать анализ масштабов предпринятых каждым из ее элементов эффективных мер реагирования на потребности потерпевших.

5. Взаимодействие потерпевшего и правоохранительных органов. Как правило первым органом, в который

обращаются жертвы преступлений, является полиция. Этот контакт является ключевым для потерпевших, т. к. может повлиять на их виктимность и последствия виктимизации. Совершенствование мер реагирования полиции на потребности потерпевших, как правило, зависит от принятия внутренних стратегий и руководящих принципов, разработки протоколов межведомственного сотрудничества, эффективной профессиональной подготовки сотрудников и предоставления им ряда практических инструментов для применения эффективных мер содействия жертвам преступления. Оценка деятельности полиции по учету потребностей жертв преступлений, согласно рекомендаций ООН, может включать следующие вопросы:

— Существуют ли процедуры, обеспечивающие удовлетворение потребностей потерпевших в отношении безопасности и предотвращения их дальнейшей виктимизации?

— Способны ли сотрудники полиции своевременно реагировать на просьбы потерпевших и свидетелей о предоставлении защиты или помощи?

— Проходят ли сотрудники полиции какую-либо общую профессиональную подготовку по вопросам потребностей и проблем жертв преступлений, а также прав потерпевших?

— Создавались ли специальные полицейские отряды в целях более эффективно противодействия определенным типам виктимизации (например, жестокое обращение с детьми, насилие в семье, торговля людьми и т. д.)?

— Могут ли сотрудники полиции направлять потерпевших в службы помощи потерпевшим?

— Предоставляют ли сотрудники полиции жертвам преступлений информацию об их правах и потенциальной возможности получения компенсации или возмещения убытков?

— Способны ли сотрудники полиции обеспечить защиту и помощь потерпевшим, говорящим не на родном языке; и т. д.²

¹ Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели. С. 11–12.

² Там же. С. 9–10.

В системе уголовного правосудия предусмотрен государственный обвинитель, на которого возлагаются обязанности по защите прав потерпевших — участников уголовного преследования. Роль прокурора в уголовных делах уникальна тем, что они выступают от имени государства, а не конкретной жертвы преступления. Многие жертвы преступлений не вступают в контакт с обвинителем, так как их виктимизация не ведет к фактическому судебному преследованию правонарушителя. Принятые ООН Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, требуют, чтобы лица, осуществляющие судебное преследование, рассматривали мнения и озабоченность жертв, когда затрагиваются их личные интересы, и обеспечивали ознакомление потерпевших с их правами. Существует ряд мер, которые могут принимать обвинители в целях защиты прав потерпевших, их оценка зависит от решения ряда вопросов:

— Каким образом органы прокуратуры обеспечивают реагирование на потребности и беспокойство потерпевших и свидетелей, в особенности уязвимых лиц (детей, жертв насилия в семье, жертв сексуальных преступлений)?

— Проходят ли лица, осуществляющие судебное преследование, профессиональную подготовку по вопросам потребностей, беспокойности и прав потерпевших и свидетелей?

— Существует ли программа помощи для потерпевших/свидетелей с участием обвинителя?

— Имеется ли какая-либо информация о степени удовлетворенности потерпевших/свидетелей их взаимодействием с органами прокуратуры?

— Имеют ли органы прокуратуры доступ к службам и программам защиты потерпевших?

— Предоставляют ли обвинители помощь потерпевшим при обращении последних по вопросу о получении реституции и своевременного возврата принадлежащего им имущества?

— Как прокуратура обеспечивает постоянное информирование потерпевших о состоянии их дел, включая решения

относительно возбуждения дела, вынесение решений и приговоров?¹

6. Роль потерпевших в системе правосудия. Системы уголовного правосудия предусматривают различные уровни и формы участия потерпевших в уголовном судопроизводстве. Однако в большинстве случаев эта роль минимальна. Судьи могут обеспечить существенную защиту потерпевших. Судьи играют важную роль в обеспечении вежливого, уважительного и справедливо-го обращения с потерпевшими; безопасности потерпевших и свидетелей, вызываемых в суд для дачи показаний. При определении меры наказания, которое должно быть назначено, судьи могут включить информацию о последствиях преступления для потерпевшего, и в случаях, предусмотренных законом, это означает включение в приговор мер возмещения. Оценка эффективности деятельности суда по учету потребностей потерпевших эксперт может дать на основании полученных ответов на ряд вопросов, среди которых рекомендуется учесть:

— Проходят ли члены судейского корпуса подготовку по вопросам потребностей, беспокойности и прав потерпевших, а также относительно своих обязанностей в отношении защиты потерпевших/свидетелей?

— Учитываются ли особые потребности лиц, относящихся к уязвимым группам (например, женщин, детей, жертв сексуального насилия или насилия в семье), в рамках существующих стратегий, процессуальных норм и услуг?

— Предусмотрен ли персонал, основной задачей которого является работа с потерпевшими и свидетелями?

— Получают ли потерпевшие и свидетели информацию о доступных услугах и о защитных мерах, которые могут быть приняты по их просьбе?

— Может ли суд решить вопрос о применении защитных мер, таких как сохранение анонимности потерпевших/свидетелей, если существует серьезная угроза запугивания со стороны ответчика или угроза физической безопасности?²

¹ Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели. С. 11.

² Там же. С. 11–12.

7. Защищенность потерпевших. Доступ потерпевших к правосудию включает необходимость принятия эффективных мер по защите и обеспечению безопасности как самих потерпевших, так и членов их семей. Потерпевшие могут опасаться запугивания или мести со стороны правонарушителя, при этом они рассчитывают на то, что система уголовного правосудия защитит их и членов их семей. Страхи имеют место в случаях близких отношений между потерпевшим и правонарушителем (например, насилие в семье) или если правонарушитель является членом преступной группировки или организации. Испытывают страх от запугивания или мести, как правило, жертвы злоупотребления властью или коррупции, которые зачастую не способны доверять государственным должностным лицам, органам поддержания правопорядка и судебной системе. Частью дискуссии о масштабе и характере большого числа мер и программ защиты потерпевших является вопрос о том, распространяются ли они на всех потерпевших или только на тех, которые необходимы в качестве свидетелей.

Вопросы, которые помогут эксперту выяснить степень защищенности потерпевших от преступлений, могут быть следующие:

— Какими мерами располагают суды для защиты жертв преступлений (охранные приказы, приказы о недопустимости контактов, условия освобождения под залог, сопровождение для потерпевших/свидетелей, вспомогательные средства для дачи показаний и т. д.)?

— Получают ли специалисты профессиональную подготовку в области выявления и пресечения запугивания потерпевших, в особенности детей?

— Какие предусмотрены меры для обеспечения физической безопасности потерпевших за пределами суда (до и после разбирательства)?

— Располагает ли полиция специальной программой для предоставления усиленной защиты?

— Какие предусмотрены меры для защиты потерпевших от запугивания во время разбирательства или во время дачи свидетельских показаний?

— Существуют ли положения, допускающие защиту судами личной жизни и, в случае необходимости, личности жертв преступлений?

— Существует ли специальная программа помощи и защиты потерпевших/свидетелей?

— Имеются ли какие-либо данные, характеризующие уровень доверия граждан к системе уголовного правосудия, полиции, а также способности системы предоставить защиту жертвам преступлений?

— Какие меры согласно законодательству могут быть приняты в целях защиты личной жизни потерпевших от разглашения информации об их личности средствами массовой информации?¹

8. Реституция и компенсация потерпевшим. Реституция должна включать возврат собственности или выплату за причиненный вред и ущерб, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах. Реституция может осуществляться рядом способов и на разных ступенях системы: как условие probation, как собственно мера наказания или как дополнительное наказание. Для того чтобы реституция была назначена судом или являлась частью иного процесса, должна быть представлена информация о понесенном потерпевшим ущербе, потери должны быть тем или иным способом оценены, а также должна быть рассмотрена возможность правонарушителя обеспечить реституцию. Однако, всегда остается открытым вопрос о том, насколько эффективно выполняются приказы о назначении реституции и предусмотрены ли какие-либо последствия для правонарушителей, не выполняющих приказ о реституции. Важным вопросом для оценки эффективности системы правосудия в данном случае является: Допускают ли законы и нормативно-правовые акты страны назначение реституции в качестве части приговора, либо как вариант наказания, либо в дополнение другим уголовным наказаниям?

Компенсация потерпевшим является наиболее реальным способом предоставления финансовой помощи жертвам

¹ Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели. С. 16–17.

преступлений и злоупотребления властью. В тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации. Некоторые страны приняли законодательство и установили специальные механизмы для предоставления компенсации. В тех случаях, когда правонарушитель является представителем государства или действует от имени государства, то государство несет ответственность за компенсацию потерпевшим вреда, причиненного им в результате виктимизации. Существуют несколько схем компенсации жертвам. Однако необходимо установить: Имеется ли в стране схема или программа компенсации жертвам?

9. Помощь жертвам преступлений.

Всем жертвам преступлений необходимо оказывать материальную, медицинскую, психологическую и социальную помощь по правительственным, добровольным и местным каналам. При оценке доступности в стране услуг помощи жертвам, эксперт сталкивается с вопросами охвата (географический, городской или сельский и т. д.), доступности и качества предоставляемых услуг. Многие из доступных услуг зачастую предоставляются конкретным группам потерпевших и обязательно другим группам (например, услуги жертвам посягательств сексуального характера, жертвам насилия в семье, детям-жертвам, жертвам торговли людьми и т. д.). Обычно такие услуги предоставляются разными органами, деятельность которых практически не координируется и которые зачастую конкурируют при получении ресурсов. Предлагаемые услуги могут отличаться от фактически предоставляемых услуг. Часто финансирование таких услуг имеет нерегулярный характер, а диапазон предоставляемых услуг ограничен. Некоторые базовые услуги (информация, программа помощи, направления) могут предоставляться полицией и другими органами уголовного правосудия (прокуратура, суды и т. д.). Другие услуги (медицинская помощь) носят более специализированный характер.

Оценивая эффективность помощи жертвам преступлений эксперту рекомендовано получить ответы на ряд вопросов:

— Проводится ли в стране политика предоставления помощи потерпевшим?

— Существует ли перечень специализированных учреждений, предоставляющих услуги жертвам преступлений?

— Осуществляется ли координация деятельности учреждений, предоставляющих помощь потерпевшим (на местном или национальном уровнях)?

— Могут ли потерпевшие получать помощь в преодолении физических последствий преступления (например, ремонт имущества, восстановление собственности, меры по обеспечению безопасности, доступ к услугам здравоохранения, расходы на захоронение и т. д.)?

— Могут ли в целом потерпевшие, которые нуждаются в этом, получать консультативную и рекомендательную помощь для пострадавших в результате виктимизации?¹

Заключение

В заключении необходимо сказать, что проведение в нашей стране регулярных исследований виктимизации позволит изучить не только существующие схемы виктимизации, но и опыт взаимодействия потерпевших с системой уголовного правосудия. Такого рода мониторинг дает возможность оценить уровень удовлетворенности потерпевших результатами взаимодействия с системой уголовного правосудия и ее эффективность, а также выявить направления возможного совершенствования уголовной политики России. Совершенствование практики обращения с жертвами преступлений, может включать следующие направления: укрепление законодательной базы, а также определяемой ею практики обеспечения прав потерпевших в целом; обеспечения прав детей-жертв, женщин-жертв и жертв гендерного насилия; обеспечения прав жертв злоупотребления властью; обеспечения уважения прав потерпевших; развитие национальных стратегий обеспечения

¹ Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели. С. 20.

помощи жертвам и защиты жертв преступлений; развитие потенциала существующих организаций и учреждений, необходимого для организации служб помощи потерпевшим и т. д.

Описанная выше оценка системы уголовного правосудия включает в себя не только сбор информации и проведение исследования, но и наличие специальных познаний в области права и виктимологии. В этой связи предлагается выделить в самостоятельный вид экспертиз, сформулировать и ввести в научный оборот понятие

виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия.

Под виктимологической экспертизой системы уголовного правосудия предлагается понимать, проводимое экспертом исследование, направленное на диагностику состояния удовлетворенности потребностей жертв преступлений, установление достоверной информации о предотвращении виктимизации, предоставлении защиты и помощи потерпевшим, обеспечении доступа к судебным и другим правовым механизмам возмещения причиненного вреда.

Список источников

1. Aloba E. E., Inaku J. An appraisal of the principle of restorative justice in the ngerian criminal justice system // *International Journal of Engineering Technologies and Management Research*. 2018. vol. 5, no. 12. P. 134–145. <https://doi.org/10.5281/zenodo.2532220>
2. Erez E. The Impact of Victimology on Criminal Justice Policy // *Criminal Justice Policy Review*. 1989. vol. 3, no. 3. P. 236–256. doi:10.1177/088740348900300302
3. Krapac D. The Victim's Procedural Role in the Yugoslav Criminal Process // *Review of Socialist Law*. 1985. vol. 11, no. 1. P. 369–386. doi: <https://doi.org/10.1163/187529885X00331>
4. Lucken K. Victims and the Criminal Justice System: The Vagaries of Integration // *International Review of Victimology*. 1999. vol. 6, no. 2. P. 137–157. doi:10.1177/026975809900600204
5. Ofori-Dua K., Onzaberigu N. J., Nimako R. K. Victims, the Forgotten Party in the Criminal Justices System: The Perception and Experiences of Crime Victims in Kumasi Metropolis in Ghana // *Journal of Victimology and Victim Justice*. 2019. vol. 2, no. 2. P. 109–128. doi:10.1177/2516606919885516
6. Pemberton A., Letschert R. M., de Brouwer A.-M., Haveman R. H. Coherence in International Criminal Justice: A Victimological Perspective. // *International Criminal Law Review*. 2015. vol. 15. no. 2. P. 339–368. doi: <https://doi.org/10.1163/15718123-01502004>
7. Safferling C. The Role of the Victim in the Criminal Process—A Paradigm Shift in National German and International Law? // *International Criminal Law Review*. 2011. vol. 11. no. 2. P. 183–215. doi: <https://doi.org/10.1163/157181211X559653>
8. Shah S. A., Balasingam U., Salman N. W., Dhanapal S., Ansari K.-M. S. Restorative Juvenile Justice System in Pakistan: An Overview // *International Journal of Criminal Justice Sciences*. 2020. vol. 15. no. 1. P. 266–282. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3890056>
9. Горшкова Г. С. О правовом статусе потерпевшего в уголовном судопроизводстве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2010. № 3. С. 179–186.
10. Калинин В. Н. Законодательное совершенствование процессуального статуса потерпевшего в уголовном процессе // *Вестник Московского университета МВД России*. 2014. № 10. С. 232–243.
11. Стуров С. В. О понятии и роли потерпевшего в уголовном процессе // *Юристъ—Правоведь*. 2009. №1. С. 53–56.
12. Хаиров Ю. И. Некоторые проблемы судебной защиты прав потерпевшего // *Вестник экономики, права и социологии*. 2007. №3. С. 80–90.
13. Ibanez J. G. Justice and compassion policy concerning victims // *Journal of victimology*. 2018. № 7. P. 77–106. <https://doi.org/10.12827/RVJV.7.03>

References

1. Alobo E. E., Inaku J. An appraisal of the principle of restorative justice in the Nigerian criminal justice system. *International Journal of Engineering Technologies and Management Research*. 2018;5(12):134-145. <https://doi.org/10.5281/zenodo.2532220>
2. Erez E. The Impact of Victimology on Criminal Justice Policy. *Criminal Justice Policy Review*. 1989;3(3):236-256. doi:10.1177/088740348900300302
3. Krapac D. The Victim's Procedural Role in the Yugoslav Criminal Process. *Review of Socialist Law*. 1985;11(1):369-386. doi: <https://doi.org/10.1163/187529885X00331>
4. Lucken K. Victims and the Criminal Justice System: The Vagaries of Integration. *International Review of Victimology*. 1999;6(2):137-157. doi:10.1177/026975809900600204
5. Ofori-Dua K., Onzaberigu N. J., Nimako R. K. Victims, the Forgotten Party in the Criminal Justice System: The Perception and Experiences of Crime Victims in Kumasi Metropolis in Ghana. *Journal of Victimology and Victim Justice*. 2019;2(2):109-128. doi:10.1177/2516606919885516
6. Pemberton A., Letschert R. M., de Brouwer A.-M., Haveman R. H. Coherence in International Criminal Justice: A Victimological Perspective, *International Criminal Law Review*. 2015;15(2):339-368. doi: <https://doi.org/10.1163/15718123-01502004>
7. Safferling C. The Role of the Victim in the Criminal Process – A Paradigm Shift in National German and International Law? *International Criminal Law Review*. 2011;11(2):183–215. doi: <https://doi.org/10.1163/157181211X559653>
8. Shah S. A., Balasingam U., Salman N. W., Dhanapal S., Ansari K.-M. S. Restorative Juvenile Justice System in Pakistan: An Overview. *International Journal of Criminal Justice Sciences*. 2020;15(1): 266-282. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3890056>
9. Gorshkova G. S. On the legal status of the victim in criminal proceedings. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences]. 2010;(3):179-186. (In Russ.)
10. Kalinin V. N. Legislative improvement of the procedural status of the victim in criminal proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2014;(10):232-243. (In Russ.)
11. Sturov S. V. On the concept and role of the victim in criminal proceedings. *Yurist – Pravoved* [Jurist – Jurisprudence]. 2009;(1):53-56.
12. Kairov Yu. I. Some problems of judicial protection of the rights of the victim. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. 2007;(3):80-90. (In Russ.)
13. Ibanez J. G. Justice and compassion policy concerning victims. *Revista de Victimologia* [Journal of Victimology]. 2018;(7):77-106. <https://doi.org/10.12827/RVJV.7.03> (In Spanish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майоров Андрей Владимирович, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

ab_majorov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Mayorov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law Department, Ural State Law University.

21. Komsomolskaya st., Ekaterinburg 620137, Russia.

ab_majorov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

Дата поступления статьи / Received: 21.11.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.12.2021.

Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 15.12.2021.

Кибертерроризм как новая угроза

Пучков Денис Валентинович

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
d.puchkov@loys.law, <https://orcid.org/0000-0002-5318-0338>

Аннотация. В статье рассмотрена одна из наиболее опасных сфер киберпреступности — кибертерроризм как новая угроза обществу. Определены уголовно-правовые проблемы отсутствия понятия «кибертерроризм» как в Отечественном, так и в Зарубежном законодательстве. Установлены основные направления развития кибертерроризма в кибернетическом пространстве и выявлены проблемы квалификации акта кибертерроризма как общепринятого террористического акта и его разграничения от незаконного посягательства на критическую информационную структуру Российской Федерации. Предлагаются внесение в действующее уголовное законодательство соответствующих изменений, а именно дополнение ст. 274.1 УК РФ особо-квалифицирующим признаком, а также обосновывается необходимость разъяснений положений ст. 205 УК РФ на уровне Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: киберугрозы, кибератаки, кибертерроризм, уголовно-правовая охрана, кибербезопасность, информационная безопасность

Для цитирования: Пучков Д. В. Кибертерроризм как новая угроза // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 382–390.

Scientific article

Cyberterrorism as a New Threat

Denis V. Puchkov

Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia
d.puchkov@loys.law, <https://orcid.org/0000-0002-5318-0338>

Abstract. The article examines one of the most dangerous spheres of cybercrime — cyberterrorism as a new society threat. Both domestic and foreign legislation absence of criminal law definition for “cyberterrorism” is discussed. The author establishes the key dimensions of cyberterrorism development in cybernetic space and identifies the issues of qualifying regarding to an act of cyberterrorism as a generally accepted terrorist act and its differentiation from an illegal tampering with critical informatic structure of the Russian Federation. The author also suggests such amendments to the current Russian criminal law legislation as addition the article 247.1 of Criminal Code of the Russian Federation with especially aggravating circumstance and explains the necessity of making explanations of the article 205 of Criminal Code of the Russian Federation by the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: cybertechnologies, cyberthreats, cyberattacks, cyberterrorism, regulation by criminal law, cybersecurity, cybercrime

For citation: Puchkov D. V Cyberterrorism as a New Threat. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021, vol. 8, no. 4, pp. 382-390. (In Russ.)

Введение

Сегодня можно говорить о формировании электронной «нервной системы» развития, реализующейся в форме всепроникающей цифровой инфраструктуры, в рамках которой у подавляющего большинства организаций и населения имеется доступ в сеть «Интернет», а значительная доля людей при этом использует мобильные средства коммуникации. Масштабы их распространения, охват населения и значимость для человека позволила им занять значительное место даже в развивающихся странах. Следовательно, меры уголовно-правового противодействия становятся основным способом нивелирования преступных деяний в этой сфере.

Учитывая нахождение киберпреступности в кибернетическом пространстве, которое, как мы выяснили, не имеет каких-либо национальных границ, следует смело говорить о транснациональном характере данного вида преступности.

Транснациональная преступность классифицирована Организацией Объединенных наций и включает в себя 17 групп, в том числе компьютерные преступления.

Однако компьютерная информация проникает во все сферы жизнедеятельности человека, а, следовательно, способна влиять на все общественные отношения, в том числе достаточно чувствительные.

Наиболее опасной сферой киберпреступности является кибертерроризм.

Важно подчеркнуть, что в Конвенции Совета Европы о киберпреступности, которая вступила в силу 1 июля 2004 г.¹ некоторые преступные действия, широко обсуждаемые, но до сих пор спорные с точки зрения способов их криминализации, не отделяются в самостоятельные группы, при всей насущной необходимости гармонизации законодательства по всему миру. Одно из таких действий — «кибертерроризм» и использование

киберпространства для террористических целей (к примеру, вовлечение в осуществление преступления террористического характера либо другое содействие их реализации). При этом отсутствие общего определения понятия терроризма на международном уровне в наши дни затрудняет дискуссии о кибертерроризме как о явлении, криминализация которого чрезвычайно важна в качестве универсальной для международного сообщества в целом, что, в свою очередь, не мешает странам и международным организациям прилагать огромные усилия по борьбе с использованием Интернета террористическими организациями — к примеру, на уровне Европейского Союза существует проект Clean IT, основной целью которого является комплексная борьба с данным явлением.

Описание исследования

К сегодняшнему дню на государственном уровне в России общепринятого понимания «кибертерроризм» не существует. В свою очередь, исследовательской службой Конгресса США сформулированы два основных подхода в понимании кибертерроризма:

— «основанный на эффекте. О кибертерроризме можно говорить, если компьютерные атаки порождают чувство страха, сопоставимое с традиционными актами терроризма, даже если атака проведена не террористами, а преступниками.

— основанный на намерениях. Кибертерроризм — незаконная, политически мотивированная компьютерная атака, проводимая в целях запугивания или принуждения правительства, или граждан для достижения дальнейших политических целей, или для нанесения большого ущерба или серьезного экономического урона» [2, р. 3].

Кибертерроризм трактуется посредством «умышленной, политически мотивированной атаки на информационные компьютерные системы, компьютерные программы и данные, проводимые субнациональными группами или секретными агентами в отношении невоенных целей, результатом которой являются

¹ Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) : заключена в Будапеште 23 ноября 2001 г. // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 15.04.2021).

насильственные действия»¹. При этом есть и другое мнение, что «к кибертерроризму возможно отнести любые действия террористов в сети, иначе таковым является любое использование Интернета в террористических целях»². Иную, более широкую трактовку воспроизводят М. Девост, Н. Поллард и Б. Хьютон, которыми кибертерроризм понимается как «сознательное злоупотребление цифровыми информационными системами, сетями или компонентами этих систем или сетей в целях, которые поддерживают или обеспечивают проведение террористических операций или актов» [4].

Кибертерроризм также был квалифицирован как атаки или серии атак террористов на ключевые объекты информационной инфраструктуры и попытки внушения чувства страха от их разрушительных последствий через политические, религиозные или идеологические рычаги [6, р. 14]. Эти определения имеют одну общую черту — действия должны быть актами, нацеленными на распространение общественных страхов и основываться на террористических намерениях и мотивах.

Существование значительной опасности кибертерроризма формируется, как правило, на основе невосприятости при осуществлении подобных террористических акций национальных границ, благодаря чему атаки могут совершаться из любой точки мира. Кибертерроризму как специфическому виду деятельности террористических групп свойственны определенные преимущества, среди которых Г. Вейманом выделены такие следующие:

— «методы кибертерроризма гораздо дешевле традиционных террористических инструментов;

— кибертерроризм дает большую анонимность, так что службам безопасности крайне сложно идентифицировать личность террориста в сети;

— глобальная сеть предоставляет огромный выбор целей для проведения эффективной кибератаки;

— акты кибертерроризма могут осуществляться дистанционно, тем самым сокращаются расходы на физическую и психологическую подготовку бойцов, а также снижается число потерь среди террористов;

— кибертерроризм обладает потенциалом более широкого прямого воздействия за счет возможности проведения атаки на огромное число пользователей в Сети, а также широкого освещения в СМИ, что является значимым фактором для террористов» [9, р. 6].

Практическая реализация кибертехнологий в деятельности террористических организаций способствовала существенному изменению как их деятельности, так и организации. Благодаря их применению произошел значительно быстрый переход к использованию сетевой структуры. Такая организация террористической деятельности способствовала повышению ее эффективности благодаря использованию глобальной сети для усиления кадрового и боевого потенциалов террористических организаций, а также «осуществлением пропаганды, проведением финансовых операций и операционного планирования, сбором информации, поддержанием связи и т. д.» [4], что, несомненно, также потребовало от государств необходимой степени уголовно-правового реагирования.

Террористическое киберпространство в данном случае включает в себя использование информационно-коммуникационных технологий, которые разработаны или предназначены для уничтожения или серьезного нарушения ключевых объектов инфраструктуры или важной информации. Развитие событий в компьютерных системах и сетях в настоящее время фактически размыли различия между киберпреступностью и кибертерроризмом.

Другим аспектом использования кибертехнологий террористическими группами явилось осуществление активной незаконной деятельности в сети «Интернет», направленной, прежде всего на обеспечение финансирования. Это во многом

¹ Singer P. The Cyber Terror Bogeyman. Brookings. November, 2012. URL: <http://www.brookings.edu/research/articles/2012/11/cyber-terror-singer> (дата обращения: 16.04.2021).

² Цит. по : Kaplan, Eben. Terrorists and Internet // Council on Foreign Relations. 2009. 8 Jan. URL: <https://www.cfr.org/background/terrorists-and-internet> (дата обращения: 16.04.2021).

объясняется достаточно высоким уровнем прибыльности совершаемых обще криминальных преступлений (компьютерные кражи, кражи личных данных, махинации с банковскими картами и т. д.), которые часто превышает показатели доходности от торговли наркотиками [1, р. 2]. Поэтому можно сказать, что кибертеррористами используется весь известный криминальный потенциал кибертехнологий и злоупотреблений в Сети, в связи с чем, часто возникают сложности при квалификации совершаемых кибератак действительно к кибертерроризму из-за возникающих противоречий при определении мотивов или источников киберпреступлений.

Таким образом, можно заключить, что в киберпространстве понятие терроризма подразумевает киберпреступность как акт терроризма. Категорией киберпреступности и криминального злоупотребления возможностями информационно-коммуникационных технологий в киберпространстве являются террористические атаки. Для описания этого явления часто используется термин «кибертерроризм», но при его использовании важно понимать, что это не совсем новая категория преступлений. Кибертерроризм предназначен для запугивания или принуждения правительства, народа к определенным политическим или социальным действиям. Согласно этой логике, атака должна приводить к насилию в отношении лиц или имущества или, по меньшей мере, наносить серьезный ущерб.

Это позволяет говорить о значительных изменениях в идеологической доктрине и стратегических направлениях деятельности террористических группировок, принимающих во внимание весь потенциал использования кибернетических технологий. Ими в полном объеме стали использоваться все методы и формы реализации «информационной войны». В частности, исследователями выделены ряд ключевых видов информационных операций и направлений деятельности, реализуемых террористическими группировками повседневно:

— «Атаки на компьютерные сети. Проведение электронного (или кибер) джихада стало одной из важных целей сторонников

глобального джихада, которые активно используют потенциал Интернета в священной войне против Запада. В основном электронный джихад осуществляется посредством искажения информации или проведения DDoS-атак на сайты, контент которых противоречит ценностям ислама.

— Безопасность операций. Террористы вынуждены широко использовать методы защиты информации и конспирации, так как успех их операций зависит от сохранения секретности.

— Психологические операции. В основном психологические операции террористических групп направлены на продвижение насилия и запугивание гражданского населения посредством угроз смерти и разрушения (наибольший эффект достигается через видео и аудио материалы). Также террористы прибегают к психологическому воздействию в целях пропаганды, направленной на обращение детей в джихад и привлечение молодежи в свои ряды»¹.

Исходя из этого, следует констатировать развитие тенденций к росту технологической подготовленности террористических групп, деятельностной интеграции основных кибернетических технологий в собственную инфраструктуру, включая, в том числе и активное их использование для обеспечения собственной безопасности. Тем не менее, полученные Национальным антитеррористическим центром США сведения указали на то, что из 63 192 террористических актов, случившихся за период (1995–2005 гг.), ни один не был признан случаем кибертерроризма². На наш взгляд, все это связано с неоднозначностью понятий

¹ Основные виды информационных операций, к которым прибегают террористы даны по: Littleton M. Information Age Terrorism toward Cyberterror // Naval Postgraduate School. December 1995. URL: <https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/7469/95Dec-Littleton.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 16.04.2021); Denning D. Information Operations and Terrorism. 2005 18 Aug. URL: https://www.researchgate.net/publication/255618829_Information_Operations_and_Terrorism_PREPRINT (дата обращения: 16.04.2021).

² Knake R. K. Cyberterrorism Hype v. Facts / Council on Foreign Relations. 2010 16 Feb. URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/cyberterrorism-hype-v-fact> (дата обращения: 16.04.2021).

«кибертерроризма», о которых мы говорили выше, но и не только.

Действительно, ряд развитых стран, в том числе США ожидали кибератак террористических организаций, но исходя из доклада Федерального Бюро Расследований США этого не произошло, в силу осознания террористическими организациями того обстоятельства, что, используя кибернетические атаки, они не способны достигнуть основные цели и задачи террористического акта, выражающихся в устрашении населения и создании реальной опасности гибели человека, что является основополагающим для террора. Дополнительным фактором для отказа террористических организаций от кибератак стало отсутствие в рядах таких организаций профессиональных преступников-программистов. По мнению ФБР, большую угрозу, представляют программисты, оказывающие помощь террористическим организациям¹.

На наш взгляд, данные выводы Американских исследователей имеют под собой достаточно серьезные основания заложенные, в том числе и в российском уголовном законодательстве, а также в общественном сознании людей.

Например, при осуществлении террористического акта человек находится в страхе, прежде всего, за свою жизнь и жизнь своих близких, учитывая реальность гибели. Однако, в отношении кибернетических технологий, несмотря на имеющую уязвимость, человек не ощущает чувство страха смерти от находящегося у него в руках мобильного или компьютерного устройства, от используемой им кибернетической технологии. Данное происходит по причине ощущения себя в другом мире, не представляющем угрозы жизни человека.

Так, диспозиция статьи 205 УК РФ (террористический акт) не предусматривает в качестве средства или объекта преступления компьютерную технику, электронные или информационные телекоммуникационные

сети, так как понятие «терроризм» использовалось в международной практике для описания криминальных действий задолго до того, как были внедрены технологии электросвязи и компьютерных сетей.

Однако, в п. 3 вышеуказанного Пленума Высшая судебная инстанция, допускает в качестве способа совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ, в части угрозы террористического акта использование радио, телевидения или иных средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, следует констатировать, что, по мнению Высшей инстанции электронные и информационно-телекоммуникационные сети не являются объектами террористических актов, но могут быть средством их совершения, учитывая возможность массового распространения информации с использованием данных средств, что на наш взгляд не является вполне корректным.

Не исключается, что достижение уровня страха человека возможно исключительно оказанием давления на его моральные и нравственные чувства, которые непосредственно связаны с его личностью. Однако, цель в данном случае состоит в том, чтобы посеять страх, вызвав панику и неопределенность в обществе с целью оказания влияния на правительство или граждан посредством насаждения той или иной политической, социальной или идеологической повестки дня².

Так, из доклада Разведывательного управления США «О Всемирной угрозе» 2019 г., следует, что правительство США ожидает и опасается угроз кибератак на критическую важную инфраструктуру в сфере здравоохранения, финансов, правительства и экстренных служб, с целью их разрушения [3].

Аналогичные опасения существуют и в Российской Федерации. В этой связи криминализация неправомерного воздействия

¹ Cronin C. The Growing Threat of Cyberterrorism Facing the U.S // American Security Project. 2019 25 June. URL: <https://www.americansecurityproject.org/the-growing-threat-of-cyberterrorism-facing-the-us/> (дата обращения: 16.04.2021).

² Keith Lourdeau, Deputy Assistant Director, Cyber Division, FBI: Terrorism, Technology, and Homeland Security. Testimony before the Senate Judiciary Subcommittee. 2004 24 Feb. URL: https://www.judiciary.senate.gov/imo/media/doc/lourdeau_testimony_02_24_04.pdf (дата обращения: 15.04.2021).

на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) является, на наш взгляд, верным шагом Российского государства, направленным на соблюдение национальной безопасности информационной критической инфраструктуры.

При этом в статье 2 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» даны основные понятия, подпадающие под действие данного Закона, среди которых: критическая информационная инфраструктура, ее объекты и субъекты.

Исходя из анализа представленных субъектов и объектов критической инфраструктуры, на которые могут, произведены преступные посягательства, предусмотренные ст. 274.1 УК РФ следует констатировать, что все объекты являются объектами жизнеобеспечения (здравоохранение, транспорт, связь, энергетика и др.) в смысле, данном ему Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении № 1 от 09.02.2012 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», а именно «под иными действиями понимаются: устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности и иные действия.

Так, посягательства на объекты жизнеобеспечения криминализованы ст. 205 УК РФ (преступление против общественной безопасности), 215.2 УК РФ (преступление против общественной безопасности), 281 УК РФ (преступление к которым законодатель отнес объекты энергетика, электросвязи и жилищно-коммунального хозяйства, дороги, мосты, здания больниц, то есть идентичные перечню ст. 274.1. УК РФ (преступления в сфере компьютерной информации).

Однако, по нашему мнению, учитывая глобальную цифровизацию объектов жизнеобеспечения данные преступления могут затрагивать общественные отношения не только в сфере компьютерной информации, но и посягать на общественную безопасность.

К примеру, с помощью кибератаки можно отключить систему энергетика объекта здравоохранения, что повлечет, например, в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 отключение аппаратов Искусственной вентиляции легких и, как следствие, приведет к гибели людей или, учитывая подключение всех объектов дорожной инфраструктуры к единой компьютерной системе, возможно отключение всех светофоров дорожной сети, что приведет к аварийности и тяжким последствиям.

Так, в июне 2019 года Агентство Питания и Медикаментов США (U.S. Food and Drug Administration — FDA) выявило проблемы кибербезопасности с некоторыми инсулиновыми помпами Medtronic MiniMed, используемыми для контроля диабета. Уязвимость может позволить кому-то управлять насосом через другие устройства, которые подключаются к насосу через беспроводное соединение. Они могут поразить владельца слишком большим или слишком малым количеством инсулина, изнуряющего или убивающего пациента. При этом сами устройства были выпущены еще в 2008 году и лишь после обнаружения таких уязвимостей 11 моделей были отозваны¹.

Исходя из доклада «Киберпреступность: угрозы в период пандемии COVID-19», подготовленного международной исследовательской организацией Global Initiative Against Transnational Organized Crime (GIATOC) от 2 апреля 2020 года [2] следует, что: «12–13 марта 2020 г. университетская больница Брно, вторая по величине в Чешской республике, была атакована с помощью

¹ Turner T. Medical Device Cyber Attacks: TV Plot or Dangerous Reality? // Drugwatch. 2019 11 July. URL: <https://www.drugwatch.com/news/2019/07/11/medical-device-cyber-attacks-tv-plot-or-dangerous-reality/> (дата обращения: 16.04.2021).

вредоносной программы Ransomware¹. Медицинское учреждение было вынуждено прервать все операции и перевести всех пациентов в другую больницу². Университетская больница Брно является местом тестирования и лечения COVID-19, о чем было известно из средств массовой информации³. Киберпреступники, с целью получения выкупа, готовы были поставить под угрозу безопасность зараженных пациентов⁴. При этом GIATOC, основываясь на исследовании Британской Национальной службы здравоохранения (NHS) отмечает, что больницы и поликлиники до сих пор являются предпочтительными целями для кражи данных кража, с целью вымогательства, под угрозой распространения конфиденциальной информации пациентов. Бесспорно, данные действия аморальны, и при этом недешевы, учитывая выкуп, но, по мнению организации, вряд ли приведут к смертельному исходу.

Данные примеры, показывают, что направленность кибертерроризма, фактически идентична, но направлена на угрозу жизни

человека опосредованным способом, учитывая дистанционность использования технологий, что при этом не делает такие акты менее опасными.

К основным целям терроризма в киберпространстве следует отнести попытки воспрепятствования или разрушение процесса функционирования компьютерных систем или сетей информационной инфраструктуры государства или органов управления. Подобные преступные действия в отношении критически важных объектов информационной инфраструктуры представляют собой значительную угрозу, которая может иметь самые серьезные последствия для всего общества. Потенциальными целями могут быть государственные структуры, телекоммуникационные сети, навигационные системы для судоходства и воздушного движения, системы управления водными ресурсами, энергетические и финансовые системы, имеющие жизненно важное значение для социума. Эти факты предполагают адекватную правовую оценку их как уголовных преступлений, поскольку атаки кибертеррористов могут обладать значительным потенциалом для полного или частичного разрушения значительной части национальной информационной инфраструктуры [8, р. 49].

Заключение

При этом, создание угрозы наступления таких тяжких последствий от данных преступных посягательств на критическую информационную инфраструктуру носят также общественно-опасный характер и подлежат, на наш взгляд криминализации в качестве особо-квалифицирующего признака ст. 274.1 УК РФ.

В свою очередь, диспозиция ст. 205 УК РФ подлежит также разъяснению Пленумом ВС РФ, в части расширения перечня иных действий и посягательств, определяемых как террористический акт, с целью четкого разграничения со ст. 274.1 УК РФ.

Такого рода криминализация диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ, предусматривающая санкцию от 10 до 15 лет лишения свободы будет крайне полезной для национальной безопасности, критической информационной инфраструктуры и человека в частности.

¹ Ransomware является типом вредоносного программного обеспечения, которое препятствует доступу пользователей к их системным или личным файлам и требует выплаты выкупа, чтобы восстановить доступ. (См.: Ransomware // Malwarebytes. URL: <https://www.malwarebytes.com/ransomware/> (дата обращения: 16.04.2021)).

² Sophie Porter. Cyberattack on Czech hospital forces tech shutdown during coronavirus outbreak // Healthcare IT News. 2020 19 Mar. URL: <https://www.healthcareitnews.com/news/europe/cyberattack-czech-hospital-forces-tech-shutdown-during-coronavirus-outbreak> (дата обращения: 16.04.2021) ; Czech Republic's second-biggest hospital is hit by cyberattack // Prague Morning. 2020 13 Mar. URL: <https://www.praguemorning.cz/czech-republics-second-biggest-hospital-is-hit-by-cyberattack/> (дата обращения: 16.04.2021) ; Millman R. Coronavirus test results delayed by cyber-attack on Czech hospital // SC Media. 2020 16 Mar. URL: <https://www.scmagazineuk.com/coronavirustest-results-delayed-cyber-attack-czech-hospital/article/1677194> (дата обращения: 16.04.2021).

³ Catalin, Cimpanu. Czech hospital hit by cyberattack while in the midst of a COVID-19 outbreak // ZDNet. 2020 13 Mar. URL: <https://www.zdnet.com/article/czech-hospital-hit-by-cyber-attack-while-in-the-midst-of-a-covid-19-outbreak/> (дата обращения: 16.04.2021).

⁴ Suzanne, Barlyn. Global cyber attack could spur \$53 billion in losses: Lloyd's of London // Reuters. 2017 17 Jul. URL: <https://www.reuters.com/article/us-cyber-lloyds-report/global-cyber-attack-could-spur-53-billion-in-losses-lloyds-of-london-idUSKBN1A20AB> (дата обращения: 16.04.2021).

Данный вывод подтверждается и зарубежным опытом. Так, в Законе о терроризме США (Terrorism Act) от 2000 г правоохранительным органам было предоставлено право расценивать в качестве террористических действий те или иные действия, которые «вмешиваются или серьезно

нарушают работу какой-либо электронной системы» [10, с. 32].

Следует сделать вывод, что террористические организации продолжают наращивать свои ресурсы в этой области, а кибератаки будут продолжены, в том числе с корыстными целями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Theohary C. A., Rollins J. *Terrorist Use of the Internet: Information Operations in Cyberspace*. CRS Report for Congress. March 8, 2011. URL: <https://fas.org/sgp/crs/terror/R41674.pdf>
2. Mahadevan P. *Cybercrime. Threats during the COVID—2019 pandemic*. Global Initiative Against Transnational Organized Crime. April, 2020. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2020/04/Cybercrime-Threats-during-the-Covid-19-pandemic.pdf>
3. Coats D. R. *Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community*. Senate Select Committee on Intelligence. January 29, 2019. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/2019-ATA-SFR---SSCI.pdf>
4. Devost M. G., Houghton B. K., Pollard N. A. *Information Terrorism: Can You Trust Your Toaster?* The Terrorism Research Center. September, 1998. URL: <http://www.devost.net/papers/suntzu.pdf>
5. Gordon S., Ford R., *Cyberterrorism?* // *Computers & Security*. 2002. Vol. 21, Iss. 7. P. 636–647, [https://doi.org/10.1016/S0167-4048\(02\)01116-1](https://doi.org/10.1016/S0167-4048(02)01116-1)
6. Dunn M., Mauer V. (eds.) *International Critical Information Infrastructure Protection Handbook*. Zurich : Center for Security Studies at ETH. vol. II, 2006. 235 p. URL: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CIIP-HB-2006-2.pdf>
7. Millman R. *Coronavirus test results delayed by cyber-attack on Czech hospital* // SC Media. March, 16 2020. URL: <https://www.scmagazineuk.com/coronavirustest-results-delayed-cyber-attack-czech-hospital/article/1677194>
8. Schjolberg S., Ghernaouti-Helie S. *A Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime*. Second edition. Oslo.: AiTOslo, 2011. 97 p. URL: <https://docplayer.net/8426890-A-global-treaty-on-cybersecurity-and-cybercrime.html>
9. Weimann G. *Cyberterrorism. How Real Is the Threat?* // United States Institute of Peace. Special Report. 12 p. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf>
10. Громов Е. В. Развитие уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (США, Великобритании, Нидерландах, Польше) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11 (62). С. 30–35.

References

1. Theohary C. A., Rollins J. *Terrorist Use of the Internet: Information Operations in Cyberspace*. CRS Report for Congress. March 8, 2011. URL: <https://fas.org/sgp/crs/terror/R41674.pdf>
2. Mahadevan P. *Cybercrime. Threats during the COVID—2019 pandemic*. Global Initiative Against Transnational Organized Crime. April, 2020. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2020/04/Cybercrime-Threats-during-the-Covid-19-pandemic.pdf>
3. Coats D. R. *Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community*. Senate Select Committee on Intelligence. January 29, 2019. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/2019-ATA-SFR---SSCI.pdf>
4. Devost M. G., Houghton B. K., Pollard N. A. *Information Terrorism: Can You Trust Your Toaster?* The Terrorism Research Center. September, 1998. URL: <http://www.devost.net/papers/suntzu.pdf>

5. Gordon S., Ford R., Cyberterrorism? *Computers & Security*. 2002;21(7):636-647, [https://doi.org/10.1016/S0167-4048\(02\)01116-1](https://doi.org/10.1016/S0167-4048(02)01116-1)
6. Dunn M., Mauer V. (eds.) *International Critical Information Infrastructure Protection Handbook*. Zurich : Center for Security Studies at ETH. vol. II, 2006. URL: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CIIP-HB-2006-2.pdf>
7. Millman R. *Coronavirus test results delayed by cyber-attack on Czech hospital*. SC Media. March, 16 2020. URL: <https://www.scmagazineuk.com/coronavirustest-results-delayed-cyber-attack-czech-hospital/article/1677194>
8. Schjolberg S., Ghernaouti-Helie S. *A Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime. Second edition*. Oslo: AiTOslo, 2011. URL: <https://docplayer.net/8426890-A-global-treaty-on-cybersecurity-and-cybercrime.html>
9. Weimann G. *Cyberterrorism. How Real Is the Threat?* United States Institute of Peace. Special Report. 2004 Dec. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf>
10. Gromov E. V. Development of criminal legislation on crimes in the sphere of computer information in foreign countries (USA, Great Britain, Netherlands, Poland). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2006;(11):30-35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучков Денис Валентинович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета. 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.
d.puchkov@loys.law
<https://orcid.org/0000-0002-5318-0338>

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Denis V. Puchkov, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer, Criminal Law Department, Ural State Law University.
21 Komsomolskaya st., Ekaterinburg 620137, Russia.
d.puchkov@loys.law
<https://orcid.org/0000-0002-5318-0338>

Дата поступления статьи / Received: 21.08.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.10.2021.

Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 15.12.2021.

Review

**Review of the book
“Fighting Cybercrime:
International Legal and Institutional Framework
and Bosnia and Herzegovina”
by A. Murtezic, A. Dizdarevich MSc
Sarajevo, 2021**

Sadmir Karović

University of Travnik, Travnik, Bosnia and Herzegovina

karovic.s@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1777-0370>

Abstract. In 2021, the publishing house Art Rabic and University of Sarajevo’s Faculty of Criminal Justice, Criminology, and Security Studies published *Fighting Cybercrime: The International Legal and Institutional Framework and Bosnia & Herzegovina* by Dr. Arben Murtezić, the Director of the Center for Education of Judges and Prosecutors of the Federation of Bosnia and Herzegovina, with the cooperation of Andrea Dizdarević. The book was reviewed by Prof. Dr. Eldan Mujanović and Prof. Dr. Haris Halilović, both from the Faculty of Criminal Justice, Criminology, and Security Studies, University of Sarajevo. The foreword was written by Dr. Paul Norman, the Head of School at the University of Portsmouth’s Institute for Criminal Justice Studies. The fact that the book has been initially written in English makes it easier to use outside the former Yugoslavia.

Keywords: Book Review, Cybercrime, Fighting Cybercrime, Bosnia and Herzegovina

Рецензия

Рецензия на книгу Муртезич А., Диздаревич А. «Борьба с киберпреступностью: международные правовые и институциональные основы и Босния и Герцеговина» Сараево, 2021 г.

Садмир Карович

Университет Травника, Травник, Босния и Герцеговина

karovic.s@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1777-0370>

Аннотация. В 2021 году издательство Art Rabic и факультет уголовного правосудия, криминологии и исследований в области безопасности Университета Сараево опубликовали книгу «Борьба с киберпреступностью: Международные правовые и институциональные основы и Босния и Герцеговина» д-ра А. Муртезича, директора Центра образования судей и прокуроров Федерации Боснии и Герцеговины, при сотрудничестве с А. Диздаревич. Рецензентами книги выступили профессор д-р Э. Муянович и профессор д-р Х. Халилович, оба с факультета уголовного правосудия, криминологии и исследований в области безопасности Университета Сараево. Предисловие написал д-р П. Норман, руководитель школы Института исследований уголовного правосудия Портсмутского университета. Тот факт, что книга изначально была написана на английском языке, облегчает ее использование за пределами бывшей Югославии.

Ключевые слова: рецензия на книгу, киберпреступность, борьба с киберпреступностью, Босния и Герцеговина

The book incorporates various scientific and expert perspectives on the phenomenon of computer crime as a social and legal reality that has recently received more and more attention from not only scientists and professionals, but also the general public, because it is an intensifying and dynamic yet incredibly diverse phenomenon and has great geographical distribution, as well as other specific aspects of this criminal law that place new requirements on law enforcement authorities' ability to detect and prove criminal offenses in a timely and efficient manner. The text is substantive and, as such, addresses real and modern challenges in a manner compatible with finding adequate and proportionate solutions of a material and procedural nature. Legislators must review and critically analyze the already-existing legal solutions, considering the possibility of prescribing new incriminations at the state level, and prescribing adequate procedural solutions for the collection of necessary evidence in a way that takes the

protection of human rights and individual freedoms into account. The author observes this transnational phenomenon through the prism of the adequacy of the state response to cybercrime, taking stock of the essential issues that determine the success of the fight against this crime by taking both theoretical dilemmas and practical challenges into account. As already emphasized, the content's methodological conception is compatible with the needs and expectations of all persons from the scientific and practical (professional) worlds, but also all other parties who are interested in this important, interesting, challenging, and current issue – cybercrime. Cybercrime is a global phenomenon that, by its nature, appearance, and other specifics, transcends national borders, making interstate and inter-agency cooperation and the coordination of activities on international level imperative for effectively fighting this crime and achieving the expected criminal justice outcomes. Accordingly, one can take two perspectives towards

the development and use of information and communication technologies, either through the prism of socially-useful purposes and goals or the prism of abuse that aims at faster, simpler, and more efficient implementation of criminal activities. General development in all spheres of human activity, and especially in the segment of information and communication technologies, thus enables the "modernization" of crime. Adequate legal norms and actual monitoring, investigating and evidence collecting that responds to the requirements and challenges that are inherent in cybercrime together make it possible for law enforcement agencies and institutions to adequately (re)act.

In addition to the introduction, the book contains 11 compact sections as follows: Chapter 1. Domestic and international legal responses to cybercrime: focus on the Budapest Cybercrime Convention, Chapter 2. The European Union: criminal justice and cybersecurity legislation, Chapter 3. Cybersecurity Strategies, Chapter 4. Major international institutions and international cooperation, Chapter 5. Applicable Criminal Legislation in Bosnia and Herzegovina: compliance with COE convention, Chapter 6. Legislation in Bosnia and Herzegovina Related to Cybersecurity: Civil and Administrative Aspect, Chapter 7. Cybercrime in Bosnia and Herzegovina: Threats and Challenges, Chapter 8. Prosecutor's Perspective, Chapter 9. Digital Forensic's Perspective, Chapter 10. Conclusion and Future Research, 11. Conclusions and Recommendations: outline for future cybersecurity strategy.

The introduction offers a conceptual definition of cybercrime, its typology, and other specifics of this modern scourge by touching on the legal response (dilemmas and challenges), protection of intellectual property, and the destructive nature of this crime. The complexity of defining this crime is emphasized, with reference to its most important or essential factors that directly determine this phenomenon. Regarding domestic and international legal responses to cybercrime, the introduction stresses the evolution or development of national legislation and the chronology of international efforts to prevent and control cybercrime with a special focus on, and analysis of, the main goals of the Council of Europe Convention on Cybercrime. In

addition, there is a comprehensive overview and analysis of the Additional Protocol and the guidelines regulating important implementational issues.

For Bosnia and Herzegovina, European Union legislation regarding cybersecurity is of great importance, especially in regards to the adjustment and harmonization of criminal legislation with international legal standards. By signing and ratifying international legal documents (convention, contract) the state of Bosnia and Herzegovina has undertaken the obligation to harmonize and adapt its national criminal legislation in order to effectively and vigorously combat crime. The wave of reforms of criminal (substantive and procedural) legislation in Bosnia and Herzegovina as a transitional state over the last two decades has focused on efficiency but also on a completely clear commitment to the protection of human rights and freedoms.

A more adequate and comprehensive understanding of the process of drafting laws, norms and appropriate rules and procedures requires the analysis of certain approaches, policies, and strategies. Accordingly, one of the most important strategies of the United Kingdom, considered to be one of the leaders in this field, was reviewed in light of the fact that it has already issued a second strategy, unlike some European countries that have only issued one strategy. An effective and energetic fight against cybercrime is practically impossible without international institutions taking the leadership role, but also international cooperation, which is imperative. In this sense, the author lists the relevant international institutions with a brief overview of their activities, importance, and jurisdiction. Bosnia and Herzegovina signed the Convention on September 2, 2005, ratified it on May 19, 2006, and it entered into force on September 1, 2006, as such the state of Bosnia and Herzegovina formally undertook to respect and apply the above mentioned Convention. It follows that legal solutions must be compatible with the provisions of the Convention even though there are still shortcomings. Bosnia and Herzegovina's complex constitutional structure determines and conditions the manner of organization and functioning of criminal legislation at all four levels — state level,

entity level (Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska), Brčko District of Bosnia and Herzegovina. Also emphasized was the importance of protecting classified data, given both its general importance and specific importance in the context of protecting human rights and freedoms.

Cybercrime has not bypassed Bosnia and Herzegovina, which faces numerous challenges and threats that, by their nature, require institutional entities to respond with timely and efficient legal action to prevent and detect these crimes as well as undertaking investigations and evidence gathering. It follows that it is necessary to state and consider the actual capacity and possible outcomes of, primarily, the prosecution, but also other law enforcement agencies, in responding to cybercrime adequately and proportionally. With regard to the nature and phenomenological aspects of cybercrime's various forms, the relevance of the role of digital forensic scientist has increased for justified and purposeful reasons. Digital forensics must meet new requirements relating to the adequate collection, storage, identification, analysis, interpretation, and

presentation of digital evidence from digital sources in order to assist in clarifying and resolving criminal matters and rendering correct judicial decisions. In the final analysis, it is crucial to reach appropriate conclusions and recommendations about future research and improvements to the institutional capacity to combat cybercrime in modern conditions.

This monograph made use of domestic and foreign scientific and professional literature (including books, textbooks, monographs, scientific and professional articles, scientific research papers, and various Internet sources). The style of presentation is clear, readable, and easily-understandable, and its content will interest both academic and professional audiences even as it respects the complexity of cybercrime as a transnational phenomenon or reality in society. Therefore, I would recommend this monograph to all those with a scientific or professional interest in cybercrime, since reading and consulting this monograph is of great importance and holds many benefits in terms of acquiring new, and expanding existing, knowledge in this field, but also for critical re-examination and reflection on this phenomenon.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sadmir Karović, Doctor of Law — Criminal Law, Associate Professor of Criminal Law at the Faculty of Law, University of Travnik (Azapovici 439, Kiseljak, Bosnia and Herzegovina); employed by the State Investigation and Protection Agency, Bosnia and Herzegovina.

karovic.s@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1777-0370>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Садмир Карович, Доктор права — Уголовное право, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Университета Травника (Азаповичи, 439, Киселяк, Босния и Герцеговина), работает в Государственном агентстве расследований и защиты, Босния и Герцеговина.

karovic.s@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1777-0370>

Дата поступления статьи / Received: 16.11.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.12.2021.

**Бегишев И. Р. Автономная робототехника
в системе уголовно-правовых отношений : монография.
Москва: Проспект, 2022. 160 с.**

И. Р. БЕГИШЕВ

В монографии исследуются уголовно-правовые и криминологические аспекты разработки, производства и применения роботов, определяется место беспилотных транспортных средств, летального автономного оружия и автономных роботов в системе уголовно-правовых отношений. Особое внимание в работе уделено построению модели уголовно-правовой реакции государства на потенциальную возможность причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям, ценностям и интересам в процессе функционирования автономных роботов. Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами уголовно-правового регулирования автономной робототехники.

Ключевые слова: автономность, робот, робототехника, искусственный интеллект, преступление, наказание, ответственность, цифровые технологии, цифровая экономика

**Begishev I. R. Autonomous robotics
in the system of criminal law relations: monograph.
Moscow: Prospekt, 2022. 160 p. (in Russ.)**

The monograph examines the criminal-legal and criminological aspects of the development, production and use of robots, determines the place of unmanned vehicles, lethal autonomous weapons and autonomous robots in the system of criminal-legal relations. Special attention is paid to the construction of a model of the criminal-legal reaction of the state to the potential possibility of harming public relations, values and interests protected by law in the process of functioning of autonomous robots.

For students, postgraduates and teachers of law schools and faculties, as well as a wide range of readers interested in the issues of criminal law regulation of autonomous robotics.

Keywords: autonomy, robot, robotics, artificial intelligence, crime, punishment, responsibility, digital technology, digital economy

Аннотация к монографии

Наука, связанная с разработкой и внедрением в массы робототехнических технологий, — робототехника — является одним из важнейших научно-практических направлений нашего времени и в ближайшие годы станет более актуальной во многих областях жизни. Пропорционально внедрению робототехнических технологий в человеческую жизнь возрастает и автономия таких роботов, которые все больше и больше приближаются к образцам человеческого мышления. Все это свидетельствует о том, что перед будущим робототехники поставлена задача создать таких роботов, которые будут способны адаптироваться к неструктурированной среде.

Работа включает четыре главы, каждая из которых раскрывает определенные аспекты уголовно-правового регулирования правоотношений с участием автономной робототехники.

Первая глава посвящена рассмотрению вопросов, связанных с уголовно-правовыми и криминологическими аспектами разработки, производства и применения роботов. В главе обозначены проблемы правового регулирования робототехники, выявлены криминологические риски разработки, производства и применения роботов, определены проблемы и перспективы уголовно-правовой охраны общественных отношений с участием роботов и факторы, влияющие на робопреступность.

Во второй главе монографии проводится изучение места беспилотных транспортных средств в системе уголовно-правовых отношений. В этом разделе книги рассматриваются механизмы совершенствования системы правового регулирования беспилотных транспортных средств. Важной частью данной главы выступает анализ криминологических рисков применения беспилотных транспортных средств и вопросов, касающихся наступления ответственности за вред, причиненный такими средствами.

Третья глава рассматривает летальное автономное оружие в системе уголовно-правовых отношений. В частности, дается оценка летального автономного оружия с позиции его характеристики в качестве потенциальной угрозы для мира и безопасности

человечества. В результате проведенного правового анализа был сделан вывод о том, что необходимо в ближайшее время обратить внимание на отсутствие в международном законодательстве норм, прямо запрещающих оборот автономных военных роботов, и устранить данный пробел, чтобы не подвергать уничтожению человечество в целом. Кроме того, в главе рассмотрены этические проблемы вооруженного конфликта, который протекает с использованием летального автономного оружия, исследованы криминологические риски применения летального автономного оружия, такие как риск распределения ответственности за использование летального автономного оружия, риск выхода летального автономного оружия из-под контроля человека, риск незаконного оборота летального автономного оружия.

В завершающей монографию главе рассмотрена роль автономных роботов в системе уголовно-правовых отношений. Автором исследуется проблема определения правосубъектности автономных роботов, проводится анализ позиций компетентных специалистов в данной области. По результатам анализа дискуссии в рамках данного вопроса следует вывод о том, что в сложившихся условиях невозможно наделить автономного робота правосубъектностью, так как сквозные цифровые технологии еще не достигли необходимого уровня развития. Однако с течением времени и в процессе совершенствования этих технологий ситуация может измениться и наделение автономного робота правосубъектностью станет необходимостью.

Исследование вопроса возможности применения уголовного наказания к автономным роботам завершает указанную главу. Автором предложены варианты правовой взаимосвязи между поведением субъекта, способного подлежать уголовной ответственности, и фактом причинения вреда в процессе функционирования автономного робота, на основании чего им было определено, что формы реализации мер уголовно-правового характера, применяемых в отношении автономных роботов, находятся в прямой причинной зависимости с тем фактором, который повлек причинение вреда в процессе функционирования такого робота.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научно-практического журнала «Виктимология»
совместно с кафедрой прокурорского надзора
и организации правоохранительной деятельности
Института права Челябинского государственного университета
приглашает Вас принять участие
в **V Международной научной конференции**
«Защита жертв преступлений в современном обществе» (PVCMS 2022)
которая пройдет в формате интернет-конференции
22 февраля 2022 г.

В рамках конференции планируется обсуждение следующих вопросов:

1. Жертва преступления в современном обществе;
2. Виктимизация в условиях всеобщей цифровизации и ее последствия;
3. Предупреждение виктимизации и виктимологическая профилактика преступлений;
4. Проблемы уголовной политики в сфере защиты жертв преступлений;
5. Процессуальные проблемы защиты жертв преступлений;
6. Судебная защита жертв преступлений;
7. Государственная поддержка жертв преступлений;
8. Цифровое правосудие и защита жертв преступлений;
9. Прокурорский надзор в сфере обеспечения прав потерпевших от преступления;
10. Жертвы вооруженных конфликтов и террористических актов;
11. Международный опыт защиты жертв преступлений.

Перечень обсуждаемых вопросов и научных может быть расширен в рамках общей темы конференции.

Форма проведения мероприятия: интернет-конференция

ДЛЯ УЧАСТИЯ В КОНФЕРЕНЦИИ НЕОБХОДИМО:

- 1) до 10 февраля 2022 года заполненную заявку на участие в конференции (Приложение 2) выслать по электронной почте на адрес victimology@mail.ru заявку;
- 2) подготовленную в соответствии с указанными требованиями (Приложение 1) статью выслать по электронной почте на адрес victimology@mail.ru.

Студенты, магистры, аспиранты и соискатели должны прислать рецензию научного руководителя (скан-копия либо фото подписанной научным руководителем рецензии);

Научные статьи, отвечающие требованиям актуальности, новизны и оригинальности после прохождения процедуры внутреннего рецензирования будут опубликованы в научно-практическом журнале «**ВИКТИМОЛОГИЯ**» (ISSN 2411-0590; e-ISSN 2728-277X).

По итогам конференции планируется издание электронного Сборника материалов, куда войдут статьи студентов, магистрантов и аспирантов, с размещением на Web-сайте.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

МАЙОРОВ Андрей Владимирович — главный редактор научно-практического журнала «Виктимология», заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, ЧелГУ

Тел.: +7 (908) 570-73-15
e-mail: victimology@mail.ru

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Редакция научно-практического журнала «Виктимология»:

Тел.: +7 (908) 570-73-15 (МАЙОРОВ Андрей Владимирович)

e-mail: victimology@mail.ru

Челябинский государственный университет, Институт права
кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности:

454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129, ауд. 321.

e-mail: labour@csu.ru

Тел.: +7 (351) 799-71-84

Мы ждем Вас в числе участников конференции!

*С уважением, гл. редактор
А. В. Майоров*

Приложение 1

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Объем 5–15 страниц.

Текстовый редактор Microsoft Word, формат rtf, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, интервал — 1,5; отступ первой строки абзаца — 1,25 см; поля: сверху и снизу — 20 мм, справа и слева — 20 мм.

Страницы без колонтитулов, не нумеруются.

Оформление: в правом верхнем углу страницы указываются: фамилия, имя и отчество автора, ученая степень, ученое звание (при наличии), вуз (место работы), e-mail, а также фамилия, имя, отчество, ученая степень и ученое звание научного руководителя (при наличии).

Название статьи набирается заглавными буквами и выравнивается по центру, далее через строку размещается аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний).

Цитаты заключаются в кавычки.

Примечания автора оформляются в виде подстрочных сносок.

Список источников составляется в порядке упоминания в тексте, в объеме 5–10 источников. Отсылки к Списку источников с указанием порядкового номера источника и номеров страницы заключаются в квадратные скобки.

В тексте допускаются рисунки, таблицы и схемы.

ЗАЯВКА
на участие в V Международной научной конференции
«Защита жертв преступлений в современном обществе»
(PVCMS 2022)

Фамилия, имя, отчество	
Страна	
Организация / ВУЗ, адрес	
Должность	
Ученое звание, ученая степень (при наличии)	
Тема доклада (статьи)	
Научный руководитель: ФИО, должность, ученое звание, ученая степень (для студентов, магистров и аспирантов)	
Телефон, e-mail	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данную заявку, я _____
(Фамилия Имя Отчество)

выражаю согласие на то, что представление рукописи статьи в адрес оргкомитета конференции, является конклюдентным действием, направленным на передачу исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение версии в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических электронных базах данных.

Также предоставляю в адрес оргкомитета конференции свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Оргкомитет имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

«__» _____ 2022 г.

_____/_____/_____
Подпись / Фамилия И. О.

Правила представления рукописей статей в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшихся и не предназначенные для одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, должна соответствовать тематике и требованиям журнала. Объем статьи—8–15 стр., формат—А4. После текста статьи

размещается запись «*Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые*» и ставится подпись автора (соавторов). Ставя свою подпись, автор (соавторы) тем самым передает права на издание статьи редакции и выражает согласие на размещение статьи в базе РИНЦ.

Требования к оформлению статей рукописей

- УДК (указывается перед текстом).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и английском языках.
- Аннотация (150–250 слов) и список ключевых слов в именительном падеже (5–7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы: формат—А4; поля—по 2 см с каждой стороны.
- Редактор—Microsoft Word. Формат текстового файла—doc; docx. Гарнитура—Times New Roman.
- Размер шрифта (кегель)—14 пт., без уплотнения или разрежения. В таблицах и подписях к иллюстрациям рекомендуется уменьшение размера шрифта до 12 пт.
- Отступ в начале абзаца—1,25 см.
- Междустрочный интервал—полусторонний. Выравнивание текста—по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов не допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в алфавитном порядке в виде пронумерованного списка. Отсылки к списку литературы даются в тексте в квадратных скобках (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся названием используемой литературы или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи размещается информация об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

С рукописью необходимо предоставить:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла указывается фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) (форма размещена на сайте издания), ORCID.
3. Аспиранты и соискатели ученой степени кандидата наук должны предоставлять рецензию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (оригинал на бумажном носителе или отсканированную копию).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimology@mail.ru.

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

**Редакция оставляет за собой право редактировать статьи
и сокращать материал.**

Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

ВИКТИМОЛОГИЯ

2021. Т. 8, № 4.

Дата подписания 25.12.2021. Дата выхода в свет 30.12.2021. Формат 70×108/16.

Усл. печ. л. 11,9. Тираж 150 экз. Заказ № 558.

Цена свободная

Отпечатано в издательстве Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

VICTIMOLOGY

2020. Vol. 8, no. 4.

Signing Date: 25.12.2021. Date of publication of the 30.12.2021. Format 70×108/16.

Conventional printed sheet 11,9. Circulation 150 issues. Order no. 558.

Open price

Printed by: Chelyabinsk State University Press.
57-b Molodogvardeytsev street, Chelyabinsk 454021.
